

до
и
после

Эмма Миллс

[VK.COM/FASHIONABLE_LIBRARY](https://vk.com/fashionable_library)
[VK.COM/BOOKISH_ADDICTED](https://vk.com/bookish_addicted)

Девон Теннисон не желает перемен. Она вполне довольна жизнью, наблюдает с трибун за пятничными матчами, молча любит своего лучшего друга Кэса и блаженно игнорирует будущее после окончания школы. Но у вселенной другие планы. Она приводит двоюродного брата Дев, Фостера, — упрямого и не похожего на других подростка, у которого обнаруживается неожиданный футбольный талант — и вызывающе высокомерного и раздражающе привлекательного раннинбека Эзру прямо туда, куда Девон меньше всего хотелось бы: сначала на уроки физкультуры, а потом и в остальные сферы ее жизни.

«Гордость и предубеждение» и «Огни ночной пятницы» встречаются на страницах этого современного романа о зарождении любви к неожиданному мальчику, к новому брату и к самой себе.

Переводчики:

Лиза Козинцева

Мария Максимова

Кристина Плиткина

Аннара Темирханова

Обложка: Врединка Тм

Совместный проект групп:

Bookish addicted: Переводы книг, рецензии

FASHIONABLE LIBRARY | М.Маби

Эмма Миллс

«ДО И ПОСЛЕ»

1

Мое эссе для колледжа называлось «Я и школьные обеды в Темпл-Стерлинге» и было именно таким ужасным, как вы думаете.

Пока миссис Уэнтворт его читала, я разглядывала плакат на стене у нее за спиной. Фото львиного прайда в саванне, как будто сделанное специально для National Geographic. Лев на первом плане выглядел особенно величаво. Золотистое солнце освещало его гриву, и если львы на заднем плане смотрели в разные стороны, то темные глаза этого были направлены прямо на меня. Под снимком большими буквами типографским шрифтом было напечатано слово «УСПЕХ».

Ясно, что плакат должен был меня на что-то воодушевить. Не знаю точно, на что. Бегать быстрее. Убивать больше газелей. Стать лучше, чем львиная гопота, зависающая на заднем плане.

Наконец миссис Уэнтворт прочистила горло и произнесла только:

— Школьные обеды.

Фраза подразумевала незаданный вопрос «почему?».

— В приглашении предлагалось описать эпизод из своей жизни. За всю жизнь люди съедают огромное количество школьных обедов, верно?

— И еда из столовой имела для тебя какое-то... важное значение?

— Врать не буду, меня очень впечатлило картофельное пюре.

С губами миссис Уэнтворт творилось что-то непонятное, они как-то странно кривились. Думаю, это сошлись в смертельной битве неодобрение и улыбка.

— Девон, мне очень нужно, чтобы ты отнеслась к этому серьезно.

Под «серьезно» имелось в виду: иди домой и напиши эссе об умершем родственнике, или о больной птичке, которую вылечила, когда была маленькой, или о миссионерской поездке в Гвадалахару для постройки домов. Я просто не могла собраться с духом и сделать это. Я никогда не была в Мексике.

Но тут она меня удивила:

— Не пойми меня неправильно. Дело не в теме. Дело в исполнении. Такая тема вполне подошла бы. Ее можно раскрыть остроумно, оригинально и очень занимательно. Но выглядит так, будто ты написала это во время рекламной паузы.

Я даже обиделась. Мне потребовалось целых четыре рекламных паузы.

— Насколько сильно ты на самом деле думала над этим?

Не то чтобы я совсем об этом не задумывалась. Я даже составила в уме эссе, написанное в стиле Джейн Остин. Джейн мой бесспорно любимый автор, и я знаю, что настоящая история моей жизни была бы написана в ее стиле.

Джейн не чуралась правды о людях. Мне казалось, что я знаю ее по ее книгам, знаю, каким человеком она была, и этот человек мне очень нравился. Она видела людей такими, какие они есть, и умела невообразимо элегантно описать все, что угодно. Джейн сказала бы, как есть.

К сожалению, «как есть» в моей ситуации не лучший вариант эссе для колледжа. Мисс Девон Теннисон просит зачислить ее в ваше учебное заведение несмотря на то, что она сама посредственность.

Ничего этого я не могла сказать миссис Уэнтворт. Не думаю, что она поняла бы, что я успокаиваюсь, глядя на все глазами Джейн. Ей, вероятно, не понять

удовлетворения, которое я получаю, представляя себя «ничем не выдающейся мисс Девон Теннисон» в противоположность просто скучной Девон Теннисон.

Не дождавшись ответа, миссис Уэнтворт отложила мое эссе.

— Девон, настал решающий момент. В этом семестре тебе придется много сделать, если ты хочешь, чтобы твои заявления были конкурентоспособными. У тебя неплохой средний балл, но тебе явно не хватает внеурочной занятости. Хотя бы это ты понимаешь?

Одна короткая встреча в качестве руководителя команды девочек по кроссу. Одна провальная попытка стать королевой бала выпускников. Одна роль без слов в ежегодном надругательстве театрального кружка над «Красавицей и Чудовищем». Определенно, я это понимала.

Я могла бы указать, что присоединилась к кружку самой миссис Уэнтворт, «Дорога к колледжу», но вряд ли это можно назвать добровольным, и на данный момент я являлась его единственным членом. Так что я просто кивнула и попыталась выглядеть серьезно.

— У тебя еще есть время. Сейчас только август, но не успеешь оглянуться, как сроки начнут поджимать. Ты выразила некоторую заинтересованность в Ридинге. Давай займемся им. Но мы должны изучить все варианты. Если у тебя на уме есть другие колледжи, давай посетим их.

— Посетим?

На секунду я вообразила, как во время поездки мы с миссис Уэнтворт спорим по поводу бесплатных шапочек для душа в номере какого-нибудь дешевого мотеля.

— Нельзя принять взвешенное решение, не зная, во что ввязываешься, — сказала миссис Уэнтворт. — Ты же не станешь покупать платье без примерки?

Я проглотила ответ: «Может, я купила его через интернет» — и просто покачала головой. Меня пугала не идея посетить колледжи, а вообще само понятие «кружок «Дорога к колледжу». «Я думаю, это будет тебе полезно», — сказала мама, держа присланный по почте рекламный листок, официально приравняв «Дорогу к колледжу» к брокколи и солнцезащитному крему. Может, оно и полезно, но это не значит, что я обязана этим наслаждаться.

— Тебе интересны какие-нибудь профильные предметы?

— Не особенно.

Плотный завтрак и просмотр программ для подростков по кабельному телевидению наверняка вызовет эпичную битву, в которой улыбка миссис Уэнтворт просто обречена на поражение.

— Что ж, тебе есть над чем подумать. Я хочу, чтобы на этой неделе ты занялась внеурочной деятельностью. Присоединись к какому-нибудь кружку. Организуй свой. Еще не поздно выползти из дома и включиться в жизнь.

Бр-р. Слово словно слоган из рекламного буклета. Я подавила желание закатить глаза и выбрала ни к чему не обязывающий кивок.

С минуту стояла тишина. Я думала, что миссис Уэнтворт меня отпустит, но, когда я подняла голову, она изучала меня прищуренными глазами.

Ее звали Изобель. Она не была старой, по большому счету, но с точки зрения школьников считалась таковой. Она носила свитера с узорами и длинные бесформенные юбки с цветами. Однако у миссис Уэнтворт были очень красивые глаза с густыми темными ресницами. Такими же зелеными и выразительными они, наверное, были, и когда она была моего возраста. Мне нравилось думать, что тогда она была невероятно популярна. Все парни ходили за ней следом, предлагали подвезти до дома и говорили, что она похожа на девушку с обложки. А она смеялась, откинув волосы, и понятия не имела, что придет время, когда она станет миссис Уэнтворт и будет

беспокоиться о том, что надо написать несносной девчонке, чтобы поступить в Университет Ридинг.

— Девон, — сказала она, и мне почему-то показалось, что в ее голосе прозвучала больше Изобель и меньше миссис Уэнтворт. — Ты хочешь поступить в колледж?

Никто никогда не спрашивал меня об этом. Колледж был в порядке вещей. Согласно моим родителям, между рождением и смертью обязательно должен стоять колледж.

— Я не знаю, что еще делать, — сказала я.

— Пойди в армию, — просто ответила она.

Я скорчила рожу.

— Ненавижу, когда на меня орут.

— Тогда в «Корпус мира».

Из моего горла вырвался придушенный звук, словно кто-то придавил кошку.

— Ненавижу быть бескорыстной.

— Хорошо. — Губы миссис Уэнтворт снова дернулись. — Иди работать.

— Работать? Вот так просто?

— Многие это делают. Некоторые очень успешные люди никогда не учились в колледже.

— Ага, посмотрите на Голливуд.

— Еще один вариант. Отправляйся в Голливуд. Стань звездой.

— Но я не умею играть. Я даже никогда не разговаривала в пьесе.

— Так вступи в театральный кружок.

— О да, хористка номер двенадцать станет моим билетом к славе.

— Почему нет?

— Во-первых, это должно нравиться, а мне не нравится, и во-вторых, нужно хорошо уметь это делать, а я не умею.

— А что ты умеешь?

— Не знаю. На самом деле ничего.

— Как ты можешь так говорить?

Я не могла правильно сформулировать ответ, не прибегая к помощи Джейн. Без тех ее оборотов, которые придавали элегантность даже неприятным вещам. Она бы сказала, что мне не достает своеобразия. Я твердая посредственность. В подобных ситуациях исключительно... неспособная. Перед лицом напечатанного заглавными буквами успеха. Что, если в тебе этого нет? Что, если глубоко в душе ты просто один из тех львов на заднем плане?

— Каждый человек что-то умеет, — сказала миссис Уэнтворт, понаблюдав за мной. — Ты найдешь свою нишу. А знаешь подходящее для этого место?

— Колледж?

— Видишь, ты умеешь угадывать. Это уже кое-что.

Я слабо улыбнулась.

— Я считаю, что ты прекрасный кандидат для колледжа. Не думай, что я пытаюсь тебя отговорить. Я просто хочу знать, почему ты хочешь продолжать образование.

— Из-за родителей, — сказала я. Она могла бы сразу просто спросить.

— Чтобы уйти от них?

— Чтобы они меня не убили.

Ее губы дернулись непривычно сильно.

— Я хочу, чтобы ты сама принимала в этом участие, — сказала она, убирая эссе в мое дело. Кроме него в папке была только помятая открытка из Университета Ридинг,

которую я показала ей на нашей первой встрече. — И попытайся написать эссе еще раз. Черт, напиши историю всей жизни.

Я опять скривилась.

— Хорошо, хорошо, я не буду забегать вперед. Хорошего дня, Девон.

— И вам, — сказала я и вышла из кабинета.

* * *

Я шла к футбольному полю и думала о том, что сказала миссис Уэнтворт. В основном я думала про эссе — страницу моей жизни. Я представляла, как написала бы о том, что состою в «Корпусе мира»: благотворительница Девон, разъезжающая по джунглям и пустыням, полная желанием пожертвовать собой ради блага других. Именно этого и хотят те люди из колледжа: некую эффектную, решительно оригинальную историю между листами с оценками. Сколько часов вы работали волонтером; расскажите нам, когда именно случилась ваша ошеломляющая победа над невзгодами.

Мне казалось, что я никогда ничего не делала. Я никогда не страдала. Я никогда не побеждала. Я обычный ребенок из семьи среднего класса, живущей в пригороде, который все семнадцать лет сумел оставаться весьма невпечатляющим. Победа над заурядностью — вот что мне нужно.

— Кружок по колледжу закончился раньше?

Где бы я ни была, Фостер умел меня найти.

До этого лета он был двоюродным братом из тех, с которым встречаешься примерно раз в четыре года на Рождество. Его семья жила в Калифорнии, а мы во Флориде, и это было как нельзя лучше, идеальная допустимая доза Фостера. Но все изменилось, и новая доза Фостера в моей жизни иногда становилась весьма труднопереносимой.

Он бросил свою сумку на траву и плюхнулся рядом со мной на трибуну.

— Кружок придурков закончился раньше? — спросила я.

Секунду он смотрел на меня, а потом сказал:

— Я понял, что ты сделала. Я сказал «колледж» про твой кружок, а ты сказала «придурки» про мой. Умно.

Я смотрела на поле, отчасти, чтобы избежать необходимости отвечать, отчасти потому, что начиналась тренировка, а это моя любимая часть. Все игроки встают в круг для разминки. Больше всего мне нравятся прыжки, то, как парни считают хором. Трудно разглядеть лица, когда все в форме, но Кэса Кинкейда я найду где угодно. Он всегда прыгает лениво.

Фостеру Кэс не нравился, но мне не нравился Фостер. Мне, наверное, следовало бы ему посочувствовать, но Фостер обладал такой особенностью, как неспособность сказать или сделать хоть что-то по-человечески. Иногда я думала, что, если земля разверзнется и поглотит наш дом, он просто будет стоять на тротуаре, выбирая песню на айпоне.

— Чему ты научилась на кружке по колледжу?

— Перестань называть его кружком по колледжу.

Как будто «Кружок «Дорога к колледжу» звучит намного лучше.

— Перестань называть мой кружком придурков, — парировал Фостер.

Ирония в том, что если какой кружок и заслуживал названия «кружок по колледжу», то это его. На профориентации в девятом классе Фостер записался в кружок «Будущие революционеры американской науки». Каждые две недели там собирались эти гениальные детишки, которые любят строить роботов и запоминать

бесконечные цифры числа пи. Большинство из них, наверное, могли бы поступить в большее количество колледжей, учась в девятом классе, чем я, учась в выпускном.

Скандирование прекратилось, и парни приступили к новому упражнению. Фостер проследил за моим взглядом, направленным на поле, а точнее, на Кэса.

— Тебе не кажется, что это тупо — все время таскаться за ним следом?

Я не ответила, но на самом деле я и не прислушивалась.

— Ты не чувствуешь себя тупой, зависая поблизости в ожидании него? — повторил Фостер, слегка подпрыгивая на скамейке, как резника, которую то и дело растягивают.

— С чего мне чувствовать себя тупой?

— Потому что он не зависает поблизости и не ждет тебя. Неужели ты не хочешь такого парня, который будет тебя ждать?

— Он мне не парень. Мы просто друзья.

— Так зачем ты закрываешь дверь в комнату всякий раз, когда он приходит?

— Чтобы ты не вошел.

— Сексом вы там не занимаетесь?

— Нет! — Я оглянулась на Фостера, почти наверняка, самого костлявого, самого незрелого четырнадцатилетнего мальчишку во Флориде, а может, даже и во всем мире. — Нет. Никто не занимается сексом где попало.

— Уверен, что есть люди, которые занимаются сексом прямо сейчас. По всему миру. Уверен, что сейчас миллионы людей занимаются сексом. В Европе сейчас ночь. Разве люди в большинстве своем не занимаются сексом ночью?

— Прекрати говорить о сексе, Фостер.

— Почему? Тебе неприятно? Кэс заставляет тебя нервничать? Знаешь, я могу его стукнуть. Я знаю, как бить.

— Никакого битья. Никаких разговоров. Давай просто помолчим, ладно? Давай поиграем в «рот на замок».

— Хорошо.

Фостеру нравилось думать, что он лучший в этой игре. Я была достаточно взрослой, чтобы понимать, что моя мама затевала ее, только чтобы я помолчала, когда была маленькая. Он тоже достаточно взрослый, чтобы это понять.

— Подожди-ка. Нас забирает твой папа? Потому что я не поеду с Кэсом. Он воняет.

— Сам ты воняешь.

Пауза.

— Я понимаю, что ты сделала.

Я вздохнула.

— Рот на замок, Фостер.

— Ты первая.

Я провела сомкнутыми пальцами по губам. Фостер сделал то же самое, и наступило временное затишье.

Затишье длилось всю дорогу домой, даже после того как я, по сути, проиграла, поприветствовав папу.

— Как в школе? — спросила мама вечером, положив одну руку на бедро, а в другой держа деревянную ложку и помешивая соус для пасты. Фостер торчал перед телевизором, а папа был в своем кабинете. В доме было тихо, не считая чуть слышного бульканья соуса и приглушенного гула телевизора Фостера.

— Хорошо.

Я принялась накрывать на стол, потому что знала, что мама все равно попросит меня этим заняться.

— Как Фостер?

Ненавижу такие вопросы. Что тут ответишь? Как будто он погодные условия. Фостер был облачным с восьмидесятипроцентной вероятностью выпадения осадков.

— Кажется, хорошо, — сказала я, доставая из шкафчика салфетки. Я еще не совсем привыкла брать четыре вместо трех.

— Думаешь... — Она так явно старалась говорить непринужденно. — Думаешь, он хорошо вписывается?

— Прошло всего лишь три дня.

— Но как ты думаешь, он заводит друзей?

— Не знаю. — Это ложь. — Я не много его вижу. — Это тоже ложь. Я знаю, что он не заводит друзей, иначе не таскался бы постоянно за мной.

— Что насчет физкультуры?

Когда я училась в десятом классе, физкультуру сделали обязательным предметом для девятиклассников, а поскольку я слишком долго оттягивала, то была обречена провести два семестра единственной выпускницей среди целого класса переполненных гормонами девятиклассников.

— У нас был только один урок, — сказала я.

— И?

— И мистер Селлерс говорил нам о форме и спортивном расписании, и все. — Мама открыла было рот, но я продолжила: — Насколько я знаю, никто не впечатывал его в шкафчики, не обзывал и не обращался с ним иначе, чем с любым другим новичком.

Это, кажется, ее успокоило, но я знала, что, скорее всего, только на время, так что я бросила приборы на стол и поторопилась уйти в свою комнату, пока она не спросила еще что-нибудь.

Вечером, перед тем как лечь спать, я позвонила Кэсу. Это одна из моих любимых вещей: свернуться под одеялом, прижав к уху телефон, зная, что засну, как только нажму отбой.

— Номер четыре, — услышала я приглушенный голос Кэса, — с пепси и... Привет, Дев, напомни мне, чтобы я рассказал тебе про тренировку... и бургер без маринованных огурцов, но добавьте кетчуп.

Кэс практически не способен сосредоточить внимание только на одном разговоре. Но сложно даже упрекать его за это; он просто получал удовольствие от постоянной занятости, интересовался всем и вся. Но когда он действительно был нужен как друг, он сдерживался.

— Что случилось на тренировке?

— Тренер устроил разнос Марберри... — Потом в окошко: — Спасибо, чувак, можно мне пару салфеток? — И снова мне: — ...потому что тот едва не убился, пытаясь свалить Эзру.

— Зачем он это сделал?

— Потому что он долбаный идиот, — неразборчиво сказал Кэс, потому что теперь он одновременно ел, разговаривал и вел машину. — Нет, ну серьезно, он злится, что его переставили на позицию сэйфти¹, а Эзра только начинающий раннинбек². — В его голосе обозначилась лишь легкая мрачность, которую я уловила только потому, что знала его много лет. — И, знаешь, из-за Кубка.

1 Сэйфти — позиция игрока в американском футболе; последняя линия защиты (обычно — самые быстрые игроки защищающейся команды).

2 Раннинбек или задний бегущий — позиция игрока в американском футболе; его задачей, чаще всего, является получение мяча из рук квотербека и «вынос» — проход с мячом как можно большего количества ярдов по направлению к зачетной зоне соперника.

Все знали. Вдобавок к тому, что еженедельник «Парад» назвал его в числе лучших игроков Америки, Эзра Линли был выбран в команду Восточного побережья для участия в Армейском кубке страны. Весь город поднял по этому поводу такой шум, что невозможно было зайти в туалет и не наткнуться на плакат «Темпл-Стерлинг гордится своим лучшим игроком Америки», глядящий на тебя с двери кабинки.

— Да, — сказала я. — Какая захватывающая и неожиданная возможность для него.

Кэс засмеялся. На плакате под заголовком «Темпл-Стерлинг гордится своим лучшим игроком Америки» была написана еще одна строчка: «Захватывающая и неожиданная возможность для ученика нашей школы Эзры Линли».

Последовала пауза, во время которой, я уверена, Кэс сунул в рот еще картошку фри, потом он спросил:

— Как твой новый брат?

— Не называй его так.

— Но ведь так и есть.

— Плохо, что я не хочу подходить к нему в школе? В смысле, я все время вижу его дома, но делает ли это меня, ну, плохой?

— Почему это делает тебя плохой?

— Не знаю. — Конечно, я знала. — Его только что бросила мать.

— Да? Джо Перри тоже бросила мама, а когда я в последний раз проверял, ты говорила, что он самый отвратительный в мире.

— Я не...

— Так и было, два раза. А дважды — это как «отвратительный» в квадрате.

— Это, наверное, самая ботанская вещь, которую ты когда-либо говорил.

— Не меняй тему. Ты ненавидишь брошенных детей.

— Я никого не ненавижу! — Я знала, что он меня дразнит, но я всегда подыгрывала ему. — И мама Джо уехала, когда он был во втором классе. Это другое.

— Неважно, как давно это было, брошенный ребенок есть брошенный ребенок.

— Перестань говорить «брошенный ребенок»!

— Ты тоже это сказала. — Я слышала усмешку в голосе Кэса. — Эй, из-за этого разговора где-то бросили ребенка.

— Не говори так.

— Не запрещай мне! Я имею право на свободу слова, которое не может быть нарушено!

— Заткнись, — сказала я, смеясь. — Ты съедешь с дороги.

— Я уже почти дома.

— И будет большой трагедией умереть в одном квартале от дома, а?

— И это говорит девушка, которая не хочет произносить «брошенный ребенок».

— На самом деле Фостера не бросали, — сказала я. Улыбка сползла с моего лица. — Его просто типа... отослали.

— От этого не легче, верно?

— Может, и легче. Она вернется за ним.

— М-да, — ровно сказал Кэс, и я не была уверена, насколько каждый из нас в это поверил.

По моему мнению, уроки физкультуры — зло.

Берут кучку подростков, заставляют их раздеваться друг перед другом в раздевалке, велят надевать ужасную одинаковую форму, а затем определяют их

способности на основании умения бросать мяч в сетку, в кольцо или друг другу. Это зло.

На третьем уроке я притащилась в раздевалку, бросила спортивную сумку на пол и постаралась не обращать внимания ни на чьи взгляды. Честно говоря, некоторые девочки меня по-настоящему пугали.

Когда я училась в девятом классе, я носила брекеты и у меня было угрей больше, чем я могла сосчитать. Я не красилась. Я не носила короткие шорты. Я никогда не пробовала спиртное и уж конечно не знала, как или зачем людям приходит в голову курить хоть что-то.

На этом уроке я чувствовала себя, как типичный старикашка из дешевых фильмов, который сидит с костылем перед продуктовым магазином и повторяет: «В мое время...» Газировка стоила пять центов. Дети уважали старших. Девятиклассницы не оголяли декольте. И не носили тонги. И — я вытаращила глаза, но держала рот на замке — не загорали так, чтобы на ягодицах осталась надпись «укуси меня».

Мне не с кем было разделить недоумение, так что я держала свое мнение при себе, мысленно сделав заметку, что, возможно, мне стоит поступить так, как сказано в заявлении в Ридинг, и написать об этом в рассказе о моей жизни. Глава первая. О том, что в раздевалке девятиклассниц Темпл-Стерлинга больше бюстгалтеров пуш-ап, чем на распродаже в Victoria's Secret.

Большинство парней тоже были не лучше. Они вели себя, как подростки из сериалов, прихорашивались и рисовались. Насколько близки были выпускники к колледжу, настолько недалеко эти мальчишки ушли от средней школы. Звать их девятиклассниками просто смешно. Они скорее походили на пятиклассников.

Если мне придется провести с этими детьми два семестра, мне бы хотелось окружить себя более спокойными, теми, которые выглядели и вели себя соответственно возрасту. Обыкновенными. Но таких было очень мало. Думаю, нормальными считаются эти девицы и мальчишки.

Что касается Фостера, то он и близко не подходил под определение нормального. К сожалению, на этом уроке я была его единственной знакомой.

— Эй, Девон! Дев!

Он запрыгал, размахивая руками, когда я вышла из раздевалки. Я глубоко вдохнула и направилась к нему.

На нем была та же физкультурная форма Темпл-Стерлинга, как и на остальных, но даже она сидела не так, как надо. Все мальчишки заказали себе шорты побольше, чтобы они закрывали колени или были еще ниже. Шорты Фостера были гораздо выше колен, а он еще и футболку в них заправил, к тому же неровно. Его носки были натянуты как можно выше, а шнурки на кроссовках, на покупке которых настояла моя мама, были завязаны большими бантиками.

Я поняла — какой-то школьной интуицией, чутьем ученицы выпускного класса — поняла, что никто не будет третировать Фостера. Никто не станет бросать его учебники на землю после уроков. Никто не будет выдергивать из-под него стул в столовой.

— Эй, Фостер!

Парочка девиц поблизости махали Фостеру. Фостер, немного смущенный, помахал им в ответ. Они захихикали, но наверняка не потому, что считали Фостера милым.

Что эти дети будут делать, так это смеяться над ним, и почему-то мне тоже это было неприятно. Как сделать так, чтобы люди не смеялись над тобой? Как заставить их воспринимать тебя серьезно?

Вести себя круто. Быть как все. ...Подружиться с Фонзи³. Черт его знает.

Я бросила Фостеру раздраженное «привет», а затем подошла и встала под баскетбольное кольцо, пытаясь незаметно отгородиться от него. Мне хотелось сохранить свою взрослую загадочность, но довольно трудно казаться взрослой и искушенной, когда оказываешься в хлопковых трусах в раздевалке, полной девушек с девизом «укуси меня» на попе.

Фостер, все так же подпрыгивая, подошел ко мне.

— Эй, Дев, ты уже всех видела? Со всеми познакомилась?

Я поняла, что он имеет в виду других девятиклассников.

— Ох... нет.

— Ты не разговариваешь с девчонками в раздевалке?

— Нет.

— Даже с Грейси Хольтцер? Ты не видела Грейси Хольтцер?

Он указал на ту, которая, должно быть, считалась местной королевой: девушку, чьи волосы были так старательно выпрямлены, что ни один завиток не смел выбиться из каштановой гривы. Она перебросила эти шелковистые волосы через плечо и застенчиво улыбнулась группе мальчишек, стоявших рядом.

— Даже с Грейси Хольтцер, — ответила я, поглядывая на Фостера. Он смотрел на Грейси Хольтцер не так, как другие парни. Они разве что не поджигали себя, лишь бы привлечь ее внимание. Фостер, однако, поглядывал на нее, как смотрел на осиное гнездо на карнизе нашего сарая. В его взгляде любопытство мешалось со страхом.

— Давайте-ка все в круг! — крикнул, появляясь из своего кабинета, мистер Селлерс и, хлопая в ладоши, отправился в центр зала. Остальные ученики подошли туда и образовали вокруг него большой круг, к которому я покорно примкнула, таща на буксире Фостера.

Девушки громко шептались друг с другом, в то время как мистер Селлерс начал рассказывать план занятий на осенний семестр. Я пыталась прислушиваться к нему, лишь бы не слушать о последних советах из «Космо», но мое внимание, по иронии судьбы, было нарушено, когда весь шепот резко стих. Я посмотрела на ребят в кругу и поняла, что все взгляды устремлены на дверь.

Там стояла очень знакомая фигура. Любой ученик Темпл-Стерлинга, вероятно, мог бы узнать его в очереди, даже без украшающего грудь ярко-красного номера 25.

Я вернулась мыслями к туалетным кабинкам — там, под словами «Темпл-Стерлинг гордится своим лучшим игроком Америки», под строчкой «захватывающая и неожиданная возможность», находилось черно-белое изображение этого лица.

Я никогда не видела Эзру Линли вблизи. У нас не было общих уроков. Я всегда находилась на трибунах, а он на поле.

Он не был толстошеим и краснолицым, как некоторые футболисты, но не был и худым. Довольно сильный, чтобы противостоять тэклу⁴, но достаточно легкий, чтобы бежать так, как он это умел. И моя мама сказала бы, что у него хорошие кости. Красиво очерченный подбородок и великолепная линия носа, но в целом, беззастенчиво оценивая его вместе с остальным классом, я чувствовала, что в его лице чего-то не хватает. Правильные черты присутствовали, но в глазах не было блеска, а уголки губ, где у Кэса, казалось, всегда таилась улыбка, у Эзры были как-то опущены.

После неловкой паузы мистер Селлерс ожил.

3 Фонзи (Артур Фонзарелли) — культовый персонаж американского комедийного сериала «Счастливые дни». Автомеханик, бросил школу, любимец девушек, обаятельный байкер, самый крутой парень в кожаной куртке в городе, который чинит вещи одним ударом и никогда никого не бьет без причины.

4 Тэкл — позиция игрока в американском футболе.

— Эзра! Тренер сказал, что ты нам присоединишься! Переодевайся быстрее. Мы только начали.

Эзра посмотрел на мистера Селлера взглядом, который говорил, что ни для кого он торопиться не собирается. Двадцать пять пар глаз следили, как он прогулочным шагом идет к раздевалке. Когда я перевела взгляд обратно на мистера Селлера, он ничуть не выглядел раздраженным поведением Эзры. На самом деле, когда он поймал мой взгляд, то робко улыбнулся мне, словно говоря: «Мальчишки всегда остаются мальчишками!»

Я закатила глаза.

Сегодняшнее занятие, как сообщил мистер Селлерс, начнется с разминки. Первым блоком шел футбол. Так что, после обучения тому, как правильно держать мяч (некоторые из парней обменялись понимающими взглядами), мы должны были выбрать напарника и тренироваться делать передачи.

Была сумасшедшая борьба за партнеров. Большинство девушек расхватали их ближайшие друзья, но лишь немногие разделились в пару мальчик-девочка и хихикали, общаясь с некоторыми новичками.

Я осмотрелась вокруг. Ученики быстро поделились на пары. Я завидела вышедшего из раздевалки Эзру и зашагала к нему.

— Привет, — сказала я, подойдя. — Я Девон.

Я протянула ему руку. Секунду он смотрел на нее, прежде чем кратко пожать.

Он не представился. Конечно, я уже знала его, но это было отталкивающим. Тем не менее это лучше, чем оказаться в паре с Фостером, который был моим единственным другом, — выбор, который, как я ясно видела, мог закончиться тем, что Фостер засветит мне в лицо футбольным мячом и сломает нос в стиле Марсии Брэди⁵.

— Хочешь быть моей парой? — спросила я, придавая немного оживленности голосу. — Выпускникам надо... держаться вместе?

Эзра уставился на меня:

— Ты учишься в двенадцатом классе?

Хотелось думать, что я выгляжу немного более взрослой, чем остальные девушки в зале. Но с другой стороны, на фоне большинства этих девиц я, вероятно, выглядела максимум лет на четырнадцать.

— Да. Я учусь в двенадцатом классе.

Секунду он оценивал меня, а затем сказал:

— Сходи за мячом.

— Сам сходи, — ответила я. Кем он себя возомнил? И кем посчитал меня, если уж на то пошло, — какой-то футбольной фанаткой, желающей погреться в лучах его славы?

Эзра смотрел на меня без всякого выражения, и я почувствовала, что меня проверяют, а я не знаю критерия.

Видимо, проверку я прошла, потому что он повернулся и пересек зал, направившись к корзине с мячами рядом с кабинетом мистера Селлера. Он развернулся с мячом в руке и бросил его прямо с того места, где стоял, одним плавным взмахом отправив мяч через зал. И разумеется, я его не поймала. Мяч пролетел над пальцами моих вытянутых рук и отскочил в сторону баскетбольного кольца.

А Эзра просто стоял.

Стиснув зубы, я развернулась и подняла мяч, а затем сильно кинула его обратно, наполовину потому, что разозлилась, наполовину потому, что не умела хорошо бросать.

⁵ Марсия Брэди – персонаж американского комедийного сериала «Семейка Брэди» о многодетном овдовевшем отце, который женится на вдове с тремя детьми

Это был безумный пас, мяч полетел слишком высоко и слишком сильно отклонился влево, но Эзра, без усилий сделав несколько больших шагов, протянул руки и легко обхватил его пальцами.

Некоторые из девиц ахнули от восхищения, но Эзра не выглядел довольным. Он просто послал мне несильный медленный пас. Я неохотно поймала мяч и отправила его обратно.

После показавшихся мне слишком долгими минут мистер Селлерс велел нам объединиться в группы по три человека для нового упражнения. Я оглядела помещение, ища свободную пару девочек, чтобы присоединиться к ним, но Эзра стоял рядом, и, прежде чем я успела схватить пару девятиклассников — любых девятиклассников, — к нам вприпрыжку подбежал Фостер.

— Ребята, можно с вами?

Я взглянула на Эзру; он смотрел на стену, как будто стена смотрела на него в ответ.

— Да, конечно, — ответила я и попыталась заглушить в голове навязчивую мысль о сломанном носе.

Мистер Селлерс объяснил нам упражнение – запутанную комбинацию, которую мы должны были выполнить, пробежав по всей длине зала, по одной группе.

Он велел нам сформировать три линии под баскетбольным кольцом, и, так как Эзра, Фостер и я оказались ближе всех к этой точке, остальные встали в очередь позади нас.

Я выругалась про себя. Каким образом я должна понять, как это делается, если иду первой?

— Что мы должны сделать? — прошипела я Эзре. Но он не ответил.

— Хорошо! — Мистер Селлерс хлопнул в ладоши. — Первая группа, вперед!

Мне ничего не оставалось, кроме как побежать вперед. Эзра спасовал мне мяч, а затем побежал за мной. Я не поймала мяч, и мне пришлось возвращаться за ним. Потом я бросила мяч Фостеру, который, похоже, разделял мою пригодность к спорту. Мистер Селлерс говорил что-то насчет поменяться местами, так что я вернулась туда, где этого находился Эзра, и успела схватить только кончик мяча, когда Фостер бросил его обратно мне.

— Ты должен был отдать его вбок, — сказал Эзра, замедляясь и останавливаясь позади нас.

— А ты... — Он указал на меня. — ...должна быть там.

Он ткнул пальцем в то место, где стоял Фостер.

Я остановилась, по-прежнему держа мяч в руках.

— Ну, я бы знала, если бы ты объяснил мне это раньше.

— Мистер Селлерс отлично объяснил.

— Может, я не понимаю с первого раза.

Его лицо не изменилось.

— Может, тебе следовало слушать внимательнее.

Я открыла рот, чтобы сказать кое-что не очень вежливое, но вмешался мистер Селлерс.

— Ах, ладно, — сказал он и добродушно улыбнулся. — Не всем же быть лучшими игроками Америки, так, Эзра? Почему бы тебе не присоединиться к Риверсу и Кеньону, а Грейси с Теннисонами попробуют еще раз? И присмотришься к Кеньону, Эзра, он наш новый многообещающий игрок защиты!

Кеньон был особенно толстым мальчиком с темными жесткими волосами. Если кого в этом помещении и можно было бы принять за многообещающий бульдозер, то именно этого парня.

Эзра поплелся в конец одной из шеренг, а Грейси Хольтцер вышла вперед, преувеличенно выпятив нижнюю губу. Однако, как только она достигла главной линии, выражение ее лица сменилось ужасом.

— Ой-й-й! — пропела она, указывая на что-то позади меня.

Я обернулась. Там стоял Фостер, кровь капала вниз на его серую Темпл-Стерлингговскую спортивную футболку.

— Дев, — гнусаво сказал он, двумя пальцами зажимая ноздри. — Дев, кажется, у меня кровь из носа.

Я вздохнула.

* * *

— Так что, в спортзале было не весело? — спросил Кэс в обед, улыбаясь мне, а затем переходя к рыбным палочкам.

Я все еще была взбешена произошедшим.

— Я не выдержу год в этом классе. Я не могу. Это выше человеческих сил.

— Ты вроде как сама виновата, что так долго откладывала, не так ли?

Я сердито зыркнула на него:

— Я держу тебя рядом не для того, чтобы выслушивать это.

— Это остальные виноваты, а ты идеальна?

— Так-то лучше. — Я принялась открывать пакетик шоколадного молока. — Я вообще не понимаю, что там делает Эзра. Звездному игроку логичнее было бы выбрать физкультуру, не дожидаясь последнего года.

— Ему нужен был предмет на выбор, — ответил Кэс между укусами, — так что ему разрешили взять ее еще раз. Я слышал, как он говорил об этом с тренером на тренировке.

— Логично. Мне нужна легкая пятерка, но никто не разрешит мне снова пройти английский за девятый класс.

— Ты не спортсмен. Мы более значимы.

— Я тебя ненавижу.

— Ты любишь меня. Ты любишь меня настолько сильно, что отдашь мне свое шоколадное молоко.

— Мы единственные двенадцатиклассники, которые по-прежнему едят в столовой. Ты понимаешь это, верно?

— Я люблю еду в столовой. Она жирная и, что более важно, дешевая. Нет, главное, жирная. Ну, давай, гони молоко.

Я сделала длинный, демонстративный глоток из коробочки.

— Ты никогда не упоминал, что Эзра большая, огромная, гигантская задница, — ответила я, оставив шоколадное молоко и принимаясь за макаронный салат.

Кэс засмеялся, едва не подавившись рыбной палочкой.

— Я думал, это общеизвестно.

— Звездный футболист должен быть очаровательным, и героическим, и прочее. Точно не угрюмым и подлым.

— Талантливые обычно именно такие.

— А я-то думала, что они должны быть благодарны за талант. Это действительно бездарные люди ведут себя как козлы. По крайней мере, у них есть причина злиться на мир.

— Ну, думаю, Эзре тоже нелегко со всеми этими захватывающими и неожиданными возможностями, развешанными повсюду. Типа он идет отлить, и вдруг

из-за занавески для душа выскакивает захватывающая и неожиданная возможность и пугает его до усрачки.

— По крайней мере он в ванной, — сказала я.

— Когда доходит до усрачки?

— Именно, — усмехнулась я.

Кэс усмехнулся в ответ и посмотрел мне за спину.

— Привет, Марабель.

Обернувшись, я увидела в нескольких футах от нашего столика Марабель Финч. Она казалась глубоко задумавшейся, но для Марабель это обычное состояние.

— Ой, — сказала Марабель, рассеянно глядя на Кэса. — Привет.

— Как дела? — спросила я.

Она приподняла плечи в легком пожатии.

— Я не могу вспомнить, что собиралась делать.

— Пообедать? — предположил Кэс.

— Малыш не голоден, — сказала она.

— А Марабель голодна?

Его лицо оставалось невозмутимым, но глаза смеялись. Он считал Марабель забавной.

— Нет. — Она замерла на секунду, а потом вдруг подняла руки и схватилась за грудь, словно проверяя, на месте ли она. — У меня теперь есть груди. Вы видели?

— Да, — кивнул Кэс, не удержавшись от усмешки. — Да, они хорошенькие.

Я пнула его под столом, пока Марабель садилась.

— Мне они не нравятся, — сказала она.

— Они нравятся папочке малыша? — спросил Кэс.

Марабель просто смотрела на него. Я же, наоборот, размахнулась посильнее и врезала по ноге Кэса под столом. Мы с Марабель не были такими уж подружками, но я к ней вроде как привязалась.

Впервые я встретила ее в городской библиотеке в нескольких кварталах от школы. Я ходила туда довольно часто и всегда видела Марабель среди стеллажей. Она листала периодические издания или толкала тележку и расставляла книги на полки. Она была на два года младше, и у нас не было никаких уроков вместе, но мы сосуществовали в библиотеке довольно гармонично. Я говорила «привет», а она кивала в ответ, или она выдавала мне книги и комментировала мой выбор.

— Тебе нравится здесь работать? — спросила я однажды, когда она вела меня за экземпляром «Гамлета», который был нужен для урока.

— Ну, технически я здесь не работаю, — ответила она. — Но они разрешают мне помогать.

И она быстро нашла мне четыре разных издания «Гамлета».

— Хотя это тебе не подойдет. Они попытались перевести его на современный язык и совершенно испортили. А в этом лучше комментарии.

Я усвоила, что, когда дело касается информации, Марабель лучше Гугла.

Она также была необычайно странной. Думаю, она напоминала мне Фостера, в некотором отношении. Они оба словно жили на собственной волне. Но если Фостер привлекал внимание, то Марабель была просто... спокойно эксцентричной. Я не уверена: порой она просто не понимает некоторые вещи — например, подшучивание Кэса — или ей просто все равно.

— Марабель, как учеба? — спросила я. Кэс вернулся к своему обеду.

Она сморщила носик:

— Тригонометрия — это ужас.

— О да. Тригонометрия отстой. Извини.

Она моргнула.

— За что?

— Я люблю эту девушку, — сказал Кэс, когда мы шли в класс после обеда. Марабель удалилась в сторону кабинетов иностранных языков, одной рукой она придерживала выпуклый животик под своим кукольным платьем. — Я серьезно люблю ее. Она самый смешной человек, которого я когда-либо встречал.

— Ты же знаешь, что она не специально.

— Поэтому она и прикольная.

— Она несовершеннолетняя мама. Имей сочувствие.

— О, значит, ты сочувствуешь несовершеннолетним мамам, но не брошенным детям?

Я пихнула его.

— Ты большая, огромная, гигантская задница, знаешь это?

— Как Эзра Линли?

— Хуже. Ты не такой симпатичный.

Кэс схватился за грудь:

— Это ужасная, чудовищная ложь.

— Идем. — Я посмотрела на часы. — Мы опоздаем на урок.

Он снова хлопнул ладонью по груди и остановился как вкопанный посреди коридора.

— Ой, перестань, ты же знаешь, я считаю тебя симпатичным.

Кэс покачал головой, растирая грудь, как будто там нарастала боль.

— Дело не в этом.

— А в чем?

Он поморщился:

— Воспаление хитрости.

Я стукнула его по руке.

— Иди в класс.

— Неплохая попытка, а?

Я не удержалась от улыбки.

— Иди уже.

Каждый день Фостер просыпался в половине шестого утра. Школа начиналась только в восемь, и я все еще не избавилась от летней привычки долго спать, поэтому его утренний шум меня совсем не радовал.

Обычно через несколько минут я проваливалась обратно в сон, но этим утром мои глаза отказывались закрываться. Голова не могла найти удобное положение на подушке. Под одеялом было слишком жарко.

Я отбросила его и перевернулась. В окно дул легкий ветерок, шевеля шторы. Снаружи слышалось шарканье кроссовок по тротуару и легкое дыхание бегуна, миновавшего наш дом. Где-то неподалеку хлопнула дверь автомобиля. Зажужжал блендер.

Фостер делал смузи.

Я застонала. Теперь я точно проснулась.

Я никогда не видела Фостера в пижаме. Он всегда ложился последним, а утром вставал первым и выглядел точно так же, как и предыдущим вечером. Я знаю, что у него должно было быть больше одежды из дома, чем мне казалось, но дело в том, что

вся она выглядела одинаково. Все свежие новые футболки, рубашки, джинсы с идеальными складками, которые купила для него моя мама, лежали ненадетыми в ящиках его комода. Меня расстраивало, что он отказывался избавиться от вещей из дома, но еще больше мне было жаль маму, которая — хотя они ни за что не признается — досконально изучила, какую одежду носят дети в телеке и в журналах, чтобы у Фостера было именно то, что нужно. Когда он отказался это носить, она сказала, что это было глупо с ее стороны, ведь конечно же ему хочется самому выбрать свой стиль. Но еще одна поездка в магазин, закончившаяся пустыми руками, сказала сама за себя: у Фостера есть свой стиль, и он потрепанный.

— Хочешь смузи? — спросил Фостер, когда я притащилась на кухню.

— Фостер, сейчас слишком рано включать блендер.

— Знаешь, на Западном побережье только половина четвертого.

— Ты просыпался в половину четвертого, когда жил на Западном побережье?

— Иногда, — сказал он. — Как по-твоему, если встать пораньше, день будет казаться длиннее?

По-моему, в сутках двадцать четыре часа, и никакое раннее пробуждение этого не изменит.

Не дождавшись от меня ответа, Фостер спросил:

— Ты знаешь, какой сегодня день?

— Пятница?

— Ага. А угадай, что происходит по пятницам?

«Будущие революционеры американской науки» объединяют свою умственную энергию, чтобы сдвинуть машину директора на один дюйм влево? Стоп, нет, это было вчера.

— Не знаю.

Фостер вытаращил глаза:

— Ты не знаешь?

— Что происходит по пятницам, Фостер?

Я начала терять терпение. Потом до меня дошло. Но ни за что на свете нечто настолько нормальное не могло исходить от Фостера. Он не мог иметь в виду...

— Футбол!

Я вылупилась на него. Прошло всего три месяца. Я еще столько о нем не знаю.

— Ты любишь футбол?

— Не знаю. Я никогда не был на настоящей игре.

Это больше похоже на правду.

— Тетя Кэти сказала, что ты возьмешь меня с собой.

У мамы есть привычка назначать меня сопровождающим Фостера без моего ведома. Судя по выражению лица Фостера, мое собственное выдало эти мысли.

— Ты возьмешь меня? — спросил он.

— Конечно, — сказала я. А что еще тут скажешь? Теперь все по-другому.

* * *

В Темпл-Стерлинге футбол не является грандиозным событием, как в некоторых городах в Техасе или даже в других районах Флориды, о которых вы могли слышать, где стадионы на двадцать тысяч мест и в день игры жизнь полностью останавливается. Но тем не менее он, несомненно, очень важен. Преданные футбольные болельщики: родители, братья и сестры, тети и дяди мальчиков из команды. Дети вроде меня, не имеющие отношения к футболу, но все же желающие быть частью чего-то. Мужчины, от служащих банка до семидесятилетнего Фреда из «Автосервиса Фреда», которые в

прошлом играли за команду, знали ощущение стадиона в пятницу вечером и ходили туда каждую пятницу, чтобы попытаться вернуть частичку прошлого. Футбол — это нечто общее, как общая религия. Мы все верили в тачдауны и филд голы. Всех нас крестили в лучах прожекторов.

Этим вечером я пробиралась через толпу, таща Фостера на буксире. Он цеплялся за мою футболку, пока мы прокладывали путь к пустым местам в дальнем углу трибуны перед очковой зоной.

— Они выглядят как армия, — пробормотал Фостер, и я проследила за его взглядом на трибуны гостей, море синего и золотого.

После того как мы заняли наши места, я осмотрела толпу вокруг. Впереди сидела шумная группа девятиклассников, а за нами разместилась большая компания выпускников, которых я узнала, но ни с кем из них не была особенно дружна. Во времена Джейн между знакомыми и друзьями существовала огромная разница. Другьям ты можешь раскрыть свои сокровенные чувства и проводить вместе много времени. Знакомому нанесешь визит в течение четверти часа, потому что так положено по этикету.

В наши дни эквивалентом такого пятнадцатиминутного визита было несколько улыбок, взмах рукой и «как дела?», что я и получила от двенадцатиклассников и с готовностью ответила с тем количеством дружелюбия, которое соответствовало случаю, прежде чем вернуться к дальнейшему обозреванию толпы.

Фостер сидел рядом с парочкой готов, которые так тесно переплелись, что было сложно сказать, где чьи конечности, а справа от меня расположился Эмир Зуривич с сигаретой в руках и слегка скучающим выражением лица.

— А я все думал, когда же ты меня заметишь, — сказал он.

Я не много знала об Эмире, только то, что он переехал в Америку всего пару лет назад и уже выучил более крутой сленг и больше ругательств, чем я за свои семнадцать лет.

— Готов к игре? — спросила я, потому что не знала, что еще сказать, но чувствовала, что надо поддержать беседу.

— Готов срубить немного бабла. Я поставил сотню на то, что мы выиграем больше тридцати очков.

— Больше тридцати? Это пять тачдаунов.

Он пожал плечами:

— У Флэт-Лейк команда — дерьмо, а этот парнишка, Эзра, хорош.

— Хорош на пять тачдаунов?

— Ты видела, как он играет?

Все видели, как играет Эзра, и все знали, что он хорош — хорош на пять тачдаунов. Он никогда не упустил передачу. Там, где обычный парень мог пробежать пять ярдов, он пробежал двадцать. Но я вспомнила, как он вел себя в спортзале, его ленивую походку, его «Ты должен был отдать его вбок», и поэтому сказала:

— Он неплох. Ничего особенного.

— Мне нравятся девушки с невозможно высокими стандартами, — улыбнулся Эмир.

Я снова взглянула на поле. От улыбок Эмира мне становилось слегка не по себе. Почему-то хмурый вид казался более естественным для него.

Я и представить не могла, каким для него был переезд в Темпл-Стерлинг. По школе ходило много слухов об Эмире, в основном насчет его жизни до провинциальной Флориды. Я считала большинство из них нелепыми, но, когда Эмир стал осматривать поле, не удержалась и принялась рассматривать его лицо в поисках каких-либо указаний на его прошлое. Как будто там могла оказаться какая-то метка,

которую носят люди, которым пришлось повидать трагедию в жизни. Следы вокруг глаз, опустившиеся губы. Но на его лице не было ничего особенного, кроме слегка кривоватого стержня в левой брови.

Мне не удалось дальше поразмышлять над прошлым Эмира, потому что на поле началось действие. Когда на поле вышли игроки, толпа вокруг нас вскочила на ноги, пустив от края стадиона красно-белую волну цветов Темпл-Стерлинга. Группа поддержки растянула бумажный плакат, через который с легкостью прорвались первые несколько парней. С другой стороны поля показались игроки в синем с золотом, и трибуны Флэт-Лейк взорвались криками. Электронное табло засветилось, как кончик сигареты Эмира, и игра началась.

Она не стала какой-то особенной. Не слишком волнительной, я хочу сказать, потому что в первой же половине мы взяли отрыв в три тачдауна и сохраняли его всю игру. В последние пятнадцать минут он увеличился до пяти тачдаунов. Эмир практически сиял, предвкушая свой выигрыш.

Большую часть игры я думала о своем. Я перечитывала «Чувство и чувствительность» и называла ее своей любимой книгой, но каждая книга Джейн Остин была моей любимой, когда я ее перечитывала. Единственной книгой, которую я не могла полностью принять, была «Мэнсфилд-Парк», потому что — внимание, спойлер — главный герой сильно влюблен в свою кузину. Я знаю, что в то время все было по-другому и, возможно, в их глазах это было полностью приемлемо, но от идеи о влюбленных друг в друга двоюродных брате и сестре меня немного подташнивало, особенно после того, как в нашей жизни появился Фостер.

И еще одна жалоба имелась у меня на книги Джейн, кроме любви между кузенами. Это часть о воссоединении влюбленных. Ведь это истории о такой непреодолимой любви, о таких сильных чувствах. Вы следуете за героями в их взлетах и падениях на американских горках эмоций, когда дух захватывает от этих «будут они вместе или не будут». Так разве будет слишком попросить, чтобы части про «Я люблю тебя и хочу быть с тобой» уделялось чуть больше времени? Это же самая лучшая часть, и мне хочется ее растянуть. Я хочу поцелуев — хороших, долгих, страстных. Джейн никогда о них не пишет.

Она также не писала и о школьном футболе, так что я задумалась о том, как бы это сделала я: как описала бы гордость, которую испытала мисс Теннисон, когда мистер Кинкейд пробежал десять ярдов. Темно-красные шлемы Темпл-Стерлинга, блестящие в свете прожекторов. Легкий запах марихуаны, окутывающий Эмира. Посмел бы кто-нибудь в те времена писать о травке? Джейн, наверное, была бы шокирована.

Фостер молчал всю игру. Я время от времени поглядывала на него, чтобы удостовериться, что он еще дышит, и каждый раз его взгляд был прикован к полю.

— Тебе было весело? — спросила я, когда мы присоединились к толпе, после игры повалившей на стоянку.

Он ответил в своей обычной манере, то есть вопросом на вопрос.

— Как ты думаешь, как они учатся калечить совершенно незнакомых людей?

— Не знаю... Это ведь не настоящая драка? Просто блокирование.

— Но как можно наброситься на кого-то, если не ненавидишь его?

— Тебе не нужно их ненавидеть. Нужно просто хотеть, чтобы они не выиграли.

Он некоторое время обдумывал мои слова и заговорил, только когда мы уже ехали домой в машине.

— Этот Эзра хорош, — сказал он, совсем как Эмир. — Он был словно... магнит для мяча.

Я не удержалась и фыркнула:

— Что?

— Магнит для мяча. Как будто он магнит, а мяч — металл. Он просто летел к нему и прилипал каждый раз.

Лучший игрок Америки. Четыре года играющий за школьную команду. Магнит для мяча. Интересно, что почувствовал бы великий и могучий Эзра Линли, узнав, что удостоился подобного титула.

— Кэс упустил мяч, — сказал Фостер через минуту. Это правда: в третьей четверти Кэс выронил мяч. — Он безрукий.

Я даже не смогла возмутиться, просто еще раз фыркнула.

4

Этим вечером Фостер, должно быть, погрузился глубоко в свои мысли; он даже не подумал попроситься на послематчевую вечеринку и вспомнил о ней, когда я уже подъехала к дому и он наполовину вылез из машины.

— Ты уверена, что я не могу пойти? Я буду вести себя тихо, не буду лезть в твои дела, и, если ты захочешь выпить, я даже не расскажу тете Кэти.

Я бросила взгляд на дом, чтобы убедиться, что окна закрыты.

— Я не напиваюсь, — ответила я. — Никто не напивается. И твой комендантский час уже начался, иди в дом.

Комендантский час Фостера был точно таким же, как у меня в его возрасте, — десять часов. В семнадцать лет мне разрешили гулять до половины двенадцатого. Для разницы в три года полтора часа казались едва ли справедливыми, но я не собиралась требовать слишком много.

— Я даже не устал, — утверждал Фостер, все еще стоя с наполовину открытой дверью.

— Комендантский час не означает, что ты устал, он означает, что в это время ты должен быть дома.

— Но тебе необходим мой присмотр.

Я засмеялась вслух. Ничего не могла с собой поделать.

— Иди в дом, — сказала я. Он послушно закрыл дверь и смотрел, как я выехала с подъездной дорожки.

Я не люблю домашние вечеринки, но так как эта была первой в году, я чувствовала себя обязанной пойти. По дороге к дому Мартина Лаи я думала, как хорошо было бы, если бы все происходило как во времена Джейн: приказываешь подать карету, надеваешь великолепное платье, а когда ты заходишь в комнату, твое имя громко объявляют. Настоящие танцы под настоящую музыку. Хорошие манеры. Короче говоря, никто не блюет в кустах. Никто не дурачится. В фильмах и сериалах любят приукрасить: поп-рок саундтрек, слишком мало людей и слишком много освещения, но самое основное соответствует реальной жизни. Вечеринки старшеклассников — место размножения идиотов со множеством проблем и недостатком здравого смысла. Входя в дом Мартина (разумеется, мое имя никто не объявлял), я вспомнила одну вещь, которая никогда не упоминается в фильмах и сериалах и которую я уже успела позабыть за лето: если ты не один из этих людей, эти вечеринки чертовски скучные.

Я нашла Кэса на кухне с несколькими ребятами из команды, большинство из них пили что-то из классических красных пластиковых стаканчиков. Руки Кэса были пусты, и он обнял меня за плечи, как только я подошла к нему. Он сказал что-то, чего я не расслышала из-за музыки, и я получила несколько «привет», на которые ответила слабым взмахом руки. Эти вечеринки всегда были такими громкими?

Главным в разговоре, кажется, был Стэнтон Перкинс, огромный парень с квадратной головой, игравший в оборонительной линии. Его стаканчик был почти пуст, и он единственный, кого я отчетливо слышала за грохотом включенной на полную громкость стереосистемы Лаи.

— Как я уже сказал, это была хорошая игра, — начал он снова. — Не лучшая наша работа, но можно подумать, теперь это имеет хоть какое-то значение.

Он бросил многозначительный взгляд на Кэса.

— Я бы хотел играть поактивнее, — ответил Кэс.

— Сочувствую вам, парни, — сказал Стэнтон. Мне показалось, что музыку прибавили, и его голос тоже стал громче. — Пока Линли на поле, все нападение сидит без дела.

Один из парней сказал что-то о перехвате, который осуществил Джексон, и о пятнадцати ярдах, которые пробежал Смит перед четвертым тачдауном. Но Стэнтон отмахнулся своей огромной ручищей:

— Единственные парни, которые прикасаются к мячу, это Уилкоккс и Линли, и то Уилкоккс только потому, что он гребанный квотербек! Все остальное простая случайность!

Он допил свой стаканчик и продолжил:

— Без Линли мы все играли бы лучше. Получили бы слаженную команду, как и должно быть. Чтобы впереди был Кэс, а не какой-то отщепенец из Шонесси, который всеми распоряжается.

Стэнтон Перкинс был от природы неприятным. Можно с уверенностью сказать, что он из тех людей, которые в детстве дергали котов за хвост и бросали камни в машины.

Я посмотрела на Кэса, ожидая его ответа. Но он только улыбнулся и сжал мое плечо, уводя меня от компании и говоря что-то о напитках. Только когда мы вышли из кухни, он сказал мне на ухо:

— Этот парень пугает меня до чертиков.

Я кивнула.

— Будущий взрыватель почтовых ящиков.

Кэс засмеялся, но не успел ответить, потому что, как только мы добрались до гостиной, нам помахал Джордан Хантер.

Джордан не только состоял в школьной команде и учился на одни пятерки, но и, в соответствии с клише, считался самым крутым парнем в школе. И сейчас он сидел в окружении своих почитателей на забитом секционном диване Лаи, натянув капюшон своей кофты поверх бейсболки. Огромные зеркальные солнечные очки отражали окруживших его поклонников. Под капюшоном скрывались фирменные дреды Джордана, а из-за очков фирменно блестели глаза. Это признак истинной крутизны — роскошь скрывать свои лучшие черты.

Не то чтобы в остальном Джордан не был выдающимся. Он был задним нападающим, широкоплечим и чертовски хорошо сложенным. У него была идеальная кожа и зубы белые, как в рекламе зубной пасты.

Я была в него влюблена, как и все остальные. Это было не мучительное чувство неразделенной любви, а хорошая, здоровая симпатия. Просто в присутствии Джордана было так легко улыбаться, но так трудно говорить, не выставляясь полным идиотом.

— Кэссиди, чувак.

Джордан дал пять Кэсу со своего трона с откидывающейся спинкой. Справа от него сидела девушка по имени Лорен Макфи, с которой я в прошлом году ходила на английский, а слева со скучающим видом Эзра Линли. Остальная часть дивана была

переполнена людьми, которые плавно перетекали на пол, все они держали в руках пластиковые стаканчики и купались в лучах славы Джордана.

— Привет, — сказала я, когда взгляд Эзры остановился на мне. Кэс и Джордан завели разговор об игре.

Эзра не ответил, вместо этого пристально глядя на меня, и я почувствовала ту же смесь смущения и негодования, что и в спортзале, встретившись с его насмешливым «Ты учишься в двенадцатом классе?».

— Мы вместе ходим на физкультуру, — ровно сказала я.

На лице Эзры мелькнуло что-то вроде удивления.

— Я знаю.

— Неужели это Девон Теннисон? — тут же перехватил мое внимание Джордан. Он снял свои очки, словно ему требовалось визуальное подтверждение, а затем вскочил на ноги.

На моем лице появилась глупая улыбка, такая, которую способны вызвать только люди вроде Джордана.

— Привет.

Он обнял меня одной рукой. Самое непринужденное, клевое, приятно пахнущее объятие в моей жизни.

— Где ты пропадала, Чемпион? Я не видел тебя все лето. Чем занималась?

Надо признать, что обычно так подкальывают друг друга парни, но Джордан утверждал, что это сокращение от «Чемпион моего сердца», и я волей-неволей таяла каждый раз, когда он это говорил.

— Э-э... мы некоторое время были в Калифорнии, — сказала я, когда мы оторвались друг от друга.

— Калифорния, — кивнул он. — Я влюбился в ее пляжи. Нет ничего лучше, чем немного солнца на Западном побережье, я прав? — Он вернулся на свое место. — Ребята, хотите выпить? Где Мартин?

Я не видела Мартина Лаи весь вечер — это обычно для домашних вечеринок. В большинстве случаев совсем не имеет значения, кто хозяин.

Не получив ответа о местонахождении Мартина, Джордан продолжил:

— Ты видела, как наш Эзра поработал в первой половине? Отрыв в три тачдауна, и я прикрывал его задницу.

Он ударил Эзру по руке:

— Не я ли всегда говорю, что прикрою твою спину?

Эзра едва кивнул.

— Заткнись, чувак, — сказал Джордан и снова ударил его. — Ты слишком много болтаешь. Пусть кто-то еще получит слово.

Даже крошечная улыбка не нарушила невозмутимости на лице Эзры. Никто не мог устоять перед обаянием Джордана, но этот парень оказался невосприимчивым.

— Вот это чувство юмора, — продолжал Джордан. — Вот за что я люблю этого парня. Что за юморист. Серьезно, Эзра, заткнись и дай сказать другим.

Мы с Кэсом еще немного посидели с Джорданом, но постепенно толпа становилась все больше (по мере того как рассказы Джордана становились более оживленными), и мы решили уйти.

Мы пошли в прихожую, где шум толпы перекрыл громкий крик:

— Кэс!

Внезапно от людской массы отделилась фигура с блестящими волосами и бросилась на Кэса. Его ладонь выскользнула из моей, и он обнял девушку обеими руками. Линдси Реншоу.

Она отпустила Кэса и обняла меня.

— Ребята, вы где были? — спросила она и сжала меня гораздо сильнее и гораздо искреннее, чем большинство людей. — Я ни разу не видела вас в школе на этой неделе!

Она отстранилась, и я впервые хорошенько рассмотрела ее после лета, проведенного врозь.

Линдси обладала красотой, от которой захватывало дух. Ее щеки постоянно розовели, словно она только что закончила хорошую быструю утреннюю пробежку. Из ее хвостика все время выбивались отдельные пряди, и она, казалось, всегда находилась в радостном нетерпении, как будто слишком занята и слишком востребована, чтобы постоять спокойно дольше одной секунды.

И она не была похожа на тех дрянных популярных девушек в телевизоре, которые сталкивают других девочек с вершины пирамиды группы поддержки и строят козни, чтобы увести чужих парней. Была в ней какая-то врожденная прелесть, что невозможно было не захотеть стать ее другом. Вот что я чувствовала, несмотря на то, что с ее появлением Кэс стал держаться несколько ровнее, а ее глаза светились несколько ярче, когда она смотрела в его сторону.

У Джейн был бы чертовски занимательный день.

— Как прошло твое лето? — спросила я, пытаюсь отвлечь их внимание друг от друга.

— Просто потрясающе! Я со своей приходской группой работала для «Среды обитания для человечества».

Конечно она работала.

— Что насчет вас, ребята? — спросила она, улыбнувшись Кэсу. — Как прошло ваше лето?

— Отлично. — Голос Кэса вдруг прозвучал глубже. — Просто отлично. Куча работы. Но отлично.

«Скажи «отлично» еще раз, — подумала я. — Давай, скажи это».

— И тренировки дважды в день, — продолжил Кэс. — Куча тренировок. Но в этом году команда играет просто отлично.

Линдси, кажется, не заметила нехватки синонимов у Кэса.

— Я знаю, игра была невероятной, да? И Девон, — просияла она в мою сторону, — я слышала, что твой кузен живет с вами. Это так здорово.

Я удивленно подняла брови:

— Ты встречала его?

— Еще нет. Ты должна привести его с собой на следующую вечеринку. Я уверена, он клевый.

— Фостер не любитель вечеринок. И я на самом деле тоже. — Я была хороша в быстром отступлении. — Я, наверное, пойду.

— Я тебя провожу, — сказал Кэс.

— Все хорошо. Со мной все будет в порядке.

Но Линдси уже просияла от галантности Кэса, и я поняла, что отказаться мне не удастся.

— Но ты вернешься, да, Кэс?

— Конечно. При условии, что ты оставишь для меня танец.

Я открыла свою сумочку, чтобы достать ключи, и постаралась не поперхнуться.

— Идем.

Кэс потянулся к моей руке, но я сунула ее в сумочку и шумно копалась в поисках ключей, хотя мои пальцы уже добрых четыре или пять раз нащупали цепочку с брелоком-машинкой. В таком виде я и направилась к входной двери, а Кэс, несомненно, послав Линдси обезоруживающую улыбку, последовал за мной.

— Где ты припарковалась? — спросил он, когда за нами закрылась входная дверь, несколько приглушив звуки шумной вечеринки. Еще несколько минут, и здесь, наверное, появится полиция.

— Дальше по улице. Ты правда не обязан...

— Единственный раз, когда меня не окажется рядом, тебя схватят, и ты будешь умирать в каком-нибудь переулке, проклиная мое имя, а меня всю оставшуюся жизнь будет преследовать всепоглощающая вина.

— Это был действительно хорошо продуманный ответ.

— Спасибо. Я старался.

Когда я посмотрела на Кэса, он улыбнулся. Именно в моменты вроде этого Джейн написала бы о моих чувствах к нему. Я была привязана к Кэсу — вот как она выразилась бы. И это было правдой уже так давно, что я даже представить не могу, что было по-другому.

Чувства — один из моих любимых аспектов в книгах Джейн. Она понимала, что такое безответная любовь, каково это — томиться и надеяться. Но самая лучшая часть состоит в том, что иногда чувства становятся взаимными, и это несомненно привлекало меня еще больше. Героини осмеливаются полюбить, надеяться, их надежды разбиваются, но потом... все меняется! И в финале выясняется, что человек отвечает взаимностью. Они оба чувствуют то, что все это время испытывала главная героиня.

Кэс подобных чувств не испытывал. По крайней мере ко мне. Я была почти уверена в этом. Он заботился обо мне, но это была братская привязанность, он постоянно обнимал меня за плечи одной рукой, словно показывая «это мой приятель». И большую часть времени меня это устраивало. Это было хорошо. Но иногда...

Иногда мне так сильно хотелось его поцеловать.

В последний учебный день в восьмом классе я пришла домой в слезах, потому что после уроков наткнулась на Кэса, целующегося с Молли Макдауэл в кабинете домоводства. У Молли Макдауэл были длинные вьющиеся волосы, как у диснеевской принцессы, она играла в волейбольной команде и всегда носила вещи, которые вы умоляли маму купить. Эта ситуация не должна была меня удивить — очевидно, что кто-то настолько клевый, как Молли, и настолько клевый, как Кэс, притянулись бы друг к другу, — но она все же удивила и обидела меня.

Мама налила мне стакан молока, выдавила туда большую порцию шоколадного сиропа и сказала, что это просто не та вселенная, где мы с Кэсом созданы друг для друга. Может быть, в другой раз или в другом месте, может быть, если бы он был другим или если бы я была другой.

— Но ты не захочешь измениться ради мальчика, — сказала она. — Ты не захочешь меняться ради кого-то.

Моим ответом было нечто среднее между рыданиями и фразой «Ты не понимаешь». Но мама настаивала.

— Когда-нибудь кто-нибудь полюбит тебя ради тебя, такую, какая ты есть. И как бы сильно тебе ни нравился Кэс, этот человек будет для тебя намного лучше.

Тогда это не помогло. Рыдая, я выпила стакан молока, пошла наверх, врубила на полную громкость радио и спряталась под одеялом, ненавидя и Кэса, и Молли, и весь мир.

Глупо, но даже сейчас, даже на тупых послематчевых вечеринках, даже зная, что в отношениях с девушками Кэс уже зашел намного дальше, чем французский поцелуй с Молли Макдауэл в кабинете домоводства, воспоминание о них двоих периодически отдавалось спазмом у меня в животе. Просто короткий небольшой спазм где-то под грудной клеткой, который заставлял меня почувствовать, будто я снова в средней

школе, заставляя тосковать по той вселенной, где мы с Кэсом вместе, и ненавидеть ту, в которой я не с ним.

Но я бы никогда не призналась в этом. Я просто улыбнулась, и мы поспешили по тротуару к моей машине, Кэс, засунув руки в карманы, и я, подняв глаза к небу. Это был прекрасный вечер.

Мы дошли до моей машины, которая стояла на позорном расстоянии от бордюра и торчала на проезжую часть под неудобным углом. Я не могла параллельно припарковаться даже под угрозой смерти.

— Веди осторожно, ладно? — сказал Кэс, забирая у меня ключи и открывая дверь.

— Ой, а я-то собиралась вести безбашенно.

Кэс прижал руку к груди.

— Воспаление хитрости? — спросила я с усмешкой.

— Просто представляю мир без Девон Теннисон. Небо все черное и в клочьях, деревья высыхают и умирают, и все группы из Топ-40 развалились.

— Ты заметил, что мы никогда не говорим о реальных вещах?

Он усмехнулся:

— Я люблю тебя.

Я села в машину, наполовину желая приказать ему не говорить подобных вещей, а наполовину желая ответить тем же.

— На самом деле, веди осторожно, ладно? — сказал он, прежде чем я успела ответить.

— Ну, я собиралась попробовать ехать с завязанными глазами, но думаю, что смогу это отложить. Ради тебя.

Я знала, что прозвучало так же глупо, как «При условии, что ты оставишь для меня танец» Кэса. И я знала, что иногда в присутствии Кэса мой голос становится странным, каким-то хриплым, когда я пытаюсь говорить круто, сексуально и непринужденно, а получается так же по-идиотски, как когда Кэс разговаривает с Линдси. Но я ничего не могу с этим поделать.

Он постучал по крыше автомобиля.

— Спокойной ночи, Девон.

А потом закрыл дверь, шагнул на тротуар и стал смотреть, как я уезжаю.

Вторая неделя учебы, определенно, хуже, чем первая, особенно в выпускном классе. В первой неделе есть своя новизна: кто-то изменил цвет волос, кто-то потолстел за лето. Нужно запоминать новые лица. Привыкать к новым привилегиям.

Но ко второй неделе новизна исчезает. Теперь ты просто вернулся в школу, ни больше ни меньше, еще один год, такой же унылый, как и предыдущие три, несмотря на новое телосложение Джоша такого-то и возможность парковаться на стоянке для выпускников.

Единственное отличие, по-моему, состояло в том, что теперь, когда окончание было так близко, оно казалось еще дальше, чем когда-либо. Сейчас будущее после школы смутно маячило где-то вдалеке.

В понедельник я начала вялые поиски внеурочных занятий, надеясь найти что-нибудь до своей следующей встречи с миссис Уэнтворт. Не знаю, смогу ли я вынести холодный неодобрительный взгляд «успешного» льва, если вернусь с пустыми руками.

Между уроками я изучала школьную доску объявлений. Там числился осенний сбор яблок «Пепин». Отбор в волейбольную команду. Кружок рисования. Команда по эко-марафону. «Будущие революционеры американской науки» искали кого-нибудь с автомобилем, чтобы поехать в музей науки. Школьному оркестру требовался еще один ударник.

Я не соответствовала почти никаким требованиям. Большую часть времени у меня была машина (когда, как все древние машины, она соглашалась сотрудничать), но я не видела себя революционеркой любого рода, и последнее, что мне было нужно, — это проводить больше времени с Фостером. Я была слишком неуклюжей для спорта и совершенно лишена вдохновения, чтобы заниматься рисованием. Эко-марафон имел потенциал, но одна только мысль о том, что придется проводить дни, анализируя экосистемы и разговаривая о слоях атмосферы, нагоняла на меня сонливость.

К тому времени как раздался звонок, у меня было столько же внеурочных занятий, как и до похода к доске с объявлениями, — ноль.

* * *

Во вторник, ни свет ни заря, Фостер снова загромыхал на кухне. Я только со стоном перевернулась в постели. Вторник означал урок физкультуры.

На третьем уроке мистер Селлерс повел свой отряд одетых в форму девятиклассников (и двух одетых в форму двенадцатиклассников) к школьному полю, таща за собой гигантскую сетку полную мячей. Как только мы встали на линию, отмечающую пятьдесят ярдов, он начал бросать нам мячи.

— Разбиваемся на пары! — крикнул он, бросая мяч в мою сторону. Я вскинула руки, чтобы поймать его, и смотрела, как он пролетел прямо у меня над головой. — Будем отрабатывать передачу. Помните, как должны стоять ваши пальцы, и давайте попробуем немного закрутить мяч!

Я стояла достаточно близко к Эзре Линли, чтобы бросить на него взгляд, но понимала, что в ближайшее время мы не будем партнерами; он не выберет меня, потому что слишком высокомерен, а я не выберу его, потому что, ну, считаю его высокомерным.

Вокруг него уже образовался рой девиц с общим криком: «Будь моей парой, Эзра! Будь моей парой!»

Он быстро огляделся вокруг и показал на особенно грудастую девицу. Та завязала свою темно-бордовую форменную футболку сзади, превратив ее в открывающий живот топ.

— Ты, — сказал Эзра.

Я закатила глаза. Девушки разочаровано разошлись и начали разбиваться на пары. Эзра пошел тоже, но, к моему удивлению, девушка в завязанной футболке к нему не присоединилась. Я проследила путь Эзры к точке за ее спиной.

Фостер пытался удержать мяч на лбу — так в зоопарке тюлени держат мячи на носах. Его футболка была так неравномерно заправлена, что сбилась под шортами, создавая впечатление, будто он запихнул туда рулон ваты.

Эзра потянулся и снял мяч с лица Фостера.

— Стой там, — показал он на точку примерно в десяти ярдах. Фостер улыбнулся и понесся прочь.

— Готов! — сказал он, повернувшись к Эзре и подпрыгивая на месте, как идиот.

— Девон! — рявкнул мистер Селлерс. — Найди пару!

Я осмотрелась вокруг. Неуправляемая на вид девица, отбившаяся от стада, стояла в одиночестве. Я подошла к ней.

— Давай. Будем парой.

Она выглядела опешившей, как будто я предложила порезать ладони и совершить клятву на крови, но тем не менее подбежала к месту напротив меня и повернулась, чтобы поймать мяч.

На ней был весьма толстый слой косметики: темная подводка для глаз, тени с блестками, перламутровый блеск для губ. Ее футболка тоже была завязана сзади, но в отличие от грудастой девицы у этой было видно резинку для волос, державшую узел.

Пока она бегала за пропущенным мячом, я глянула на Эзру и Фостера, как раз вовремя, чтобы увидеть, как Фостер размахнулся и бросил неуправляемый мяч. Он взлетел по спирали вверх и назад и приземлился прямо позади скамейки для гостей у него за спиной.

— Ой!

Фостер пустился за мячом, а я внутренне поморщилась. Конечно, Эзра Линли был козлом, но он все-таки был главным футбольным дарованием Темпл-Стерлинга, а Фостер сейчас оскорбил его ремесло.

— Это твой брат? — спросила девица, проследив за моим взглядом.

— Нет, он мой кузен.

— Правда? Просто он сказал, что он твой брат.

— Зачем мне лгать?

Она непоколебимо смотрела на меня из-под блестящих век.

— А зачем ему?

Я пререкаюсь с малолеткой.

Я снова посмотрела на своего «брата». Он добежал до мяча и наклонился за ним. «Не бросай его обратно, Фостер, — внушала я. — Не бросай его обратно».

Выпрямившись, Фостер отвел ногу назад, подбросил мяч и ударил по нему. Со стороны это выглядело простым и очень непринужденным движением.

Мяч полетел по большой дуге над нашими головами и приземлился где-то на трибунах на другой стороне поля.

Мы все стояли ошеломленные, но моя девица выбрала именно этот момент, чтобы бросить мне мяч. Он глухо врезался мне в плечо. Я даже не заметила.

Фостер нарушил молчание первым, закричав: «Извините!» — и трусцой побежал через поле. Он вышел из-под трибуны, подбежал к Эзре и вручил ему мяч.

— Извини, — сказал Фостер, застенчиво улыбаясь.

Эзра посмотрел на мяч, как будто Фостер только что дал ему картофелину, а затем на Фостера, как будто он был... Я не знаю, кем, кто только что дал ему картофелину.

— Кикер, — сказал Эзра.

— Фостер, — ответил он. — Но близко!

— Он может бить. — Эзра повернулся к мистеру Селлерсу. — Вы видели?

Я впервые видела, чтобы лицо Эзры выражало что-то большее, чем ленивое безразличие. Мистер Селлерс не спеша шел к ним, явно готовясь предложить свое экспертное мнение. Фостер выглядел просто смущенным.

Удар был хороший, вынуждена согласиться, но это, скорее всего, случайность. Ветер и угол ступни, вес мяча — все совпало для этого удара. А может, в кроссовках, купленных ему моей мамой, была специальная резина.

Эзра махнул Фостеру подойти, встал на колени и поставил мяч на землю.

— Ты когда-нибудь выбивал мяч? — спросил он.

Фостер покачал головой. Я наблюдала, как Эзра объясняет Фостеру, что делать, и мою грудь пронзило беспокойство. Это неправильно.

Фостер отошел на несколько шагов и приготовился. До меня дошло, что здесь произойдет: Эзра уберет мяч, и Фостер потеряет равновесие и шлепнется на спину, как в старых комиксах про Чарли Брауна⁶. Это, несомненно, было бы забавно, но также и просто жестоко, так что я двинулась в их сторону.

— Подожди, Фостер...

Но тут Фостер ударил.

На этот раз мяч пролетел криво, переворачиваясь в воздухе, и приземлился, не пролетев и двадцати футов, намного левее ворот.

Итак, это была случайность. Фостер выглядел слегка заинтересованным, но не слишком обеспокоенным. Эзра же, наоборот, был сама целеустремленность.

— Еще раз, — сказал он. — Давай еще раз.

Мистер Селлерс трусцой побежал за сеткой с мячами, пока Эзра тихо говорил Фостеру, показывая на поле, а потом на стойки ворот.

— Я хочу видеть передачи! — взревел мистер Селлерс, проходя мимо разбившихся на пары учеников обратно к Эзре и Фостеру.

Я засекла свой футбольный мяч в нескольких футах и подобрала его, но моя девица смылась и присоединилась к другой группе. Они не делали передачи, а просто передавали друг другу мяч, безостановочно болтая, наверное, о любимой марке носков Эзры Линли или о чем-нибудь еще таком же незначительном.

Я решила остаться одной, чем оказаться во власти подобного разговора. Я держала мяч так, чтобы хотя бы направить его в сторону одной из групп, если мистер Селлерс посмотрит на меня, одновременно обходя другие пары, чтобы подобраться поближе к месту, где стояли Фостер и Эзра.

Эзра опустил на колени с новым мячом и жестом показал Фостеру вперед.

— Попробуй снова.

На этот раз мяч зацепил левую стойку ворот и отскочил к боковой линии.

— Ближе. — Эзра посмотрел на Фостера. — Еще раз.

Он поставил еще один мяч. И этот попал в цель.

Такой же случайный удар с мощностью товарного состава, как из пушки, запустил этот мяч точно между стойками.

— Блин, — услышала я бормотание девятиклассника рядом. Он стукнул руку парня рядом с собой — Кеньона, которого мистер Селлерс назвал многообещающим. Кеньон, шире, чем два Эзры или три Фостера, стоял с широко открытым ртом.

— Блин, ты это видел? — снова спросил девятиклассник.

Фостер сделал еще четыре удара: два мимо и два в цель. Потом Эзра показал правильный удар. Фостер повторил его движения, и его мяч приземлился на десять ярдов дальше, чем мяч Эзры.

Я бессовестно глазела всю оставшуюся часть урока. Это странным образом приводило в замешательство... как будто узнать, что твоя собака умеет бить чечетку. Отпустив нас, мистер Селлерс принялся совещаться с Эзрой и Фостером.

— Что он сказал? — набросилась я на Фостера после урока. Он вышел из раздевалки последним. Даже Эзра со своей спортивной сумкой через плечо вышел через десять минут после того, как разошлись девятиклассники, и через пять минут после начала четвертого урока. Он даже не взглянул на меня.

⁶ Чарльз «Чарли» Браун — один из главных персонажей серии комиксов Peanuts, созданный Чарльзом Шульцем и впервые появившийся в комиксе 2 октября 1950 года. Является хозяином Снупи. Чарли Брауна описывают как милого неудачника, обладающего бесконечной решимостью и надеждой, но который постоянно страдает от своего невезения.

Фостер наклонился подтянуть свои носки. Его рюкзак скользнул вперед над головой, насколько позволяли ляжки, сделав его похожим на черепаху, спрятавшуюся в панцире.

— Он сказал, что, если я попрактикуюсь, у меня есть шанс попасть в школьную команду.

Потрясение и удивление — слишком слабые слова, чтобы описать это.

— В школьную команду? Он сказал «в школьную команду»?

— Ага.

— Но мистер Селлерс даже не тренирует школьную команду.

— Не мистер Селлерс. Эзра.

— Эзра? Почему Эзра так сказал?

Фостер пожал плечами:

— Может, я хорош.

Он сказал это без малейшего возмущения, и я почувствовала небольшой укол совести, зная, что я бы разозлилась, если бы кто-нибудь так скептически отозвался обо мне.

— Я не имела в виду... просто девятиклассников обычно не берут в школьную команду.

— Мистер Селлерс сказал после школы прийти на поле команды девятиклассников, и он поговорит с тренерами насчет моей игры.

Команда девятиклассников. Это имеет смысл. Ну, насколько во всем этом может быть смысл.

— Ты рад? — спросила я единственное, до чего додумалась.

— Дома никого не волновало, что я могу бить по мячу.

Я нахмурилась:

— Но папа с мамой даже не...

Фостер смотрел в стену. Я замолчала, а когда заговорила снова, мой голос был слишком веселым.

— Где ты научился так бить?

Фостер снова повернулся ко мне, и неловкий момент прошел.

— У меня был футбольный мяч. Иногда я пробовал перекинуть его через гараж. Получалось не каждый раз. Эзра сказал, что если я буду тренироваться, то стану стабильнее.

— Что ж... у тебя хорошо получается.

— Похоже на то, — улыбнулся Фостер.

6

Один за другим игроки бросались на тренировочные чучела, врезаясь плечом и толкая изо всех сил. Никаких сомнений, эти были старшекласниками.

Фостер смотрел на это круглыми глазами.

— Думаю, для начала они возьмут тебя одним из этих, — сказала я, показывая на чучело, просто дурачась. Он не улыбнулся.

Команда девятиклассников Темпл-Стерлинга играла на поле позади здания средней школы, через улицу от здания старшей школы. Фостер не просил меня пойти с ним после уроков, но, когда после восьмого урока он появился возле моего класса естествознания, я поняла, что приглашение подразумевается само собой.

Команду девятиклассников тренировали два человека: мистер Джонс, преподаватель математики, и мистер Эверетт, волонтер.

Фостер перевел взгляд с тренировочных чучел на мистера Эверетта, который наблюдал за игрой команды нападения. Странно: эти парни казались такими большими по сравнению с Фостером, но их действия выглядели неловкими и замедленными по сравнению с тренировками школьной сборной.

Фостер пихнул меня.

— Что?

— Иди поговори с ним, — сказал он.

— Я? С чего мне с ним разговаривать?

— Я не знаю.

Фостер попятился. Я не могла понять выражение его лица, но на его месте я, скорее всего, пожелала бы быть хоть немного выше или сильнее или чтобы мои шнурки не были завязаны такими большими бантиками. Было ли нечто настолько естественное возможно, когда дело касалось Фостера? Если да, то он этого не показывал. Он просто стоял и с подозрением разглядывал мистера Эверетта, пока тот не повернулся и не посмотрел прямо на нас.

На его лице появилась улыбка.

— Ты, должно быть, Фостер! — крикнул он, взмахом руки подзывая нас к себе.
— Мистер Селлерс сказал, что ты подойдешь.

Когда мы подошли он заговорил тише, но улыбка не исчезла. Мистер Эверетт был, наверное, лет на двадцать старше моего папы, но находился в намного лучшей форме.

— Я слышал, у тебя отличный удар, Фостер, — сказал он. — Мистер Селлерс надеялся, что ты сможешь прийти и поиграть за нас.

— У меня просмотр?

Я поморщилась. Это не бродвейский мюзикл. Но мистер Эверетт и глазом не моргнул.

— Если не возражаешь. Обычно мы не принимаем ребят после начала сезона, но мистер Селлерс был просто в восторге, и я слышал, что тебя учит Эзра Линли.

Это было новостью для меня. Фостер торжественно кивнул.

— Он сказал, что поможет мне тренироваться. Я еще совсем зеленый.

— Я знаю профессионалов, которых можно назвать зелеными по сравнению с Эзрой Линли, — хохотнул мистер Эверетт.

С еще одной ослепительной улыбкой мистер Эверетт спросил Фостера, не возражает ли он подождать, пока тренировка продолжится, и мы пошли к боковой линии. Фостер бросил на меня взгляд, в котором ясно читалось «останься», так что мы устроились на скамейке. Я открыла книгу, а Фостер наблюдал за происходящим на поле, пока мистер Эверетт не пришел и не забрал его.

Потом снова повторились удары по мячу. На этот раз у него получилось лучше, чем на уроке физкультуры. Он сумел забить довольно много мячей прямо между стойками ворот.

После этого к ним подошел мистер Джонсон и заставил Фостера бросить и поймать несколько длинных передач другому игроку. Он сумел поймать несколько передач, но его броски были такими же жалкими, как мои. Как ни крути, в семье Теннисонов не водились квотербеки.

Я слышала, как мистер Эверетт и мистер Джонс тихо переговаривались насчет «специальных команд» и «игры на поле», и к тому времени, как они подошли к Фостеру с окончательным решением, я потеряла то место в «Чувстве и чувствительности», которое читала, и жалела, что не сижу достаточно близко, чтобы слышать, что они говорят.

Что бы они не сказали, выражение лица Фостера не поменялось. Он просто кивнул и подошел к скамейке, чтобы собрать свои вещи.

— Ну?

— Они сказали, что их лучший кикер⁷ не может бить на такое расстояние.

— Ты прошел?

Он пожал плечами:

— Я должен тренироваться две недели, прежде чем смогу играть.

* * *

Вечером за ужином моя мама издала счастливый вопль:

— Ты шутишь. Ты совершенно точно меня дурачишь.

— Так держать, приятель! — провозгласил папа. — У нас в семье появился спортсмен, настоящий спортсмен!

— Мне нужно пройти медосмотр, — сказал Фостер, а потом сунул в рот огромный кусок мясного рулета и принялся бесцеремонно жевать.

— Ты же недавно проходил, — сказала мама. — Я позвоню врачу и попрошу переслать бумаги.

— Мне нужны шиповки, — сказал Фостер, не отрываясь от мяса.

— После ужина съездим в торговый центр, — сказала мама.

— Они дорогие, — настороженно сказал Фостер.

— Не волнуйся об этом, — сказал папа. — Если обещаешь, что твои ноги останутся такого же размера, пока ты не войдешь в сборную школы.

Фостер не улыбнулся.

В этом не было ничего необычного, и если уж я это заметила, то и мои родители, наверняка, тоже. Фостеру нравилась «тетя Кэти», и он был счастлив ездить ей по ушам так же часто, как и мне, но он не питал теплых чувств к моему папе. Я думала, может, это потому, что папа напоминал ему его собственного отца. Конечно, старше, но, может быть, у них были похожие голоса или они выглядели похоже, а может это просто... больно или еще что. Я не знала и не собиралась спрашивать.

— Эзра Линли будет помогать Фостеру тренироваться, — сказала я, только чтобы нарушить неловкое молчание. Я подумала, что это произведет впечатление на моих родителей, которые знали, что он вошел в список лучших игроков Америки.

— Не может быть! — сказал папа. — Как это вышло?

Фостер просто пожал плечами, так что я прочистила горло и сказала:

— Помните, что у нас общий урок физкультуры?

— Конечно. Вы — единственные выпускники.

— Да. Что ж, думаю, Эзра предложил Фостеру помощь во время урока физкультуры. Верно? — Я посмотрела на Фостера. — Так?

Фостер счищал кожуру с запеченной картошки.

— Угу, — сказал он и запихнул длинную полоску кожуры в рот. Я взглянула на маму. Она никогда не разрешала мне есть кожуру, когда я была младше, поэтому по привычке я и сейчас этого не делала.

Кажется, она не заметила.

— Что он сказал?

— У нас секрет.

— Какой?

К моему удивлению, вопрос сорвался с моих губ.

— Если я тебе скажу, — ответил Фостер, — то это уже не будет секретом.

7 Кикер — игрок, выбивающий мяч во время начальных розыгрышей и при попытках забить гол.

Мама с папой улыгнулись друг другу, как будто у них был свой собственный секрет.

— Что ж, тогда оставим это между тобой и Эзрой, — сказала мама.
Фостер просто продолжил жевать.

7

«У нас секрет». В среду после встречи с миссис Уэнтворт я наблюдала за тренировкой школьной команды и размышляла о секретах. У меня не было настоящих секретов, кроме долгой влюбленности в Кэса, которая все равно была не таким уж секретом. Тайные влюбленности вышли из моды в седьмом классе.

У Фостера было много секретов, и, учитывая, сколько он болтал, он умел их хранить. Раз в неделю он ходил на терапию, и о чем он там разговаривал было секретом. Его мама так и не оправилась после смерти дяди Чарли, и все, что с ней происходило, он тоже держал в секрете. Это одна из вещей, которые беспокоили меня в Фостере. Не терапия — это личное дело. Но с того момента, как мы покинули их дом в Калифорнии, он ни слова не сказал о маме. Как будто у него совсем никогда не было мамы. Он никогда не говорил о ней, никогда не плакал, никогда не жаловался, а это, насколько я знаю, не нормально.

Может быть, все его нормальные эмоции оставались за дверью кабинета терапевта. Может быть, в течение часа один раз в неделю он плакал и кричал, бил подушку, как обычный человек. Или, может быть, то, что случилось с его мамой, выбило из него все нормальное.

— Пахнет сырными начо.

Я подняла глаза. По ступенькам трибун ко мне поднималась Марабель Финч, как всегда, одной рукой обнимая живот. Она делала это начиная с двухмесячного срока, когда еще не было видно ничего, кроме плоского живота.

До того как ребенок начал действительно расти, я бы назвала Марабель изящно прелестной, хрупкой, как сахарная вата или стеклянная фигурка. Но сейчас она была на шестом месяце и набрала вес. Ее лицо стало круглее, а тело полнее, и она больше походила на настоящего человека — очень прелестного настоящего человека.

Пока она садилась рядом, я понюхала свои подмышки.

— Не ты, — сказала она. — Воздух.

Тогда я на пробу понюхала воздух. Как по мне, так пахло полуденной жарой и, еле уловимо, сорока школьниками, занимающимися где-то внизу.

— Как ты? — спросила я.

— Хорошо. Только голова болит.

— Ты, наверное, не должна находиться на улице. Тут очень жарко.

— Они же здесь.

Она показала на поле.

— Это другое.

Марабель нахмурилась в слабом негодовании:

— Потому что они мальчишки?

Я вздохнула:

— Давай зайдем внутрь.

— Хочешь газировку или что-нибудь? — спросила я, когда мы зашли обратно в школу.

— Мальш ненавидит газировку.

Теперь у Марабель почти не было собственного мнения. Малыш был на первом месте независимо ни от чего, и существовало довольно много вещей, которые он не выносил.

Прошлой весной я просматривала раздел фантастики в библиотеке. Завернув в следующий ряд, я увидела Марабель, сидящую на табурете-стремянке. У нее на коленях лежала стопка книг, рядом стояла пустая тележка.

Она сидела, выпрямив спину и аккуратно сложив руки на верхней книге стопки, и не отрываясь смотрела на одну из верхних полок напротив.

— Привет, — сказала я, но она не шевельнулась. — Все в порядке?

Марабель моргнула раз, потом другой и перевела взгляд на меня.

— Да, — ответила она наконец. — Мне просто нужно кое-что проверить.

— Книгу? — спросила я, и она рассмеялась. На самом деле она смеялась, пока ее глаза не заблестели от слез.

— Нет, не книгу, — сказала она.

Мы пошли в ближайший супермаркет. Пока я искала нужный ряд, она стояла у прилавка с закусками и глубоко дышала, закрыв глаза. На секунду я подумала, что она в панике, но потом ее лицо расслабилось, а губы растянулись в улыбке.

— Что ты делаешь?

— Самый лучший запах в мире, — ответила она.

— Прости?

— Хот-доги на раскаленной решетке.

Я даже не знала, что на это ответить.

— Идем. Нам надо... просто идем.

Она взяла тест в туалет и уговорила меня войти и подождать вместе с ней. Я стояла у раковины, а она сидела на сиденье унитаза, глядя на полоску.

Та не была синей. Тогда я знала, что они меняют цвет, но на этом тесте просто появлялась надпись «Вы беременны» или «Вы не беременны». Буквы были маленькими, но очень четкими.

— Ох.

Я вспомнила, как сильно удивилась, во-первых, тому, что Марабель занималась сексом раньше меня, а во-вторых, тому, как она может сидеть, держа кусочек пластика, который изменит ее жизнь, и выглядеть лишь слегка... взволнованной. Не грустной, не расстроенной или испуганной. Просто взволнованной.

— Я помочилась на него, — произнесла она после длительного молчания. — Можешь поверить, что я держу что-то, на что помочилась?

Я взяла у Марабель тест — хотя она была права: она действительно на него помочилась — и несколько раз встряхнула его, как будто от этого результат изменился бы, словно в магическом шаре.

— Может, это ошибка.

Марабель ничего не сказала. Это было очень странно. Почти смешно. Она не выглядела расстроенной. Более того, она не выглядела удивленной.

— Что будешь делать?

Я не хотела спрашивать, но не смогла удержаться.

Марабель посмотрела на меня:

— К чему ты клонишь?

— Ты... ну, я не знаю. Ты ставишь это?

— Его, а не это. — Марабель забрала у меня полоску и выкинула ее в мусорку, после чего принялась мыть руки. — Он ребенок, а я его мама, и не знаю, что еще ты собиралась мне предложить, кроме как родить его.

— Но тебе не обязательно оставлять его, — вырвалось у меня. Я не могла промолчать. Ей пятнадцать лет, и, ради всего святого, она носит розовые пластмассовые украшения. И она должна стать чьей-то мамой?

Марабель повернулась ко мне — с ее рук стекала вода — и посмотрела прямо в глаза. Я была выше, ей пришлось задрать голову, чтобы смотреть мне в лицо.

— Я скорее избавлюсь от тебя, — сказала она и вышла.

Никогда до этого, да и после тоже, я не слышала от Марабель такой убежденности. Я не понимала, как она может быть такой уверенной, без колебаний. Не думаю, что когда-либо была хоть в чем-то так уверена.

А теперь она стояла рядом со мной перед автоматом с соками в школе Темпл-Стерлинга и обеспокоенно переводила взгляд с кнопки «манго-папайя» на кнопку «клубника-киви».

Я вставила в автомат доллар.

— Просто выбери.

Она погладила живот и нажала «манго-папайя».

— Как ты оказалась здесь после уроков? — спросила Марабель, пока мы с соком в руках неторопливо шли по коридору.

— Я встречалась с миссис Уэнтворт.

— С той леди-консультантом?

— Ага.

— Она дала мне буклеты про специальные школы. Она добрая. Добрее, чем моя мама.

— Ты не захотела идти в одну из тех школ?

— Малыш никогда не будет нормальным без общества.

Я слабо улыбнулась.

— Почему ты тут так поздно? — спросила я, когда мы завернули в главный коридор.

— У меня нет водительских прав, — сказала Марабель. — Другим людям приходится возить нас.

— Хочешь я отвезу тебя домой?

На этой неделе моя машинка сотрудничала и сейчас счастливо стояла на боковой стоянке рядом с машиной Кэса.

— Нет, я не против подождать.

Я толкнула двери школы и вышла на сентябрьское солнце. Первая тренировка Фостера с командой девятиклассников вот-вот закончится.

А вот и он сам вприпрыжку вывернул из-за здания средней школы, закинув на плечо огромную спортивную сумку. Вчера вечером мой папа оторвался в спортивном магазине.

Заметив меня, Фостер помахал рукой и ускорился, перейдя на неровный бег.

Марабель присоединилась ко мне на крыльце школы и пошла следом за мной вниз по ступенькам.

— Я пробил, Дев! — сказал Фостер, почти задыхаясь. — Я бил, и бегал спринт, и ловил мяч... — Я еще никогда не видела его таким потным, покрасневшимся и улыбающимся. — Это кто?

— Это Марабель. Марабель, это мой двоюродный брат Фостер.

Марабель слабо улыбнулась Фостеру. Его улыбка померкла, а взгляд опустился на ее живот.

— Нам нужно ехать, — сказала я. — До встречи, Марабель.

— Ага. — Она махнула рукой и опустилась на ступеньки.

Я начала спускаться, но Фостер не сдвинулся с места.

— Ты собираешься просто сидеть здесь? — спросил он.

— Нет. — Марабель подняла сок. — Еще я буду пить сок.

— Совсем одна? — Фостер выглядел обеспокоенным.

Она похлопала свой живот:

— Я никогда не бываю одна.

Фостер беспомощно обернулся ко мне, и я прочистила горло.

— Марабель, ты уверена, что не хочешь, чтобы мы тебя подвезли?

— Нет, я в порядке.

Я не стала настаивать. Во-первых, потому что она казалась вполне умиротворенной, а во-вторых, потому что не считала Марабель способной солгать. Но Фостер все еще выглядел взволнованным.

— Давай, — сказала я, потянув за ремень его сумки. — Идем же.

— Пока, — сказал Фостер, оглянувшись на Марабель, и тут же споткнулся.

Только когда мы дошли до машины, он снова заговорил.

— Как получилось, что у нее есть ребенок?

— Ну, пока его нет, верно?

— В смысле, как вышло, что она забеременела?

— Откуда я знаю? Есть много способов забеременеть.

— Как думаешь, она хотела?

— Фостер, никто не хочет забеременеть в старшей школе.

Пока мы выезжали на дорогу, Фостер, вывернув шею, смотрел назад, на крыльцо школы

— А где отец?

— Что?

— Отец ребенка.

Марабель никогда не говорила о нем, а я не решалась спрашивать.

— Не знаю.

— У нее есть парень?

Когда бы я ни увидела ее, она всегда была одна, не считая малыша.

— Не думаю.

— Она хорошенькая, — сказал Фостер, помолчав.

Я взглянула на него. Это правда, но тем не менее я меньше всего ожидала услышать подобное.

— Да, хорошенькая.

Фостер не ответил.

На следующее утро я проснулась от обычного бряканья в кухне. Сложно сказать, Фостер так гремел оттого, что не считался с остальными, или попытки делать все бесшумно превращали его в еще более неуклюжего, чем обычно. На самом деле я не думала, что Фостер нарочно был невнимателен к нам, просто он слишком давно привык делать то, что хочет. Например, есть кожуру запеченной картошки. Никто никогда не говорил ему этого не делать.

Я поворочалась в кровати и уставилась в окно через щель между шторами и стеной, слушая собственное дыхание. Я уже проснулась, но еще не была готова это признать, когда услышала, как хлопнула входная дверь. Это на самом деле узнаваемый звук — звук открываемой и закрываемой входной двери. Наша звучала как щелчок по дереву. И этот щелчок поднял меня с кровати.

Я накинула одеяло на плечи. Во рту стояло то вяжущее ощущение, которое бывает по утрам, когда ты только что проснулся и еще не разговаривал. Я вышла за дверь на свет раннего утра и увидела Фостера в полной спортивной форме Темпл-Стерлинга. Он нарезал большие петляющие круги на лужайке перед домом.

— Что ты делаешь?

Он не остановился. Повернувшись и побежав через двор, он сказал:

— Эзра пробежит мимо в любую минуту. Я хочу разогреться, но не хочу его пропустить.

— Откуда ты знаешь, что он пробежит мимо?

— Он пробегает мимо нашего дома каждый день в шесть пятнадцать.

— Не пробегает.

Это было по-детски. Но я не могла поверить, что кто-то еще нашего возраста добровольно просыпается так же рано, как Фостер.

— Пробегает. Я вижу его каждое утро. И он сказал, если я не сплю... — Фостер развернулся и побежал обратно. — ...то могу пробежать дистанцию вместе с ним.

— Дистанцию?

Я опустила на ступеньку и плотнее завернулась в одеяло.

— Угу. Дистанцию четыре мили.

— Он каждый день пробегает четыре мили перед школой?

Фостер бросил на меня испепеляющий взгляд.

— Ничего не делая, не станешь отличным игроком.

Я не знала, что ответить на это, поэтому просто провела языком по внутренней стороне губ (вяжущее ощущение еще не ушло) и стала смотреть, как Фостер развернулся и начал еще один неровный круг по лужайке. Неожиданно меня осенило, что прошло ровно три месяца с его приезда. До этого лета я не видела Фостера пять лет. А теперь он уже три месяца, день в день, живет как... ну, почти как мой брат. Это слово вызвало странное чувство, как в тот раз, когда одна из девиц произнесла его в спортзале. «Это твой брат?» Я семнадцать лет была единственным ребенком.

Утреннюю тишину нарушил звук других шагов, и, как и предсказывал Фостер, показался бегущий Эзра Линли. Его шаги были длинными, размеренными и четкими. Он был похож на заводную игрушку или что-то такое, совершенно бесперебойный.

Приблизившись к дому, он не остановился. Даже не взглянул, когда Фостер начал махать рукой как сумасшедший. Он просто продолжал бежать.

Фостер мгновение смотрел на меня, потом пожал плечами и рванул за ним. Я слышала разносившееся по улице «Подожди, Эзра, подожди меня!» — пока Эзра не завернул за угол, и Фостер, немного отставший, тоже исчез из вида.

* * *

Настало время школы, и во время обеда я отправилась выяснить насчет того, что миссис Уэнтворт во время нашей вчерашней встречи назвала «внеурочной возможностью». Эта возможность приняла вид школьной газеты — они вроде искали фотографов, и миссис Уэнтворт ясно дала понять, что навыки не являлись обязательным требованием.

Я отыскала ученицу, отвечающую за выпуск «Темпл-Стерлинг Геральд», в редакции. Широкий стол перед Рэйчел Вудсон был завален бумагами, книгами, старыми выпусками «Геральд» и номерами ежемесячного литературного журнала Темпл-Стерлинга (в создании которого Рэйчел тоже принимала участие). Сидя среди всего этого, она выглядела немного затравленной и довольно сильно обеспокоенной, но Рэйчел всегда так выглядела.

Мы знали друг друга с детского сада. Не помню, когда именно она заявила о своем намерении поступить в каждый из десяти лучших университетов, но должно быть, она решила это довольно рано, потому что даже тогда очень следила за тем, чтобы цвет в раскраске не выходил за линии.

Она назвала свой план относительно колледжа «Беспрюиришная серия». Ей мало было просто хотеть попасть в Принстон, быть зачисленной в Принстон и учиться в Принстоне. Рэйчел хотела быть зачисленной всюду: Гарвард, Йель, Стэнфорд — во все лучшие школы. Полагаю, просто чтобы иметь роскошь отказаться от мест, ради которых дети по всей стране работают не покладая рук, только чтобы получить отказ.

Это было странно. Рэйчел была исключительно гениальна. Она посещала почти все внеурочные занятия, которые только можно придумать. У нее было много друзей, и она была лучшей практически во всем. Нелогично, что кто-то настолько умный мог казаться хоть чуточку жалким, но иногда я испытывала необъяснимую жалость по отношению к Рэйчел.

— Ты не занята после школы? — спросила она, яростно печатая на своем ноутбуке. Она едва подняла глаза, когда я зашла.

— Да.

— Хорошо. Можешь взять мужской футбол или женскую легкую атлетику. Что хочешь?

— А?

— Нам нужны фотографии со спортивных соревнований. Мы поместим их в раздел о спорте, но они также подойдут для ежегодного альбома.

Я уже говорила, что Рэйчел участвовала в создании ежегодного альбома выпускников?

— Ладно, хорошо...

Я никогда не видела, чтобы кто-нибудь так быстро печатал. Я понятия не имела, над чем она работает, но это меня не касалось. Способность Рэйчел делать несколько дел одновременно немного устрасала.

— Футбол или легкая атлетика?

— Эм... Можно мне американский футбол?

Ее пальцы застыли в воздухе.

— Ты хочешь американский футбол? Все хотят американский футбол.

— Я хочу сказать, что, полагаю, могу помочь с чем-то другим, но...

— Что такого в этом американском футболе? — Рэйчел смотрела на меня, прищурившись. — Я имею в виду, что в нем такого выдающегося?

— Это... традиция?

Рэйчел выглядела недовольной.

— Это состязание в популярности, замаскированное под насилие, замаскированное под активный вид спорта. — Она снова начала печатать. — Знаешь, кто-нибудь должен написать историю про школьный футбол — не про команду или счет, а факты. Он становится таким расчетливым.

— Расчетливым?

— Спорт сам по себе — традиция — уже вряд ли имеет значение. Ребята играют в футбол в старшей школе, чтобы получить деньги на колледж. Это просто игра чисел.

Я подумала о Кэсе.

— Люди играют, потому что любят это. Потому что их отцы играли, и отцы их отцов... и все такое.

Рэйчел коротко взглянула на меня, и, когда она заговорила, я не смогла понять, то ли это снисходительный тон, то ли ее прямота была такой же резкой, как ее характер.

— Милое мнение, Девон.

— Но...

Я знала, что ей не терпится продолжить.

— Но я хочу сказать — посмотри на Эзру Линли.

— А что с ним?

— Ты не видишь ничего подозрительного в том, что игрок, два года выходявший в стартовом составе школьной команды Шонесси, которая за последние пять лет три раза становилась чемпионом штата, вдруг переходит в незначительную команду Темпл-Стерлинга в свой выпускной год — единственный самый важный год в школьном футболе?

— Ну... Да, я думаю, что это немного странно, но...

— Ты знаешь, как попадают в сборную лучших игроков? — Я не знала, но Рэйчел не дала мне возможности ответить. — Статистика. В Шонесси Эзра набрал невероятное количество очков, тут нет никаких сомнений, но его прошлогодняя статистика в Темпл-Стерлинге затмила все. Сорок пять тачдаунов за один сезон. Ни одной потери мяча. Ноль.

— Он хороший игрок.

Даже я была вынуждена это признать.

— Да, но Темпл-Стерлинг — команда третьего класса. Мы не идем ни в какое сравнение со школьными командами класса шесть — они просто огромны. Здесь Эзра участвует в каждом розыгрыше. Он несет ответственность за каждый шаг, тогда как в Шонесси ему пришлось бы делиться славой.

— Так ты думаешь, Эзра пришел сюда...

— Чтобы улучшить свою статистику. Получить признание. Войти в команду лучших игроков, сыграть за Кубок и обеспечить свое будущее.

— Ничего себе, — сказала я, но это относилось не к разоблачению Эзры. — Для того, кто ненавидит футбол, ты много о нем знаешь.

— Ну, нельзя выступать против чего-то, пока тщательно не исследуешь это, ведь так?

Она снова вернулась к своему компьютеру и некоторое время молчала. В итоге мне пришлось прочистить горло.

— Так что... насчет фото...

Рэйчел моргнула и посмотрела на меня, как будто забыла о моем присутствии.

— Да. Ну, команды средней школы и девятиклассников уже заняты, но думаю, что смогу придумать для тебя что-нибудь со старшей командой. Встретимся завтра на обеде, и я дам тебе пропуск на боковую линию.

— Серьезно?

Пропуска на боковую линию не выдавали никому, кроме обслуживающих техников и им подобных.

— Ага.

— Круто. Спасибо.

Рэйчел уже снова печатала, как будто меня там никогда и не было.

Игра девятиклассников была запланирована на четверг, но как новичок Фостер не имел права играть в первые две недели своих тренировок. Глядя на разминку команды Фрипорта, я решила, что чем дольше его будут держать подальше от этих ребят, тем лучше.

Мама умоляла меня пойти на игру, так как ни она, ни папа не могли отпроситься с работы. Я не стала говорить ей, что пошла бы в любом случае. Мне хотелось посмотреть, делают ли такую маленькую форму, чтобы подходила Фостеру.

Судя по всему, делают. Девятиклассникам не полагались именные свитера, но я узнала бы Фостера где угодно. Он подпрыгивал на месте возле боковой линии, разогреваясь вместе со всей командой.

Команды вышли на поле и сформировали два круга, начав прыжки и растяжку, и я обвела взглядом толпу. На игры команд «С» приходило гораздо меньше болельщиков, чем на игры старшеклассников, но было забавно думать, что всего через несколько лет большинство этих ребят будут играть под знаменитыми «Огнями ночной пятницы», а не под ярким полуденным солнцем в четверг.

Я начала жалеть, что не купила газировки или чего-нибудь еще, когда на сиденье рядом со мной кто-то плюхнулся. Линдси Реншоу протянула мне бутылку воды.

— Хочешь пить?

Она действительно совершенство.

— О, спасибо, но...

— У нас их полно. — Она указала на место на несколько рядов позади нас, где сидели женщина и две девочки младшего школьного возраста с зонтиками в руках и прохладительными напитками в большом кулере. — Ух, жарко здесь.

Линдси даже не вспотела.

— Да. — Я повернула крышку на бутылке и сделала большой глоток. — У тебя, эм, брат в команде?

— Ага. Двенадцатый номер, Паркер.

— На какой позиции он играет?

Внизу на поле команда закончила разминку и сгрудилась вокруг тренеров.

— Они пробуют его на позиции сэйфти, но он, конечно, хочет быть квотербеком. Больше славы. Как насчет тебя? — Ее глаза расширились. — Твой двоюродный брат здесь? Он играет?

— Эм, да. Номер двадцать.

— Оу-у-у, он восхитительный!

Ха. Я поискала в Фостере что-нибудь, что можно было бы посчитать милым. Он был не столько ниже других ребят, сколько тщедушнее; даже у маленьких худых ресиверов было больше мышц.

И все-таки, несмотря на это, сложно было выглядеть плохо в футбольной форме, так что, полагаю, он был похож на любого другого игрока команды «С» — уменьшенная версия ребят из сборной школы, которые были весьма восхитительны.

— Он только начал. — Я чувствовала себя обязанной сказать это. — Поэтому он не может сегодня играть.

— На какой позиции он играет?

— Он кикер, в основном. Правда довольно хороший.

— Да неужели? Вау, здорово. Мой папа говорит, что школьного кикера очень трудно найти. Он тоже играл, но не за Темпл-Стерлинг. Моя мама отсюда, а он играл за Шонесси.

Я вспомнила слова Рэйчел: «...игрок, два года выходивший в стартовом составе школьной команды Шонесси».

— Это ведь оттуда Эзра Линли, верно?

— Ага. Боже, они хороши в этом году. Папа до сих пор иногда ездит туда, чтобы посмотреть их игры. Он видел, как играет Эзра, задолго до того, как о нем услышали здесь.

— До того, как он стал гордостью Темпл-Стерлинга?

Линдси рассмеялась:

— Эзра лакомый кусочек, но эти плакаты в туалетах повсюду довольно жуткие, не так ли? Я с трудом могу пописать, когда он так на меня смотрит.

Я не смогла сдержать улыбку.

* * *

На следующее утро после того, как команда девятиклассников «Кавалеристы Темпл-Стерлинга» сумела с небольшим перевесом победить «Бульдогов Фрипорта», Рэйчел выдала мне пропуск на боковую линию. Перед обедом, проходя мимо по коридору, она вложила мне в руку длинный прямоугольный пропуск и сказала, чтобы я нашла мистера Харпера, преподавателя, курирующего «Геральд», на поле в половине седьмого. После чего унеслась прочь в ворохе бумаг и портативной электроники.

Этим вечером я гордо носила пропуск. Он был ламинированным и все такое. Я почувствовала себя очень важной, после того как рассталась с Фостером у трибун и, показав пропуск у ограждения, прошествовала дальше на поле. Фостер планировал смотреть игру с некоторыми ребятами из «Будущих революционеров американской науки». Я решила, что они собираются рассчитывать траектории мяча или что-то вроде. Если не это, уверена, они найдут какой-нибудь другой способ заставить сидящих рядом почувствовать себя умственно неполноценными.

Я осмотрела бровку поля в поисках мистера Харпера и увидела его на тридцатиярдовой линии. В руках он держал штатив, а на плече у него висела огромная черная сумка с фотокамерой.

Представившись, я ожидала, как любой нормальный человек, что он даст мне фотоаппарат. Но вместо этого мистер Харпер всучил мне сумку.

Молча он поднял фотоаппарат и сделал несколько снимков поля. На мгновение я подумала, что он показывает мне, как нужно снимать, но потом он повернулся и пошел вдоль поля, все так же держа фотоаппарат в руках.

Что именно сказала Рэйчел? «Думаю, что смогу придумать для тебя что-нибудь»? Когда игроки вышли на поле и началась игра, я поняла, что оказалась чуть большим, чем разрекламированная стойка для багажа.

По крайней мере мне достался хороший вид на игру.

У боковой линии стояли и другие фотографы, но они определенно были не из «Геральд». Настоящие фотографы из настоящих газет. В конце прошлого сезона это было привычным явлением — команда вышла в чемпионат класса 3, — но сегодня же обычная игра. Мне стало интересно, в чем дело, но как только мы подошли ближе, все стало ясно.

— Двадцать пятый, — сказал один парень другому, когда начался новый розыгрыш. — Это он. Смотри на двадцать пятого.

И словно зная, что за ним наблюдают, из толпы игроков вырвался Эзра и на полной скорости рванул к линии гола. Держа мяч под мышкой и наклонив голову, он плечом сбил особенно крупного лайнмена Фрипорта и вильнул влево, когда еще один защитник бросился ему в ноги. Защита провалилась, и последние несколько ярдов оказались свободны. Тачдаун был у Эзры в кармане.

* * *

— А во второй половине? Когда парень из Фрипорта поймал мяч, а Эзра отнял его и резко развернулся, ты видела? Когда он только побежал в противоположном

направлении, а Джордан сбил того парня за две секунды до того, как он бросился на Эзру? Ты видела, Дев?

Фостер болтал всю дорогу до дома. Он прервался на вопрос, только когда мы подъехали к дому.

— Ты собираешься сегодня на вечеринку?

— Нет.

Я не знала хозяина дома и была не в настроении. Плечо болело, оттого что я таскала ту дурацкую сумку для фотокамеры.

— Почему нет?

— Мне не хочется.

— Тебе нравятся эти вечеринки? Эзра сказал, что ему не нравятся. Он сказал, что это просто кучка людей, которые напиваются и ведут себя как идиоты.

Я посмотрела на Фостера, когда мы подошли к задней двери.

— Когда ты разговаривал с Эзрой?

— На физкультуре. Когда мы бежали мило.

Когда я бежала мило, то была слишком сосредоточена, чтобы обращать внимание на что-либо, не говоря уже о том, чтобы вести беседу.

— В воскресенье мы начинаем тренироваться по-настоящему. Не завтра, потому что на завтра у него планы, а в воскресенье.

Я подумала, что же Фостер расскажет мне следующим: размер обуви Эзры или предпочитает ли он боксеры плавкам? Может быть, мнение Эзры о внешней политике на Ближнем Востоке или что он ел на ужин вчера вечером?

— Спокойной ночи, — сказала я, направляясь в свою комнату, прежде чем он смог продолжить. Я знала, что мама будет счастлива послушать рассуждения Фостера по поводу множества талантов и взглядов Эзры Линли. Думаю, она была бы счастлива слушать, как Фостер читает сведения о пищевой ценности с коробки хлопьев, лишь бы он с ней разговаривал.

Это было мило, иногда даже болезненно, как мои родители хотели, чтобы Фостеру было хорошо. И я думаю, даже больше, чем этого хотела я, они хотели, чтобы Фостер был нормальным. Для меня нормальный значило не выделяющийся. Для них, как мне кажется, это просто значило счастливый.

* * *

Каждую субботу Кэс загонял свою машину на мойку самообслуживания — нечто вроде послематчевого ритуала. Он купил свою старенькую черную купешку у выпускника, когда учился в десятом классе, и абсолютно поклонялся ей.

Все операции на монетной автомойке ограничены по времени: чем больше четвертаков вы опустите, тем больше времени у вас будет. Кэс разработал целую систему, как успеть максимально отмыть машину за минимальные деньги, но эта система требовала участия двух человек. Поэтому в большинстве случаев в субботу днем я оказывалась на мойке самообслуживания. Я не возражала, заодно я брала и свою машину, и мы тоже ее мыли. Но в отличие от Кэса я понимала, что никакое количество полировки не заставит мою «Тойоту» выглядеть более сияющей и менее старой.

Закончив с салоном, Кэс поставил свою машину в маленький открытый гараж, а я встала около металлической коробки на стене. С помощью поворота ручки можно было выбрать моющее средство, ополаскивание или ультраблеск. Первоначально нужно заплатить доллар, после чего добавлять по четверти доллара каждые тридцать

секунд. Кэс считал, что все можно успеть за доллар семьдесят пять центов. Такое редко удавалось, но мечтать не вредно.

— Время?

На смывании Кэс всегда спотыкался.

— Двадцать секунд.

— Черт. Переключай.

Ультраблеск был моим любимым. Потрясающий запах. Я повернула ручку, и Кэс отскочил прочь. С шин по-прежнему стекала пена.

— Опустить еще четвертак?

— Нет. Я успею.

— Ты же не хочешь снова платить доллар?

— Время?

— Девять секунд.

Он обошел только половину машины.

— Опустить еще четвертак?

— Нет!

Я опустила еще четверть доллара.

Кэс закончил с ультраблеском, и шланг автоматически выключился, когда время вышло.

— Я мог успеть, — сказал он, вставляя шланг обратно в держатель. — У нас пропало десять секунд в конце.

— В следующий раз.

Он задним ходом отъехал на парковку. Моя машина уже стояла там, помытая и высушенная, и блестела на солнышке. Я опустила окна и включила радио, когда Кэс припарковался и вышел.

— Я буду вытирать первым, а ты вытирай насухо, — сказал он мне и бросил полотенце. Я всегда вытирала насухо.

Я начала обходить машину вслед за ним, вытирая разводы, оставленные его полотенцем. Радио в моей машине болтало само, рекламируя лазерную эпиляцию и сэконд-хэнды. Время от времени я поглядывала на Кэса. Мне нравились его выцветшие футболки. Сегодняшнюю он носил еще с восьмого класса. Тогда она была слишком свободна, но теперь облегалась именно так, как надо. Логотип с экраном давно облез, ткань выцвела до идеального оттенка синего. Многие футболки из тех, что моя мама купила для Фостера в торговом центре, пытались подражать этому цвету, но его нельзя купить за смешные деньги в торговом центре, да и за любые деньги, если уж на то пошло. Кэс заработал этот цвет со временем.

— Что? — спросил он, после того как мы перешли на окна.

— А?

Его лицо расплылось в улыбке:

— Почему ты так странно смотришь на меня?

— Я просто думала.

— О чем?

Пришлось быстро придумать.

— О вчерашней вечеринке. Было весело?

Он пожал плечами и начал вытирать стекло широкими кругами.

— Все как обычно. Но без тебя скучно.

Временами я ненавидела, когда он так говорил, потому что это было именно то, что я хотела услышать, но не несло того смысла, которого хотелось мне.

— Ничего необычного не произошло?

— На самом деле нет. Некоторые довольно сильно напились.

Я фыркнула:

— Стэнтон Перкинс.

— Да. Джордан и Эзра ушли довольно рано, большинство ушли с ними. И хорошо, иначе мне пришлось бы сказать Эзре, чтобы он убирался оттуда. Стэнтон достаточно злобный, даже когда трезвый.

— Почему он так ненавидит Эзру?

— По тому же, что и все, полагаю. Просто сильнее, чем остальные.

В некотором смысле Эзра был настоящей знаменитостью и вызывал столько же неудовольствия, сколько и восхищения. Половина школы почитала его за то, что в этом году он стал капитаном школьной команды, а другая половина негодовала по этой же причине. Кэсу не нравилось это признавать, но до тех пор, пока не пришел Эзра, звание капитана было за ним. Эзра явно был лучшим игроком, но люди любили Кэса — вот в чем проблема. Не всегда люди хотят лучшего. Иногда вы просто хотите что-то знакомое, надежное, доступное. В Эзре Линли не было ничего доступного.

Когда Кэс заговорил снова, его голос звучал странно.

— Сорок пять тачдаунов за один сезон. Это нелепо.

— Ты думаешь, Стэнтон прав насчет него?

— Нет. Нет, конечно же нет. Просто... — Он замолчал, положив полотенце на заднее стекло напротив моего. — Иногда я не могу избавиться от мысли, что это должен быть я, понимаешь?

Я не знала, что сказать, поэтому просто выдала сочувственный звук.

— Это чертова классика, — сказал он. — Сюжет, как в гребанном кино. Харизматичный слабак и угрюмый вундеркинд, которого ему никогда не догнать, как бы он ни старался.

— Харизматичный, наверное, несколько преувеличенно.

— Заткнись. Я очень харизматичный. — Кэс в последний раз провел по стеклу. — Он, конечно, козел, но играет лучше меня. Я не могу ненавидеть его за это, верно? Все та же старая история, значит, что нужно делать?

Я пожала плечами:

— Дать ей другую концовку?

— Ты имеешь в виду типа бросить Эзру в бассейн с лазерными акулами?

— Да. Именно это я и имела в виду. — Я бросила в него полотенцем. — Или ты можешь просто... быть хорошим парнем. Быть тем, за кого болеет каждый.

— Так что, я должен тысячу раз пробежать вверх-вниз по трибуне, бросать мяч через старую крышку, а потом, когда наступит день важного чемпионата, Эзра облагается, а я всех спасу? Завоюю сердца Темпл-Стерлинга? Получу девушку?

— Да. И девушка, возможно, даже позволит тебе оставить лазерных акул.

Кэс усмехнулся.

В воскресенье после победы Темпл-Стерлинга над старшей школой Фрипорта я отвезла Фостера на тренировку с Эзрой. Я не хотела ехать, зная, что и мама, и Фостер ждут, что я останусь на все время, но я старалась увидеть в этом возможность почитать, подышать свежим воздухом и наслаждаться последними солнечными деньками затянувшегося лета.

Подойдя к пустынному школьному полю, мы увидели Эзру. Я свернула к скамейке у боковой линии, не желая заводить с ним разговор, а Фостер пошел дальше к середине поля, где стоял Эзра, держа в руке мяч.

Я открыла «Чувство и чувствительность» на том месте, где Марианна, младшая сестра главной героини Элинор, заболевает. Лучше и быть не могло. Мистер Уиллоби, обезумевший от известия о внезапной болезни Марианны, появляется в их доме и умоляет о встрече с ней. Ситуация была напряженной, драматичной и каким-то образом, несмотря на то, что прошло двести лет, по-прежнему актуальной. Это было похоже на пьяные смс-ки от бывшего парня, если бы подобное существовало двести лет назад.

Я считала мистера Уиллоби одним из самых интересных персонажей в книгах Джейн. Сначала вы думаете, что он замечательный: он появляется из ниоткуда и закручивает бурный роман с Марианной, но потом он отворачивается от нее и покидает Марианну, и вам кажется, что он действительно ужасный человек. Но потом каким-то образом, в сцене, где он появляется в их доме, отчаянно желая узнать, все ли в порядке с Марианной, его почти жалко. Вам кажется, что ему можно в чем-то посочувствовать, и вы начинаете думать, что, возможно, он не такой уж плохой и низкий, а просто обычный человек, который принял глупые решения. Он мог иметь все, чего хотел, но лишился всего из-за своего выбора. Нельзя по-настоящему ненавидеть кого-то вроде него. Его можно пожалеть, это да, но не ненавидеть.

Сцена с мистером Уиллоби была, как всегда, захватывающей, но я никак не могла сосредоточиться. Я часто отрывалась от страницы и смотрела на Фостера и Эзру. Фостер несколько раз пропустил мяч, который бросал ему Эзра, но потом, кажется, приноровился. Эзра давал советы слишком тихим голосом, чтобы я могла расслышать со своего места, но голос Фостера был громким и четким, он спрашивал, что сделал не так и как это исправить. Это странным образом располагало к себе. Фостер, кажется, действительно хотел учиться.

Через некоторое время они пришли передохнуть. Эзра выпил бутылку воды, а Фостер в своем обычном бессвязном стиле озвучил все, что они успели сделать.

— ...и Эзра сказал, что именно так он научился, что они делают то же самое! А дальше мы будем делать... что мы будем делать дальше, Эзра?

— Борьба за мяч.

Фостер поблел:

— Но... Я думал, я не буду участвовать в борьбе за мяч.

— Сбить с ног могут любого.

Фостер не ответил.

Эзра поставил свою воду и придвинулся ближе к тому месту, где сидели мы. На меня он не смотрел. Кажется, это обычное поведение для Эзры — отрицать существование любого, кто для него не важен.

— Чего ты боишься? — спросил он.

— Будет больно.

— Да, возможно, будет больно. И что?

Фостер просто моргнул.

— Ты когда-нибудь играл в настольные игры?

Фостер практически поклонился «Parker Brothers».

— Да.

— Какая твоя любимая?

Он состроил задумчивое лицо:

— «Монополия».

— Хорошо. Допустим, «Монополия» была бы контактной игрой и тебе давали бы подзатыльник каждый раз, когда проходишь «Старт». Ты будешь играть дальше?

— Зачем подзатыльник? В этом нет смысла.

— Почему нет?

— Потому что это не имеет отношения к игре. Это ничего не дает. По крайней мере в футболе... — Фостер замолчал.

Эзра кивнул:

— Ты получаешь удар ради чего-то. Если тебя собьют, но твоя команда выиграет первый даун или тачдаун, то это не зря, не так ли?

— Да.

Эзра выглядел удовлетворенным, но я знала Фостера. На его лице все еще отражалось беспокойство. Это будет нелегко.

— Но... я имею в виду, от знания того, что это не зря, не станет менее больно.

— Да, но разве тебе не будет лучше от осознания, что твоя боль помогла команде достичь результата? Смотри. Ты можешь забивать, и это здорово, но тренеры должны знать, что могут поставить тебя на поле и им не придется волноваться о том, где ты и что делаешь, собьют тебя или нет.

Это была самая длинная фраза, которую я слышала от Эзры. Я поняла, что уставилась на него, когда его глаза встретились с моими на долю секунды. Я вернулась к своей книге.

— Может, если я буду очень хорошо бить, им будет все равно? — сказал Фостер.

Эзра вздохнул:

— Давай просто закончим на сегодня, ладно? Иди возьми мяч.

Фостер побежал туда, где чуть поодаль в траве лежал мяч.

Неожиданно Эзра сорвался с места. Не успела я закричать, окликнуть или предупредить Фостера, как Эзра бросился на него и повалил на землю.

Мгновением позже с моих губ сорвался крик.

Я вскочила на ноги и побежала. Эзра поднялся с земли. Фостер все еще лежал, он выглядел немного ошеломленным.

— Да что с тобой такое? Ты мог сделать ему больно!

— И лайнмен может сделать ему больно, вот так они и делают.

— Он маленький, ты не можешь просто сделать это!

— Эй, Дев, у тебя есть «Клинекс»?

— Я пытаюсь помочь. Он должен знать, как это делается.

Фостер дернул меня за рукав.

Я посмотрела вниз. Из носа у него лилась кровь.

— Елки-палки.

Я знала, что Фостер склонен к носовым кровотечениям. Уверена, что сильный ветер или косой взгляд могли спровоцировать нос Фостера. Но я все равно сердито зыркнула на Эзру.

— Посмотри, что ты наделал.

— Он в порядке. — Эзра поставил Фостера на ноги. — Ты в порядке.

Было в его взгляде нечто такое, что делало это больше вопросом, чем утверждением.

Фостер зажал нос измазанными кровью ладонями и с умным видом кивнул.

Я схватила его за локоть и потащила через поле.

— Мы уходим.

— Ты видела это, Дев? Видела, как он меня повалил?

— Да, видела, я сидела прямо там.

— Меня повалил Эзра Линли. Когда мы вырастем и Эзра станет профессионалом, я буду смотреть телевизор со своими детьми и говорить, что вот этот парень меня повалил.

Я посмотрела на Фостера, только чтобы увидеть, как губы под его окровавленными руками сложились в широкую улыбку.

— Брось, Фостер. Он придурок, и ты не должен позволять ему так шпынять себя.

— Он не шпынял меня, он меня учил.

Когда мы подошли к машине, я дернула свою дверь и захлопнула ее за собой с такой же силой.

И только когда мы подъехали к дому, я поняла, что забыла на поле «Чувство и чувствительность». К тому времени как я высадила Фостера и вернулась обратно, книги, как и Эзры Линли, уже не было.

11

День труда⁸ — по-настоящему последний сладкий вкус уходящего лета. Последнее «прощай» перед тем, как все понедельники снова станут рабочими буднями. Я попыталась выжать максимум из выходных, следовавших за тренировкой Эзры и Фостера.

Но они закончились, и на перемене Рэйчел Вудсон загнала меня в угол в коридоре.

— Ты сердишься? — спросила она без предисловий.

— Ч-что?

— Из-за сумки для фотокамеры. Слушай, все не так плохо, как кажется. Ты просто укажешь в заявлении «помощник фотографа» или «технический администратор «Геральд». Ты, возможно, могла бы даже притянуть спортивные внеклассные занятия, типа «помощник по спортивной документалистике» или что-то вроде. Так что это не так уж плохо, видишь?

«Помощник по спортивной документалистике» звучало намного лучше, чем «девчонка с камерой».

— Я не сержусь.

— Хорошо. Ведь если бы я тебе все рассказала, ты бы не согласилась, потому что никто не соглашается, даже девятиклассники. Так что все к лучшему.

— Ох, верно.

— Но что я действительно хотела обсудить с тобой, так это твою идею о спортивной статье.

— Какую идею?

— О том, как школьный футбол стал таким расчетливым.

Насколько я помню, это была идея Рэйчел, но она не дала мне времени возразить.

— Понимаешь, я очень хочу написать об этом, но я так загружена. Я подумала, может, ты могла бы провести для меня подготовительную работу, взять несколько интервью и все такое? Я распечатаю список вопросов, а ты потом сможешь добавить это к своему резюме. Я даже укажу тебя как соавтора. — Последнюю фразу Рэйчел произнесла с таким выражением, будто предлагала мне одну из своих почек.

— О-о... ну, я думаю...

⁸ День труда — национальный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября.

— Я хочу, чтобы основной статьи стал вопрос о том, насколько будущая карьера в студенческом футболе зависит от школьной статистики игрока. Я уже отправила кучу электронных писем разным спортивным рекрутерам и руководителям программ в колледжах по всему штату, но мне нужна точка зрения ученика, поэтому я хочу, чтобы ты взяла интервью у Эзры Линли, хорошо?

— Почему...

— Ни у кого нет таких показателей, и никого так не осаждают рекрутеры. Он заткнет за пояс всю команду. Я распечатала тебе список вопросов, поскольку у меня нет твоей электронной почты. — Она сунула мне пачку бумаг, и я озадаченно взяла ее. — К слову, мне понадобятся твои контакты. Так что буду очень признательна, если ты как-нибудь сообщишь их мне.

Я открыла рот, чтобы заговорить.

— Спасибо, Девон, ты лучшая.

И она ушла.

Я пошла дальше по коридору и, завернув за угол, увидела, как из своего кабинета вышла миссис Уэнтворт с большим рекламным листом.

— О, Девон! — просияла она. — Ты-то мне и нужна.

Она продемонстрировала мне плакат. На нем большими веселыми буквами шрифта «Comic Sans» описывалась предстоящая поездка в Университет Ридинг. Под описанием было восемь строчек для имен, и на верхней уже было отпечатано мое.

— Я связалась с представителем Ридинга и все устроила, — проговорила миссис Уэнтворт, прикрепляя рекламный плакат к информационной доске, которая висела рядом с ее кабинетом. — Мы поедем в четверг и останемся там на ночь. Ты можешь спать в студенческом общежитии, сидеть на уроках, все.

— Здорово.

Я не знала, как к этому относиться. Полагаю, мне следовало быть благодарной миссис Уэнтворт за такую заботу, но все это слегка подавляло. Сейчас сентябрь, до колледжа еще миллион световых лет, и мне, по-видимому, нужно работать над статьей для газеты.

— А самое главное, что игра состоится в субботу, так что тебе даже не придется пропускать свои внеурочные занятия.

— О, круто.

И под «круто» я имела в виду «бр-р-р».

— Увидимся в среду!

И так же, как до этого Рэйчел, миссис Уэнтворт удалилась.

— Девон.

Это становилось нелепым.

— Что? — Я резко обернулась.

Позади меня стоял Эзра Линли, выглядевший немного сбитым с толку. В руках он держал мою книгу «Чувство и чувствительность».

— Ты забыла, — сказал он.

Я моргнула.

— Да, знаю. Я возвращалась за ней, но ее не было.

— Это потому, что я забрал ее для тебя.

— Я могла бы взять ее, когда вернулась, если бы ты просто оставил ее.

У меня не было никаких причин отчитывать Эзру, но я уже завелась.

— Я не знал, что ты вернешься. Я просто... пытался помочь.

Я взяла книгу, и на мгновение мы замерли.

— Спасибо, — поспешно сказала я и затолкала книгу в рюкзак.

Подняв глаза обратно, я увидела, что он пристально смотрит на меня.

— Что-нибудь еще?
— Да, эм... о том, что случилось в воскресенье...
— Ты имеешь в виду то, как ты сбил Фостера на землю?
— Да... извини.
— Почему ты просишь прощения у меня?
— Ты казалась более расстроенной, чем он.
— На самом деле он был почти в восторге, — пришлось признать мне.
Наступила пауза.

— Я просто решил... ну, он, кажется, испугался. И я просто подумал, что лучше покончить с этим, чтобы он понял, что это не так уж страшно. И внезапное нападение лучше, чем если бы ему пришлось стоять перед кем-то, ожидая этого, понимаешь?

В этом был определенный смысл. Но почему-то я пыталась цепляться за свой гнев. Ради Фостера. Верно?

Не успела я заговорить, как Эзра, нахмурившись, спросил:

— Почему у тебя лист с моим именем?

Я поняла, что все еще держу в руках вопросы от Рэйчел. «Мнение звезды Темпл-Стерлинга Эзры Линли» было написано наверху первой страницы.

Это было неловко во многих отношениях.

— Ой. Эм, Рэйчел только что дала мне это. Ты знаешь Рэйчел Вудсон?

Он только одарил меня бессмысленным взглядом.

— Она хотела, чтобы я взяла у тебя интервью о...

Первый вопрос гласил: «Будучи футболистом школьной команды, ты ценишь личную статистику больше, чем командные победы?» А следующий: «Не кажется ли тебе, что в школьном футболе фокус сместился с команды на отдельного человека?»

Боже, это было похоже на написание эссе.

— О футболе, — закончила я.

— Хорошо.

Это был не тот ответ, которого я ожидала.

— Правда?

— Да. В любое время.

— Эм... круто. Здорово.

Он утвердительно кивнул, а затем отправился дальше по коридору.

* * *

Днем после занятий к моему шкафчику подскочил Фостер с широкой улыбкой на лице.

— Угадай, куда я собираюсь?

Он уже был в своем футбольном шлеме.

— Хм-м. Дай мне три попытки.

Фостер сделал большие глаза:

— На тренировку школьной команды.

— Почему?

— Не знаю. Мистер Селлерс сказал мне в обед.

— погоди, типа, ты на самом деле будешь тренироваться?

— А чего еще мне там делать? — сказал Фостер. — Ты собираешься идти, верно?

Конечно, собираюсь и, конечно, пойду, но не раньше, чем поймаю Кэса. Я нашла его около шкафчика болтающим с парой девушек, которые ходили с нами на математику.

— Можно тебя на секунду? — не слишком вежливо прервала я их разговор.

— Да, конечно. Девушки, увидимся завтра.

Девушки ушли, и Кэс повернулся назад к своему шкафчику, чтобы вытащить спортивную сумку.

— Спасибо, — сказал он, потянув ремень. Сумка весьма плотно засела в шкафчике. — Похоже, у тебя радар или что-то вроде. Ты точно знаешь, когда меня надо спасать. Эшли без умолку болтала о том, каким лаком накрасить ногти на бал выпускников. До него же еще сто лет.

— Возможно, она готовилась пригласить тебя. — Я стала тянуть ремень сумки вместе с Кэсом, и нам удалось ее выдернуть. — Так почему Фостер будет тренироваться со школьной командой?

— Реджи говорил об этом на обеде. Я думал, это просто слухи.

— Только что подтвердилось. От самого Фостера.

Кэс закинул сумку на плечо.

— Должно быть, ошибка.

— Почему? Я имею в виду, он хорошо бьет. Может, они хотят его попробовать?

— Ни за что.

— Почему нет?

Мы пошли по коридору.

— Во-первых, сезон уже начался, и вообще, никто не попадает в школьную команду в девятом классе. Они, наверное, хотят, чтобы Уиттьер его немного потренировал, так как у него больше опыта и все такое.

Маркус Уиттьер был нынешним кикером. Поскольку мы играли не в главном дивизионе, в нашей команде было не много специализированных игроков. Маркус выполнял практически все удары, если возникала необходимость.

После того как мы с Кэсом разошлись, я устроилась на трибунах и смотрела, как Фостер вместе с остальными парнями вышел на поле, чтобы делать прыжки. Я положила на колени открытую книгу, чтобы выглядеть менее похожей на этих жутких футбольных преследовательниц и больше похожей на незаинтересованного сопровождающего одного из игроков, но продолжала следить за полем.

Это была обычная тренировка, за исключением того, что к ней подключился Фостер. Он бегал спринт. Он делал упражнения. Он вместе с Маркусом тренировался бить, пока команда отрабатывала комбинации. Может, Кэс прав. Может, они просто хотели, чтобы он получил немного дополнительной помощи.

После тренировки я ждала Фостера около раздевалки, но первым вышел Джордан Хантер.

— Чемпион! Как дела? — с готовностью улыбнулся он.

Этот голос. Своим голосом Джордан Хантер мог бы заклинать змей. Я глупо улыбнулась в его зеркальные очки, когда он встал рядом.

— Хорошо. Замечательно. А у тебя?

— Хорошо. Теперь, когда у меня есть компания, еще лучше. Проводишь меня до машины?

Наверное, я даже приняла бы приглашение проводить Джордана через Сахару.

— Конечно.

Мы пошли к стоянке.

— Что ж... это было необычно, верно? Что Фостер играл с вами, ребята.

— Нет, парень одарен. И не знаю наверняка, но весьма надежный источник сообщил мне... — Он огляделся вокруг и затем понизил голос. — Твоему парню собираются предложить присоединиться к школьной команде.

— Что?

— Только то, что я слышал.
— Но он только что присоединился к команде «С»!
— Он хорош. Быстро учится. У Уиттьера в прошлом году было растяжение, и он уже не тот. Фостер лучше.
— Но Фостер... это Фостер. А что насчет Маркуса? Что будет с ним?
— Он все равно будет пробивать панты⁹ и начальные удары. Фостер будет забивать филд-голы¹⁰ и зарабатывать дополнительные очки.
— Но почему Фостер? Я имею ввиду... даже если Маркус не может это делать, должен быть опытный кикер из младшей спортивной команды.
— Не такой, как он.
Я подумала о том, что сказала Линдси во время игры: «Школьного кикера очень трудно найти».
— Но девятиклассники не играют в команде.
— Эзра играл, в Шонесси. А мы все знаем, что Шонесси могут раздавить нашу небольшую команду.
— Да, но это Эзра. Он, наверное, и когда родился, сразу рванул спринтом из своей матери и атаковал медсестру.
Джордан засмеялся.
— Удивительно, как его не задрафтовали¹¹ прямо из яслей.

12

Я не стала говорить Фостеру, о чем рассказал Джордан, — вдруг это неправда. Но нам не пришлось долго ждать, чтобы выяснить. В среду Фостера забрали с физкультуры, и все официально подтвердилось. Тем вечером он принес домой тренировочную толстовку школьной команды, чтобы показать моим родителям.

Я думала, что у них щеки треснут от улыбок. Одна из ситуаций «будьте осторожны, иначе ваше лицо навсегда останется таким».

Фостер казался счастливым, но немного ошарашенным всем случившимся. Он просто продолжал спрашивать:

— Но мне же дадут поиграть, верно?
— Если тренер тебя поставит, — ответила я.
— Но ведь он не пригласил бы меня, если бы не собирался ставить, верно?
— В любом случае, лучше быть запасным в школьной сборной, чем звездным игроком команды «С».
— Нет, если ты не играешь. Я хочу помочь команде достичь высоких целей. Как говорит Эзра.
— Просто будь благодарен. Такое случается не часто. Наверное, никогда. Ты счастливчик.

Я мысленно побледнела, как только произнесла это. Если не считать футбола, Фостер был весьма неподходящим кандидатом в счастливчики.

Но он просто спокойно посмотрел на меня и сказал:

— Должно быть.

Без всякого намека на иронию, или сарказм, или что-нибудь еще.

9 Пант — прием в американском футболе, при котором футбольный мяч выбивается вдоль поля в сторону команды соперника с целью заставить ее начать атаку как можно дальше от очковой зоны.

10 Филд-гол — мяч, забитый во время игры (не после тачдауна) ногой. Три очка засчитываются, если мяч пролетит в створ ворот. Такой же удар после тачдауна приносит одно дополнительное очко.

11 Драфт — процедура выбора профессиональными командами игроков, не имеющих активного контракта ни с одной из команд в лиге.

Новости о переводе Фостера распространились по школе довольно быстро. Кэс пожал плечами, и я не стала дразнить его из-за того, что он ошибся насчет всего.

— Это круто, — сказал он в четверг, когда мы стояли в очереди за обедом. — Получим немного молодой крови в команду.

— Молодая кровь? Да, а вы ребята уже старички.

— Реджи почти девятнадцать.

Реджи Уилкоккс был квотербеком, приятный парень с довольно хорошей рукой, которому, к сожалению, не хватало навыков, чтобы сдать тригонометрию.

Обычно квотербек является источником жизненной силы команды, и почти всегда он капитан. Но я не думаю, что у Реджи когда-либо были мотивационные навыки, необходимые для того, чтобы быть капитаном. Он был просто невозмутимым парнем, который хорошо бросал мяч и в силу старшинства оказался квотербеком. Иногда я задавалась вопросом, повезет ли мне когда-нибудь вот так же обнаружить какой-нибудь талант у себя?

* * *

Не успела я опомниться, как наступил вечер пятницы. Я стояла у боковой линии с сумкой от фотоаппарата мистера Харпера на спине, и впервые Фостер был там со мной.

Ну, не со мной, а с командой. Вышел под огни прожекторов в красно-белых цветах Темпл-Стерлинга.

Большинство других парней затмевали его. Он выглядел маленьким даже рядом с Джорданом, который был далеко не огромным. Я наблюдала, как Джордан похлопал Фостера по спине и сказал что-то несомненно убийственно обаятельное. Я была слишком далеко, чтобы услышать, так что просто закинула на плечо сумку мистера Харпера и вытянула шею, чтобы лучше видеть.

Фостер вышел на разминку вместе с остальной командой. Они, кажется, принимали его довольно хорошо. Думаю, это потому, что Фостер был именно таким безобидным, каким выглядел; он был маленьким, он был неопытным, и он не собирался отнимать у кого-либо время на поле. За исключением, может быть, Маркуса Уиттьера, конечно, но не то чтобы его совсем отстраняли. От Кэса я достаточно слышала о динамике команды, чтобы знать, что всегда надо думать о будущем команды. Звездный старший состав — это здорово, но вы всегда должны приглядывать за следующим поколением, чтобы видеть, с чем останетесь после того, как это поколение уйдет.

После обычного перечисления стартовых составов игра началась. Рев толпы и жеребьевка. Маркус исполнил начальный удар, как и говорил Джордан, и после того, как в первой четверти Темпл-Стерлинг забил, он также вышел забивать дополнительное очко. Я решила, что тренеры не собирались сразу же натравливать Фостера на команду Хэнкока — или скорее, команду Хэнкока на Фостера.

У Хэнкока была довольно хорошая команда, и Темпл-Стерлингу не удавалось сделать второй тачдаун до конца первой половины. Эзра принял передачу и эффектно пробежал по полю, ворвавшись в очковую зону и увеличив разрыв в счете до 13:6.

А потом пришло время для дополнительных очков. Конечно, они должны были отправить Маркуса. Но тренер показал прямо на Фостера.

Фостер рысцой вышел на поле и встал на свое место. Игра началась. Маршалл Сэмфорд отбросил мяч назад. Элиот Прайс поймал его и поставил вертикально на землю, и Фостер, разбежавшись, ударил. Мяч взлетел в воздух, пролетел по изящной дуге и приземлился прямо между стойками ворот.

Толпа разразилась криками и аплодисментами, и я поняла, что все это время стояла, затаив дыхание.

Этим вечером команда заработала еще три дополнительных очка. Два из них реализовал Маркус, а Фостеру достался последний, и он пробил его. Он официально стал хитом.

— Фантастика! — Мой папа хлопнул Фостера по спине на стоянке. — Ты был невероятен. Действительно показал им, на что способен.

Фостер смотрел мимо моих родителей.

— Можно я пойду на вечеринку вместе с Дев?

Не поймите меня неправильно, я была рада за Фостера. Но это последнее, что я хотела услышать. Нет, ладно, предпоследнее. Последнее, что я хотела услышать, как родители говорят «да».

— Это нечестно, — сказала я после того, как мама огласила приговор.

— Послушай. — Мама понизила голос, пока папа пытался поговорить с Фостером об игре. — Это много значит для Фостера. Только в этот раз, пожалуйста, возьми его и не спускай с него глаз.

— Если бы я попросила отпустить меня на одну из этих вечеринок, когда училась в девятом классе, ты бы сказала, что это не обсуждается.

— У тебя не было старшего брата, который бы заботился о тебе.

— Я не его сестра.

— Девон. — Мамин голос стал ледяным. — Ты ведешь себя неразумно.

Она была права, и я прекрасно знала это, так что просто нахмурилась и ответила:

— Ладно.

И не разговаривала с Фостером всю дорогу до дома Фрэнка Ферриса, потому что легче было сорвать злость на нем, чем на родителях.

— Ты даже не заметишь, что я здесь, Дев, — сказал Фостер, прежде чем мы вышли из машины. — Обещаю, что не попаду в передрягу.

Я поморщилась и ответила:

— Уверена, что все будет в порядке.

— Знаешь, это не первая моя вечеринка. Я постоянно ходил на такие.

— Правда? — Мы шли по дорожке к дому Фрэнка. Судя по машинам на улице и силуэтам в окнах, там было полно народа.

— Ну... они были немного не такими. Но все же. — Мы протиснулись во входную дверь, и перед нами оказалось море людей. Фостер улыбнулся. — Увидимся позже.

— Я должна присматривать за... — начала я, но он смешался с толпой развлекающихся и исчез.

Это была не самая клевая вечеринка. Я не могла найти Кэса целых двадцать минут или около того, а когда наконец увидела его, он сидел на веранде с Линдси Реншоу, слишком уютно устроившись на плетеном диванчике.

— Эй, Девон! — помахала мне Линдси. — Вот это игра, да?

— Да, было классно.

— Садись с нами, — сказал Кэс, но не подвинулся, потому что, очевидно, двигаться было некуда.

Ближайшее свободное место было на полпути через комнату.

— Все нормально. Мне все равно нужно найти Фостера.

— О Боже мой! Твой кузен! — Лицо Линдси просветлело. — Он такой милый, Девон, и очень талантливый! Мой папа тоже так считает. По его словам, удар Фостера был невероятным для такого молодого парня.

— Потрясающе... Я, эм, расскажу ему.

— Мы будем на танцполе, — сказал Кэс. — Приходите.

Во-первых, здесь не было танцпола, только расчищенное пространство посреди гостиной. Во-вторых, способности к танцам у меня примерно такие же, как к спорту. В-третьих, у меня не было никакого желания смотреть, как Кэс и Линдси трутся друг о друга под дрянные попсовые песни.

— Спасибо, но, думаю, я пойду поболтаю кое с кем.

Современная версия быстрого побега.

Обойдя первый этаж, обменявшись несколькими приветствиями и поболтав со знакомыми, я осталась одна. История моей жизни. Глава вторая. О том, что никого не красит неловкое топтание на вечеринке.

Я топталась в прихожей, когда заметила поблизости Эзру Линли. Он стоял с группой старшеклассников, которые отчаянно пытались вовлечь его в разговор, но он выглядел не расположенным к беседе. На самом деле при ближайшем рассмотрении оказалось, что он тоже не знает, чем заняться. Прошло несколько минут, прежде чем я поняла, что он сдвигается все ближе и ближе ко мне.

— Привет, — сказала я наконец, когда он оказался слишком близко, чтобы его игнорировать. — Как дела?

Я не разговаривала с Эзрой с того дня, как он вернул мне книгу. Нельзя сказать, что интервью для Рэйчел стояло первым в списке моих дел. Но раз он был готов отвечать на вопросы в коридоре, то я решила, что, возможно, согласится сделать это и на вечеринке.

Эта мысль вылетела у меня из головы, когда Эзра повернулся и посмотрел на меня, как будто не знал, кто я такая. Я уже готова была закатить глаза, когда он ответил:

— Неплохо. А у тебя?

Ответ. Не слишком распространенный, но по крайней мере вежливый.

— Хорошо. Не видел Фостера?

Я подумывала уйти домой.

— Нет. Я даже не знал, что он здесь.

— Да. Он сказал, что будет незаметным.

К шуму в гостиной добавилось больше басов, так как звуковую систему врубили по полной. «Танцпол» затопило волной людей.

— На самом деле я это не люблю, — сказал Эзра после небольшой паузы.

— Не любишь?

— Нет.

Молчание.

— Напоминает танцы в средней школе, — сказал я. — Знаешь, когда завуч ходит с линейкой, проверяя, чтобы было «место для Святого Духа»?

— Я никогда не ходил на них.

Море танцоров немного расступилось, и я увидела посреди комнаты Кэса с Линдси. Они кружились в такт музыке. И между ними не было места для Святого Духа.

Тупая боль резанула по животу. Не поймите меня неправильно. Кэс встречался с девушками и раньше, но, как бы ужасно это ни звучало, меня всегда утешал тот факт, что эти отношения длились недолго.

Но ведь это Линдси Рэншоу. Линдси Рэншоу не относилась к тем девушкам, с которыми встречаешься две недели, а потом становится скучно.

Я знала, что наступит день, когда Кэс влюбится, и тогда все закончится, а мне останется только плакать. Кто-то другой станет по субботам вытирать насухо его машину, и у меня станет на одного лучшего друга меньше.

Я и не заметила, что Эзра внимательно смотрит на меня.

— А ты... вообще... танцуешь?..

— Извини, — выговорила я и улизнула.

Я прошла через комнату, взяла чашку, поставила, два раза обошла диван, а затем как можно быстрее помчалась в ванную.

Холодная вода. Маленькое затишье. Плеснув на лицо водой из-под крана, я на мгновение склонилась над раковиной, позволяя капелькам катиться по щекам и падать вниз.

— Ты пьяна? — раздался голос.

Похоже, затишье оказалось недолгим.

Я резко обернулась и отдернула занавеску. В пустой ванне сидел полностью одетый Фостер.

— Какого черта ты здесь делаешь?

Он аккуратно удерживал на голове резиновую утку.

— Просто сижу, — произнес он, не двигаясь.

Это была одна из тех чудинок. Чудинок Фостера. Как смузи рано утром и тому подобное. Я зажмурилась изо всех сил.

— Почему у тебя мокрое лицо? — спросил он.

Я схватила полотенце.

— Ты плачешь из-за Кэса? Я его ударю.

Я не плакала.

— Никто никого не будет бить.

— Я уверен, что где-то кто-то кого-то бьет. Например, в тюрьме, или в баре, или на войне, или еще где.

— Фостер. — Я устала от этого. — Вылезай из ванны.

— До этого тут были девушка и парень. Они болтали о презервативах и прочем.

Это было чересчур. Я отвернулась к раковине, швырнув полотенце обратно на держатель.

— Фостер, ты не должен сидеть здесь. Нельзя так подслушивать чужие разговоры.

— Они ж не все время болтали. Думаю, они занимались кое-чем другим.

— Ты должен научиться не совать свой нос в чужие дела и держать рот на замке. Люди обычно не говорят о таком.

В зеркале я видела выражение лица Фостера, и оно совсем не изменилось. А резиновая утка не сдвинулась ни на миллиметр.

— Я говорю.

— А нормальные люди — нет.

— Я просто честный.

— Так не будь, Фостер. Не будь честным. Будь нормальным.

Он и резиновая утка непоколебимо смотрели на меня.

— Ты пьяна?

Я вышла, хлопнув дверью.

Утром по субботам мама возила Фостера к психотерапевту. Обычно эти занятия длились час, но утром после игры с Хэнкоком они задержались. Я задумалась, не появились ли у Фостера дополнительные темы для обсуждения. Какова вероятность того, что он войдет в дверь с опухшими глазами и карманами, полными бумажных

салфеток? Может, он рассказывал психологу, как гадко я повела себя вчера вечером. Может, у него случился прорыв или что-то подобное.

Это слово — прорыв — вызвало в воображении образы стены страданий, крепости переживаний, сносимых бульдозером. Было ли это похоже? Была ли вообще у Фостера стена, чтобы снести ее? Он не казался подавленным или страдающим. Никакого подавленного гнева. Никакого крика. Что они там вообще обсуждают?

До этого лета, я видела Фостера пять лет назад, на похоронах дяди. Дядя Чарли и мой папа родились с разницей в десять лет, папа был старше, и мы не часто виделись с тех пор, как Чарли с Элизабет переехали в Калифорнию незадолго до рождения Фостера. Они пару раз приезжали на Рождество, когда я была ребенком — я смутно помню маленького Фостера, — но потом перестали. Дядя Чарли был слишком болен, чтобы путешествовать, и мне кажется, они были слишком бедны, чтобы позволить себе билеты. Папа летал туда, чтобы побыть с ним перед смертью, а мы с мамой приехали на похороны.

Фостеру было девять, а мне двенадцать. Мы были единственными детьми там. Единственной семьей Элизабет была ее мама, бабушка Фостера, которая, как мне сказали потом, умерла через пару лет.

Я была достаточно взрослой, чтобы понимать, что это действительно мрачное событие; мой папа потерял брата, единственного родного брата. Но я не знала о дяде столько же, чтобы прочувствовать это лично. Они жили так далеко и приезжали так редко, что я помнила его только таким, каким увидела в гробу.

Я не знала, каким человеком была Элизабет до того, как умер ее муж. Смутно помню ее по тем давним рождественским приездам: длинные светлые волосы и водянистые глаза. Это единственное, что отложилось в моей памяти — счастливая или грустная, она всегда выглядела так, будто вот-вот заплачет.

Мы вернулись в Калифорнию через пять лет после смерти дяди Чарли, и Элизабет смотрела на нас теми же глазами, только теперь они были пустыми. Она обняла папу, маму, а потом меня, но ее объятьям не хватало тепла. Руки были хрупкими, а глаза запавшими.

Мои родители никогда не говорили напрямую: «Элизабет наркоманка». Это всегда были «проблемы Элизабет» или «зависимость Элизабет». Но я была достаточно взрослой, чтобы понимать, что Элизабет не просто пристрастилась к фенолам.

— Фостер, иди поздоровайся! — крикнула она вглубь дома.

И Фостер вышел — выше, тоньше и бледнее, чем на похоронах дяди Чарли. Я подумала, что это результат взросления — ушла детская розовощекость. Но было кое-что еще. Его глаза были похожи на глаза Элизабет. Они не были такими пустыми, как у нее, но в них присутствовала некоторая отстраненность, которой я не помнила.

И теперь, сегодня, утром после игры с Хэнкоком, в дверях появилась новая из постоянно меняющихся версий Фостера. Стало понятно, почему они с мамой задержались.

Фостера подстригли. Больше не было всклооченных волос, их место заняла очень приличная, на удивление стильная короткая стрижка.

— Дев, тебе нравится?

Он плюхнулся на диван рядом со мной.

— Ты выглядишь... по-другому, — сказала я, имея в виду «хорошо». Выше шеи Фостер выглядел... ну, он выглядел как девятиклассник.

— Почему ты решил подстричься?

Он пожал плечами.

— Он сказал, что пришло время для нового образа, — сказала мне мама на кухне, когда Фостер ушел в свою комнату. — Образа игрока школьной команды.

* * *

В школе образ игрока школьной команды имел успех. На перемене Джордан потер макушку Фостера со словами:

— Мне нравится, чувак. Нам надо тереть твою голову на удачу.

И тут Фостер ухмыльнулся:

— Я думал про дреды, но это вроде как твоя фишка.

Джордан засмеялся. Девушки рядом с ним (потому что рядом с Джорданом всегда были девушки) тоже засмеялись.

Новый образ даже был отмечен на уроке физкультуры во вторник. Мы начали с новых футбольных упражнений и привычной команды мистера Селлерса «Разбились по парам!» Я решила, что Фостер пойдет к Эзре, а я, как обычно, останусь с какой-нибудь девицей.

Но не сегодня. Сегодня одна особенно предприимчивая девица схватила Эзру за рукав, не успел он сдвинуться и на дюйм, и сказала:

— Пара! Ты моя пара!

— Глянь на это, — сказала я Фостеру. — Они явно мобилизовались против тебя.

Фостер усмехнулся. И тут раздался этот кашель. Милое тихое «кхм». Мы с Фостером повернулись. Там стояла Грейси Хольтцер со своими безупречными волосами, подвязанной футболкой и бескомпромиссно идеально подведенными глазами.

— Фостер, хочешь будем парой? — спросила она.

Я взглянула на группу девиц и мальчишек, собравшихся неподалеку. Девицы выглядели пораженными, а парни сердитыми. Это не шутка. Королева пчел действовала без одобрения своего улья.

— Сегодня моей парой будет Дев, — сказал Фостер.

На лице Грейси смешалось потрясение (от того, что ей отказали) и благоговение (от того, что ей отказали). Я ожидала, что это выражение превратится в сердитую или неприязненную гримасу, но Грейси только выпятила губку и сказала:

— Ладно. Но в следующий раз, хорошо?

— Конечно.

— Ты мог бы пойти с ней, — сказала я, когда Грейси удалилась.

Он пожал плечами:

— Не мой типаж.

— У тебя есть типаж?

— Конечно. А у тебя нет?

— Полагаю, есть.

На самом деле я не задумывалась об этом раньше. Я встречалась только с одним мальчиком, в восьмом классе. Не думаю, что в восьмом классе личные качества, мозги или тело мальчиков развиваются достаточно, чтобы можно было как-то классифицировать их по «типажам». И честно говоря, я не считала, что личные качества, мозги или тело Фостера были развиты достаточно, чтобы иметь типаж.

— И какой типаж твой? — спросила я, пока Фостер доставал футбольный мяч из сетки мистера Селлерса.

Фостер посмотрел на девиц и после некоторых раздумий произнес:

— Наверное, не такой.

— Хорошо сказано, — усмехнулась я.

* * *

В тот день я встретила с Эзрой после тренировки. Рэйчел взяла за правило как минимум дважды в день закидывать мою входящую почту уточнениями и вопросами о статье. Я решила, что чем скорее предоставлю ей полезную информацию, тем быстрее она от меня отстанет.

Фостер болтался по полю, а мы с Эзрой сидели на трибунах. Я подумала, что интервью пройдет спокойнее, если Фостер не будет мельтешить рядом, спрашивая, что Эзра ел утром на завтрак или — еще хуже — задавая неудобные вопросы в стиле Фостера, например, сколько раз в день Эзра ходит в уборную или когда он последний раз целовался.

Я смотрела, как Эзра стягивает свою толстовку и щитки, и на мгновение зависла на последней мысли. Под толстовкой на нем была белая футболка, которая прилипла к телу, волосы были мокрыми от пота.

— Итак. — Когда я заговорила, мой голос прозвучал громко и совсем не похоже. Эзра сел и начал складывать свою экипировку в спортивную сумку. — Эм... сколько колледжей тебя приглашают?

Это не был вопрос от Рэйчел, но я не собиралась начинать со сбивающего с ног журналистского удара.

— Четыре.

— И все?

— А что, четырех недостаточно?

— Нет, просто все говорят, что двадцать или около того.

— Я их сократил.

— То есть сначала было двадцать?

Он пожал плечами.

— И какой ты выберешь?

— Тот, чья форма будет хорошо на мне смотреться.

Выражение его лица не изменилось. Но это же была шутка? Это должна быть шутка.

— Ха. Значит, ты поэтому перешел в Темпл-Стерлинг?

— Не совсем, — сказал он, но не продолжил.

Я не знала, что на это сказать. Я могла думать только о том, что рассказал мне Кэс, и о вопросах Рэйчел о футболе и махинациях. О переключении с команды на одного человека.

— Я знаю, что говорят, — сказал Эзра через мгновение. — Недостаточно хорошо играть. Обязательно должно быть что-то... вроде тайного плана.

— Так дело не в этом?

Его глаза потемнели.

— Нет, не в этом.

— Тогда почему ты перешел сюда?

— Это никого не касается.

— Но если это не какие-то... планы... почему ты не можешь сказать?

— Я могу, просто не хочу.

Вот блин.

— Ладно.

Повисло молчание.

— Извини. — Эзра скривился. — Я не... Полагаю, у меня не слишком хорошо получается говорить о себе. Или вообще... говорить...

На это я тоже не знала, что сказать, так что просто издала согласный звук и перевела взгляд на поле. Фостер рассеянно пинал мяч, стараясь выбить его с рук и

поймать. Сейчас он подался назад, чтобы поймать сорвавшийся мяч, и тот ударил его по голове.

На секунду я подумала о том, какой он еще маленький, и даже больше, как по-детски он себя ведет.

— Я все еще не могу поверить, что он так продвинулся, — не думая, сказала я, и, к моему удивлению, Эзра понял мое нелогичное высказывание.

— Он хорош.

— Я знаю, что он хорошо справился с первой игрой, но я все равно боюсь, что кто-нибудь собьет его на поле.

— Я буду приглядывать за ним.

Я взглянула на Эзру:

— Ты будешь занят тачдаунами.

— Да, но это не значит, что я не смогу присматривать за ним. И Джордан лучший защитник в команде, и один из немногих, кто способен меня терпеть, так что он тоже прикроет Фостера.

Мне стало неловко.

— Люди могут тебя терпеть.

— По общему мнению, я гигантская задница.

Я вспыхнула.

— Ну... ты добр к Фостеру.

Он не ответил.

Я подумала о том, что сказал Фостер про себя с Эзрой: «У нас секрет».

— Почему ты добр к Фостеру?

— Это часть интервью?

Я покраснела.

— Нет... Думаю, у меня есть все, что нужно Рэйчел, — сказала я излишним энтузиазмом и встала. — Спасибо.

— Ты почти ничего не спросила. Я не хотел... В смысле, я не против ответить на вопросы. Я постараюсь ответить как можно подробнее.

Я посмотрела на листок Рэйчел.

— Да, ну, в основном... Я хочу сказать, что эти вопросы какие-то дурацкие, не буду врать.

— Например?

Я прочитала ему седьмой: про этичность накручивания показателей.

— Накручивание показателей?

— Да. Как наживка для рыбы, только для твоего спортивного будущего.

Эзра слабо улыбнулся, слегка приподняв уголки губ.

— Может, я просто пришлю их тебе или еще что, и ты ответишь на них письменно? Не нужно будет говорить.

Он кивнул:

— Да, хорошо.

— Здорово. Ну... увидимся.

С этими словами я начала спускаться на поле за Фостером.

Когда на следующий день я пришла забирать Фостера с тренировки, то обнаружила его на крыльце школы ни с кем иным, как с Марабель Финч.

— Привет. — Он просунул голову в окно. — Мы можем подвезти Марабель?

Нет, как будто я откажусь подвезти беременную девушку.

— Конечно.

— Отлично, — просиял он, потом вернулся к Марабель и помог ей встать.

— Так где ты живешь? — спросила я, когда Марабель пристегнулась сзади, а Фостер занял свое место на пассажирском сиденье.

— Ой, я еду не домой. Я кое-где помогаю.

Я следовала указаниям Марабель. «Кое-где» оказалось нежно-розовым зданием с огромной сверкающей вывеской, которая гласила: «Школа мисс Виктории для маленьких красавиц».

— Ты уверена, что это нужное место? — вырвалось у меня, прежде чем я успела остановиться.

— Конечно.

Марабель уже снимала ремень безопасности.

— Тогда... хорошего дня, — сказала я.

— О, пожалуйста, пойдем, — сказала Марабель. — Девочки любят гостей.

— Эм... — Я посмотрела на Фостера, который с готовностью кивнул. — Ладно. Идем.

Марабель пошла к зданию со всей скоростью, на которую была способна, а мы с Фостером немного задержались после того, как припарковали машину, и посмотрели на гигантскую вывеску. На ней была изображена блестящая корона, скипетр и пара балетных пуантов.

— Маленькие красавицы?

Фостер пожал плечами и пошел следом за Марабель.

Создавалось впечатление, что кто-то залил розовым весь интерьер «Школы мисс Виктории для маленьких красавиц» и саму мисс Викторию, которая сжала мою ладонь обеими руками и улыбнулась ярко-розовыми губами, показав неестественно сверкающие белые зубы. Ей было где-то за пятьдесят, и у нее были густые обесцвеченные волосы, убранные в прическу.

— Я мисс Виктория, но вы можете называть меня мисс Вики, — восторженно выдала она и повернулась к Фостеру. — А тебя как зовут, красавчик?

— Фостер.

— Фостер, какое интересное имя.

— Это девичья фамилия моей мамы, — ответил он, и я уставилась на него. Это первый раз за все время, когда он упомянул о ней.

— Что ж, проходите, добро пожаловать в школу для маленьких красавиц.

Мисс Вики повела нас по небольшому коридору, который выходил в большую (розовую) танцевальную студию.

— Так это вроде балетной школы? — спросила я.

— О, милочка, нет. — Мисс Вики говорила со старинным южным акцентом.

Марабель вошла в студию, по-видимому, из раздевалки, следом за ней шли шесть или семь девочек. На всех были розовые пачки, но они не занимались балетом. Они вышагивали за Марабель и виляли бедрами. Марабель покачивала бедрами вместе с ними, получился жутковатый «паровозик» с подиумной походкой.

— Это школа красоты. Эти девочки участвуют в конкурсах красоты по всей стране. Видите, там Тиффани? Тиффани, помаши нам.

Тиффани выглядела как китайская кукла, которая была у меня в детстве. Каштановые кудряшки и идеальное миниатюрное личико. Она помахала нам рукой и улыбнулась, показав отсутствующие передние зубы.

— В прошлом месяце Тиффани завоевала титул самой главной красавицы южных штатов. Она наша лучшая ученица.

— Какая миленькая, — сказала я и почувствовала себя так, будто похвалила кресло.

— Она еще красивее, когда надевает свою коронку. Но Тиффани ненавидит коронку, да, мармеладка?

— Что такое коронка? — прошептала я Фостеру, как будто он знал ответ.

Но он удивил меня.

— Это искусственные зубы, которые их заставляют носить.

— Откуда ты знаешь?

— Мне сказала Марабель.

Мисс Вики нас услышала.

— О, Марабель была лучшей-прелучшей ученицей нашей школы. Она три раза выигрывала титул первой гранд-красавицы в «Прекрасных лицах». Я была так рада, когда она вернулась работать с нашими девочками. — Она понизила голос. — Некоторые родители сомневались в том, какой пример она может подать в ее положении, но я сказала, что ни за что не прогону свою лучшую ученицу. И эти маленькие девочки не знают, откуда берутся дети, так что какое это имеет значение?

— Хорошо. — Марабель хлопнула в ладоши. — Давайте посмотрим нашу походку в купальниках.

Мы сели и просмотрели весь урок от походки в купальниках до постановочных танцев. Должна признать, что все это привело меня в замешательство. Однако Фостер, кажется, даже не замечал, что происходит. Он не сводил глаз с Марабель. И мне показалось, что я заметила, как она пару раз улыбнулась ему.

Это было особенно странно.

— Спасибо, что пришли.

После того как пятилетние девочки закончили, Марабель проводила нас к выходу.

— Тебя подвезти домой?

— О нет, скоро будет еще один урок.

Я ждала, что Фостер что-нибудь скажет, но он просто пялился на шоссе.

— Ну... спасибо, что пригласила нас, — сказала я. — Это было очень... интересно.

Марабель взглянула на Фостера.

— Увидимся в школе, — сказала она после паузы и вернулась в здание.

Я пихнула Фостера. Не смогла удержаться.

— За что? — пожаловался он.

— Почему ты ничего не сказал? Она ждала, что ты что-нибудь скажешь!

— Я не знал, что сказать.

— Фостер, ты каждую минуту что-нибудь говоришь.

— Я запаниковал.

Я снова поняла, насколько мало знаю о Фостере.

— У тебя когда-нибудь была девушка?

— Конечно.

Я пристально смотрела на него, пока мы шли к машине.

— Правда?

— Ага. Мы целовались и все прочее.

— Врун.

— Это правда! У тебя когда-нибудь был парень?

— Конечно.

В восьмом классе моим парнем был Кайл Моррис. Будущий цимбалист школьного оркестра.

— И вы целовались и все прочее?

— Фостер.

Он пристально посмотрел на меня.

— Ты еще девственница?

— Да! — проскрипела я. — И не говори мне, что ты нет, или я сейчас же съеду с дороги.

Фостер только рассмеялся.

* * *

Тем же вечером я отправила Эзру вопросы Рэйчел. Я начала сообщение фразой: «Привет!» — но потом подумала, что восклицательный знак кажется слишком восторженным. Поэтому я написала просто «Привет», но решила, что это как-то угрюмо. Так что потом я написала «Дорогой Эзра» и стерла, закрыла ноутбук, крепко зажмурилась и задалась вопросом, с каких пор и почему для меня такое значение имеет, как я поприветствую Эзру?

Потом я снова открыла ноутбук, написала: «Эзра, вот вопросы Рэйчел. Присылай обратно в любое время. Девон» — и отправила. Но забыла прикрепить вопросы.

Не прошло и пяти минут после того, как я все-таки сумела отправить вопросы, как раздался звуковой сигнал о том, что пришел ответ.

Эзра поменял тему на «Кажется, Рэйчел Вудсон меня ненавидит». Я улыбнулась. Само сообщение гласило только: «Скоро пришлю обратно».

Прошло не так уж много времени, я сидела в кровати и корпела над вычислениями, когда раздался еще один сигнал.

Я едва могла поверить глазам, прокручивая полученное сообщение. Эзра ответил на все дурацкие вопросы Рэйчел. И не просто ответил, а серьезно и вдумчиво, с доводами человека, который знает, о чем говорит.

Закончив читать, я откинулась на подушки. Эзра был бесспорно лучшим футболистом в нашей школе. То, что он вошел в сборную лучших игроков Америки, свидетельствовало о том, что он был одним из лучших школьных футболистов во всей стране. Каково это — иметь перед собой такой четко обозначенный путь? Иметь талант и увлеченность, которые определяют твоё будущее? Это казалось таким чудным и необычным, и все-таки заставляло меня чувствовать себя странно... потерянной.

Эзра не спрашивал колледжи, можно ли ему поступить в них, — колледжи просили его. А что я? Никто не стучался в мою дверь. А почему?

Безусловно, я не назвала бы себя ленивой. Я всегда делала то, чего от меня ожидали. Заполняла все строчки в анкетах. Приходила вовремя. Присутствовала на всех уроках. Но я не была... ну, я не была Эзрой. У меня не было такого таланта. И у меня не было такого трудолюбия, которое бы его заменило. Думаю, у Эзры было и то, и другое.

Я написала ему ответ. Просто быстрое «спасибо» и смайлик. И Эзра ответил: «Без проблем», за которым следовал аналогичный смайлик. Я едва не рассмеялась, подумав, что ему надо было использовать одну из рожиц с косой чертой вместо рта, чтобы он был похож на себя настоящего. Потом я вспомнила про домашнюю работу, поклялась приложить дополнительные усилия и устала обратно в тетрадь.

— Ты разговаривала с ним?

На следующий день Рэйчел Вудсон пронеслась мимо меня в коридоре, когда я шла на урок американской истории, только слегка замедлившись, чтобы дать понять, что мне нужно пойти с ней.

— Что, прости?

Она что-то яростно печатала на телефоне.

— С Эзрой. Ты провела интервью с Эзрой?

Провела интервью. В устах Рэйчел эта затея звучала гораздо внушительнее, чем на самом деле.

— Вообще-то, да...

— Почему ты еще не отправила мне запись?

— Ух, он прислал мне некоторые... подробные размышления по некоторым... ключевым вопросам. Мне только нужно скомпоновать их в интервью.

Теперь у меня получилось гораздо внушительнее, чем на самом деле.

— Ладно.

Думаю, это считалось у Рэйчел удовлетворением.

Я решила воспользоваться возможностью.

— Рэйчел?

— Да.

Она и правда набросилась на этот телефон.

— Ты не... я хочу спросить, не могла бы ты помочь мне кое с чем для колледжа? Ну, знаешь, посмотреть мое заявление и, может, дать мне пару рекомендаций?

На секунду она действительно подняла на меня глаза.

— У меня сейчас очень плотный график.

Преуменьшение года.

— Я знаю. Просто... ну, очевидно, что ты в этом лучшая, и я просто подумала, что если кто и может мне помочь, то это ты.

Я не знала, есть ли у Рэйчел иммунитет к лестии, но собиралась выяснить.

— Во сколько колледжей ты планируешь послать заявления?

— Ну, сейчас только в один.

Судя по выражению лица Рэйчел, это были самые печальные слова, которые она когда-либо слышала.

— В смысле, я добавлю еще несколько, — быстро сказала я. — Но этот... он хороший, Университет Ридинг.

— Ты хочешь попасть туда?

— Ну... да?

Она вскинула бровь.

— Да, — сказала я более утвердительно, но мало чем могла подкрепить свои слова.

Я получила по почте открытку из Ридинга, и мне понравилась картинка. Старое здание с белым сайдингом и черными ставнями, с верандой вдоль всего фасада. На ступеньках веранды сидели несколько студентов и улыбались друг другу принужденно-непринужденным образом. «Отдел по делам студентов» — было написано маленькими буквами под фотографией.

На оборотной стороне перечислялись небольшие размеры аудиторий, исторически сложившаяся своеобразность и программа образования за рубежом. «Добейтесь своих целей, — говорилось там. — Начните свое будущее».

Обычно подобные лозунги заставляют меня закатить глаза. Это было похоже на того самодовольного льва на стене кабинета миссис Уэнтворт. Будьте лучше, чем вы есть сейчас.

Но что-то в этой открытке меня зацепило. Я не могла бы сказать Рэйчел, что именно и почему, потому что едва ли понимала сама.

На мгновение Рэйчел перестала печатать, или проверять индекс Доу-Джонса, или писать письмо Государственному секретарю, или что там еще она делала на своем телефоне. Может быть, она поняла. А может, просто сжалась надо мной.

— Отправь мне свое резюме и приходи в редакцию к трем, — сказала она. — У меня есть пятнадцать минут между встречами.

* * *

Что такого может сделать Рэйчел Вудсон за пятнадцать минут? Скоро узнаю.

— Твое резюме ужасно, — начала она.

— Да. Хорошо. Конструктивная критика. Давай.

— Ты же знаешь, что смысл резюме — создать о себе хорошее впечатление? Где твои особые умения? Где твои награды?

В четвертом классе я выиграла конкурс сочинений. Мое эссе на тему «Заплати другому»¹² принесло мне подарочную карту на сто долларов в «Таргет». Проигноировав великолепную возможность и в самом деле сделать добро кому-то другому, я купила велосипед с розовыми и фиолетовыми ленточками на руле.

Я не стала рассказывать Рэйчел этот забавный случай. Что-то подсказало мне, что она не сочтет забавной победу в конкурсе в четвертом классе. Хотя велик был действительно отпадный.

Через плечо Рэйчел я наблюдала, как она внимательно изучает мое резюме. К концу приблизительно седьмой минуты (я и правда думаю, что она их засекала) она зарылась в мою образовательную карьеру глубже, чем я сама когда-либо, допросила меня по каждому внеурочному занятию и порекомендовала два справочника по АСТ¹³, чтобы я могла пересдать тест, потому что я «безусловно» захочу повысить балл за естественные науки.

— Ты нигде не помогаешь, — сказала она. — Тебе нужно волонтерство.

— Например... где?

Внезапно я вспомнила про Линдси, которая строила дома со своей приходской группой. Она бы знала где.

— В общественном центре. В больнице. В библиотеке, в хосписе, в общественной организации. Не важно где. Найди ребенка и читай ему книжку.

Должно быть, Рэйчел заметила тихую панику, отразившуюся у меня на лице, потому что внезапно захлопнула ноутбук.

— Какой у тебя был самый лучший предмет?

12 «Заплати другому» («Pay It Forward») — книга американской писательницы Кэтрин Райн Хайд, по которой снят одноименный фильм. Новый учитель обществоведения дает классу задание — придумать, как сделать мир лучше. Среди прочих звучит идея разместить в интернете сайт на китайском языке с предложением всем китайцам одновременно подпрыгнуть, чтобы сместить земную ось. Принципиально иной подход к выполнению задания у двенадцатилетнего Тревоора Маккинни. Его идея сводится к бескорыстной помощи трем незнакомым людям, каждый из которых, в свою очередь, также поможет трем незнакомцам («передать добро дальше»). Теоретически число добрых дел должно возрастать в геометрической прогрессии. В фильме Тревоор пытается реализовать свою идею на практике, но трагически погибает. А вот идея выжила, больше того, зацепила многих, и не только в кино, породив реальное движение — Фонд «Pay It Forward».

13 АСТ (American College Testing) — стандартизированный тест для поступления в колледжи и университеты США. А также при переводе из одного в другой. Состоит из четырех тестов: английский, чтение, математика и научное рассуждение. Все колледжи и университеты с четырьмя годами обучения принимают результаты АСТ, но некоторые из них также могут востребовать дополнительные сведения об успеваемости. Сдается от 4 до 6 раз в год (в зависимости от штата).

— Английский в девятом.
— Значит, с тех пор все пошло в гору.
Я бы улыбнулась, если бы мое будущее образование не висело на волоске.
— Кто у тебя был? Чемберс? Маккензи?
— Чемберс.
— Спроси, можно ли тебе стать ее ассистентом.
— Ассистентом?
— Помощницей учителя.
Она не добавила «Господи, Девон», но явно подразумевала.
— Я знаю, что значит ассистент, просто... разве это не в колледжах?
— Всем нужно помогать копировать и шивать распечатки. Иди. Скажи, что это я тебя послала.
Я едва не спросила, работает ли это, как будто Рэйчел обладала каким-то авторитетом, который действовал на учителей, как на охранников ночного клуба. Но потом я поняла, что если кто и может провести меня за бархатный канат к хорошему отношению учителя, то это Рэйчел.
— Ясно. Здорово. Спасибо тебе.
— Угу. Поблагодаришь, когда выпустишься.
— Точно. Поставлю напоминание на конец мая.
— Из Ридинга. Поблагодаришь, когда выступишься из Ридинга.
— Ты забавная.
— Я никогда не шучу. — Она посмотрела на меня. — На самом деле ты справишься. Я видела тебя. Ты умеешь говорить с людьми. Есть в тебе что-то, что нравится людям. Ты можешь извлечь из этого выгоду, если действительно постараться.
— Я... стараюсь. Просто ты, например, стараешься как двадцать человек.
Рэйчел улыбнулась.
— Об этом я и говорю. Используй это. И не принимай как должное. Не каждому... не каждому это легко дается.
Не знаю, имела ли в виду Рэйчел себя. Она не дала мне шанса поинтересоваться.
— У меня встреча, — сказала она, и это значило, что наша встреча закончена.

Рэйчел оказалась права. На следующий день я пошла к миссис Чемберс и с легкостью обеспечила себе должность ассистента учителя. Она бросила мне пачку раздаточного материала и показала в сторону копировального аппарата.

Также она пригласила меня сидеть на практических занятиях по английскому у девятиклассников, которые как раз проходили во время моей самоподготовки, и установила мне «часы приема», когда девятиклассники могли подойти ко мне с вопросами или с просьбой просмотреть их работы.

— Грамматика, синтаксис, и, пожалуйста, если заметишь что-нибудь явно скопированное, дай мне знать. Бывают люди, которые даже не удосуживаются сменить шрифт.

— Если я увижу шрифт Comic Sans, то скажу вам.

Миссис Чамберс улыбнулась, и я испытала необычное чувство какого-то товарищества с одной из своих учителей.

Мои первые «приемные часы» оказались не особенно захватывающими. Мне не довелось поймать плагиатора. Мне вообще не довелось ничего сделать, потому что на самом деле никто не пришел.

Снова сидеть на английском для девятого класса было несколько странно, как будто время исказилось. Много было тем же самым, вот только я стала на три года старше и теперь могла сказать, кто именно умрет в конце почти каждой истории, что мы читали.

Девятиклассники в классе были очень похожи на тех, что были в спортзале — некоторые из них действительно были теми же самыми, — но они казались более смиренными. Может, это ярко-красные футболки Темпл-Стерлинга придавали им энергии?

У Фостера не было английского четвертым уроком, но это хорошо, потому что я и так видела его очень много. Хотя в последние недели я обнаружила, что это происходит все реже и реже. Конечно, много времени занимал футбол, но было и кое-что еще, что я не могла игнорировать, — между ним и Марабель что-то происходило.

Я видела, как они вместе обедали в столовой или разговаривали в коридорах на переменах. Я видела, что она нравится Фостеру. Марабель же, напротив, было сложно разгадать. Казалось, ей нравится общество Фостера, но в ней определенно присутствовала некая сдержанность. По крайней мере так мне думалось, когда я следила за ними в коридорах.

В то же время Линдси и Кэс, кажется, больше и больше времени проводили вместе, да еще с достаточным энтузиазмом с обеих сторон, чтобы я чувствовала себя изрядно обделенной. С каждым наполненным хихиканьем сеансом флирта, который мне приходилось наблюдать, перспектива предстоящей поездки в Ридинг становилась все более привлекательной.

Это станет моим бегством. Бегство Девон Теннисон из Темпл-Стерлинга. Как поездка в «Диснейленд» или типа того.

По крайней мере так я привыкла думать, пока не увидела лист записи на доске объявлений.

С тех пор как миссис Уэнтворт повесила листок, остальные строчки оставались пустыми. Поездка была запланирована на следующую неделю, и я была почти уверена, что мы поедем только вдвоем.

Но сегодня имен стало больше.

Мария Сильва. Лорен Макфи. Вполне приемлемо.

Но под ними.

Кэс Кинкейд.

Линдси Рэншоу.

Джордан Хантер.

Эзра Линли.

Какого. Черта.

На перемене я загнала Кэса в угол.

— Ребята, зачем вы едете в Ридинг? Их футбольная команда — один смех.

— Это надежное место. Любой парень из Темпл-Стерлинга легко попадет в их команду.

Я молча смотрела на него в упор.

— Ладно, хорошо. Там есть пляж.

— Это атлантическое побережье, Кэс. Там слишком холодно для купания!

Кэс положил руки мне на плечи.

— Это как халявные каникулы, Дев! Мы решили, что будет весело.

— Но ты же ненавидишь Эзру.

— Я его не ненавижу. И я не заставлял его записываться. Он просто стоял рядом с нами, когда мы с Линдс и Джорданом решили поехать.

— Линдс?

— Да, Линдси. Ты же знаешь.

О да, я знала. Милое прозвище — первая отметка на Дурацком шоссе, ведущем напрямик к городку Отношений. А придумывание названий несуществующим дорогам и городам, чтобы выразить свое несчастье, наверное, первый шаг к безумию.

Мне захотелось плакать. Ридинг должен был стать моей поездкой в мой будущий колледж. Но, кажется, мое мнение мало что значило.

* * *

Пока, кажется, все вокруг меня ползти к городку Отношений, а я стремилась в Ридинг, дома что-то назревало. Не конфликт — на самом деле кое-что совершенно противоположное конфликту. Мои родители так гордились Фостером и его футбольными достижениями, что захотели устроить вечеринку для него и всех его новых друзей.

Я опасалась этой идеи с самого начала. Во-первых, было ужасно сложно устроить вечеринку, которая привлекла бы игроков старшей футбольной команды Темпл-Стерлинга и их знакомых, без алкоголя, а Фостер был непоколебим в своем решении пригласить своих друзей из футбольной команды, а также нескольких ребят, с которыми сумел подружиться во время своего невероятно короткого пребывания в команде «С». Также он захотел, чтобы пришли «Будущие революционеры американской науки», и конечно, там должна быть Марабель.

— О, придет только половина, — сказала мама, когда мы отправились за продуктами. — Так всегда бывает.

— А что насчет девочек? — спросила я, пока мама приценивалась к бумажным тарелкам. — Мы с Марабель будем единственными девочками!

— Милая, Фостеру всего четырнадцать, у него мало друзей-девочек. Если тебе станет легче, пригласи несколько своих подружек, хорошо?

Я пробурчала, что осталось слишком мало времени и никто не сможет. Но все, кому я позвонила, решили прийти. Даже очаровательная мисс Реншоу, позвать которую меня уговорил Кэс.

Еще я заставила Фостера узнать у одного из девятиклассников телефон Грейси Хольтцер, и он пригласил ее. Я даже из другого угла комнаты слышала, как она взвизгнула на другом конце линии.

— Это здорово. Она приведет свою свиту, — сказала я.

Фостер просто скорчил рожу.

Наступило семь часов вечера субботы, а дом был пуст. Обеденный стол в столовой был заставлен едой. Я надела свои лучшие джинсы, а Фостер — подумать только — одну из рубашек, которые моя мама купила ему в начале лета.

Мои родители закрылись наверху на весь вечер, но мама продолжала спускаться и нервно мельтешила по столовой, переставляя стопки бумажных тарелок и проверяя уровень льда в морозильнике. Как будто невидимая толпа каким-то образом истощила запасы за те десять минут, что ее не было. Фостер сидел на диване, переключал каналы и выглядел таким же невозмутимым, как всегда, хоть и с этой непривычной новой стрижкой и в новой рубашке. Я на секунду задержалась в дверном проеме, наблюдая за ним. Почему-то... все в животе завязалось узлом. Я с нетерпением ждала стука в дверь. Кто-нибудь придет. Кто-нибудь обязательно придет.

Я тяжело сглотнула. Никто не придет.

— Фостер?

— Угу. — Он остановился на информационно-рекламном ролике.

— Мы можем посмотреть кино... Можем поиграть в любую игру, какую захочешь.

Фостер поднял на меня глаза. Он выглядел совсем по-другому, когда волосы не падали ему на глаза.

— Они придут, Дев.

Я кивнула и пошла в столовую, где принялась переставлять стопки бумажных тарелок. Что тут скажешь? Это наследственное.

Без пятнадцати восемь в дверь постучали. Я рванула в коридор. Фостер не сдвинулся с дивана.

— Привет. — В прихожую шагнула Марабель.

— Привет. Фостер там. Ты пришла первая.

По моему примитивному мнению старшеклассницы, прийти первой на вечеринку так же неловко, как быть хозяином вечеринки всего с одним гостем.

Но Марабель только улыбнулась:

— Кто-то должен быть первым.

И проплыла в гостиную.

Я уже готова была захлопнуть за ней дверь, как поняла, что на крыльце стоит кто-то еще. Эзра Линли.

— Откуда ты взялся?

— Я привез Марабель.

— Вы знакомы?

Он кивнул.

— Эм... — Вечеринка с двумя гостями была всего чуть менее неловкой. — Хочешь зайти?

— Нет, я думал простоять весь вечер на улице.

Это была шутка. На этот раз я была почти уверена. Я слабо улыбнулась и распахнула дверь, и Эзра вошел в наш дом. Я прошла следом за ним в гостиную и смотрела, как он плюхнулся на диван рядом с Фостером и Марабель и забрал у Фостера пульт от телевизора.

— Так нечестно, — сказал Фостер.

— Я старше, — сказал Эзра и защелкал каналами.

— Но я хозяин.

— Хозяйка Девон.

Фостер на мгновение замялся, но потом сказал:

— Ладно.

И тут раздался еще один стук в дверь.

— О Боже, это машина Эзры Линли!

— Я знала, что он будет здесь. Они с Фостером лучшие друзья.

Я прочистила горло.

— Э... привет.

Грейси Хольтцер резко остановилась, и ее свита врезалась в нее.

— Привет, Девон! — сказала она и улыбнулась своими розовыми губами и сверкающими белыми зубами. Может, она была одной из маленьких красавиц мисс Виктории. Она точно ходила по коридорам как по подиуму.

— Боже, ты так мило выглядишь, Девон. Мне нравятся твои джинсы.

— Эм, спасибо. Милая... — Я осмотрела ее наряд. Безумно тесные джинсы и детского размера футболка с названием брэнда на груди. Полагаю, чтобы никому не

пришлось спрашивать, откуда она. — ...футболка, — с грехом пополам закончила я и распахнула для них дверь. — Входите.

Свита заполнила прихожую и выплеснулась в гостиную. Уровень шума моментально увеличился в два раза.

Это было неожиданно. Теперь тут находились два парня и целая толпа девочек. Даже хуже, два парня и целая толпа девиц.

Подъехал еще один минивэн. Сначала я подумала, что это, наверное, игроки команды «С», но как только их осветил фонарь на крыльце, стало понятно, что это будущие научные революционеры. Они были нагружены разными непонятными устройствами.

— Картофельная пушка, — сказал один, пока они входили в дом, и улыбнулся.

— Где здесь кухня? — услышала я голос другого, когда они заворачивали в гостиную, и заторопилась следом.

Вечеринка, устроенная Фостером, оказалась весьма успешной. Ощущения были такими же, как в тот первый день в спортзале, когда я наблюдала, как он бьет по мячу, — непривычность и замешательство. Он болтал с парнями из команды. Он шутил с девицами. Он вместе с Джорданом Хантером сидел в окружении толпы поклонников в гостиной. Но все это в своем собственном стиле.

Я не возражала против роли хозяйки. Я наполняла формочки для льда и бумажные тарелки, приносила гостям напитки, и было в этом что-то приносящее удовлетворение.

Пока вечеринка шла своим чередом, я невольно следила за Эзрой. Особенно меня интриговала его близость с Марабель, не физическая — хотя они оба сидели на диване с Фостером и Джорданом, но существовал между ними некий контакт, которого я не видела у Эзры больше ни с кем, кроме Фостера.

— Как думаешь, все хорошо? — спросил Фостер на кухне, когда я наполняла французским луковым соусом миску, которую уже дважды опустошили.

— Я думаю, все идет отлично.

— Мы собираемся играть в «Rock Band»¹⁴. Ты должна поучаствовать.

— Может быть.

Фостер ушел с соусом, а я принялась раскладывать по мискам чипсы, пока не услышала за спиной шорох.

— Привет.

Оказалось, это Эзра.

— Привет. — Пауза. — Эм... хочешь пить или еще что-то?

— Если есть сок, было бы здорово.

Я попыталась вытащить из забитого холодильника пару банок фруктового пунша.

— Так, эм... давно вы с Марабель знакомы?

«Ненавязчиво, Девон. Очень ненавязчиво».

— Некоторое время.

Я кивнула, и меня впервые озарила ужасная мысль, которую я не смогла отогнать. Подняв глаза, я увидела, что Эзра внимательно смотрит на меня.

14 «Rock Band» — серия музыкальных видеоигр, позволяет четверым игрокам исполнять музыку, песни на соло-гитаре, бас-гитаре и барабанах и петь при помощи микрофона, сделанных наподобие реальных прототипов.

— Что такое?

С каждой секундой мое лицо становилось все краснее.

— Я просто подумала... в смысле... ты же не можешь быть, ну, ты не... — Я сглотнула. — Или?

Эзра просто смотрел на меня.

— Отец ребенка? Нет.

Тишина. Я была сама не своя от смущения.

— Она моя сестра, — сказал он.

— Что?

Он пожал плечами:

— На самом деле сводная.

Я не поверила. И поверьте, я могу очень выразительно не верить. Уверена, что я вылупилась на него, открыв рот.

— Я... я понятия не имела.

Он кивнул.

Я поверить не могла, что не знала этого раньше. Я уже довольно давно знаю Марабель, но никогда не замечала связи между ней и Эзрой. Я быстренько вспомнила свои последние встречи с Марабель, надеясь, что не наговорила ей никаких глупостей про Эзру.

— И... кто на ком женился?

— Моя мама, ее папа.

— А твой папа где?

— У меня его нет.

— Ты что, родился из банка спермы или как?

Ой. Иногда мне не хватает фильтра.

— Нет, просто...

— Я поняла. Извини. Это было глупо.

Эзра молча смотрел на меня.

— Привет, Дев!

В дверном проеме появился Кэс. Я повернулась, и он прошел через кухню и крепко обнял меня. Я все еще держала напитки для Эзры и слишком удивилась, чтобы обнять его в ответ.

— Как дела? — выдавила я.

— Хорошо. — Продолжая обнимать меня одной рукой, Кэс повернулся к Эзре.
— Привет, чувак.

Он протянул руку. Мгновение Эзра смотрел на нее, а потом пожал, его лицо ничего не выражало. Вслед за этим повисло короткое, но невероятно неловкое молчание.

Его нарушил Кэс:

— Извини, что опоздал, Дев. Не смог уйти с работы раньше.

— Без проблем. Линдси еще не пришла.

— Хорошо. — Голос Кэса звучал странно. Слишком жизнерадостно, и он все еще обнимал меня за талию. — Я все равно хотел увидеть тебя. Может, помочь тебе что-нибудь донести?

— Я возьму.

Эзра забрал у меня из рук напитки, и снова повисло молчание. Могу поклясться, что каждый из них пытался казаться выше.

— Увидимся, — сказал Эзра после паузы и вышел.

Кэс закатил глаза и убрал руку с моей талии.

— Не благодари.

— За что?

— За то, что я спас тебя от Эзры. Похоже, у меня тоже есть радар, а?

Я достала из морозилки лед.

— Все хорошо. Мы просто разговаривали.

— Эзра не разговаривает, он просто хмурится и непонятно жестикулирует. Так его запрограммировали. На жестком диске Футбольного Робота недостаточно места для продвинутых навыков общения.

Я не ответила.

— Ой, да ладно. Это же смешно, верно? — Когда я взглянула на Кэса, он странно смотрел на меня. — Он же тебе не нравится?

— Нет, — сказала я. — Конечно нет. Я просто... Тебе не нужно меня спасать.

— Ладно. — Еще одна неловкая пауза. — Хорошо. Ну что... Джордан сказал, что они собираются играть в «Rock Band».

— Я слышала.

— Ты идешь?

— Да. Через минуту.

Кэс побарабанил пальцами по столешнице и вышел из кухни.

После этого я обошла первый этаж, собирая пустые банки из-под газировки и бумажные тарелки. Когда я вошла в гостиную, соревнование было в самом разгаре. Джордан играл на пластмассовой гитаре рядом с Грейси Хольтцер, которая через одну пропускала ноты, потому что была слишком занята, строя ему глазки. Нет нужды говорить, что он ее разгромил.

— Чемпион! — воскликнул Джордан, когда их песня закончилась. — Будешь следующей?

Я была счастлива оставаться зрителем.

— Не-а, мне и так хорошо.

— Тогда где твой кузен? Я хочу его победить.

Фостера нигде не было видно, и Марабель тоже отсутствовала.

— Я его поищу.

В коридоре на втором этаже шум снизу было не так слышно. Дверь в спальню моих родителей в конце коридора была закрыта, как и дверь в мою комнату. А вот дверь Фостера была слегка приоткрыта, и я услышала голоса.

Я не смогла удержаться и подошла ближе.

Марабель стояла посередине комнаты, разглядывая плакаты, футбольный инвентарь и покрывало на кровати.

— Мне нравится твоя комната, — сказала она.

— Большую часть выбирала тетя Кэти.

— Как эту рубашку? — Марабель дернула Фостера за воротник.

— Мои уже разваливаются. Они все, наверное, с шестого класса.

Марабель подошла к столу, взяла книгу и посмотрела на обложку.

— Как вышло, что ты живешь со своими тетей и дядей? — спросила она, пролистывая страницы.

— Как вышло, что ты забеременела? — парировал Фостер.

— Потому что я занималась сексом. Ответь на мой вопрос.

— Потому что они мои крестные. Почему ты занималась сексом?

— Я думала, это будет весело.

— И как?

Она пожала плечами и села на край кровати. Через мгновение Фостер — явно оценив ситуацию — сел рядом с ней. Близко, но не слишком. Я мысленно заплодировала.

— Что случилось с твоими родителями? — спросила Марабель.

— Они заболели, — сказал он после секундной задержки.

— Оба?

Фостер кивнул:

— По-разному.

— Они умерли?

— Папа умер.

— А мама?

— Она еще болеет.

— Ее можно вылечить?

— Она могла бы вылечиться, — сказал Фостер. — Если бы захотела.

— О чем ты?

Он не ответил. Вместо этого он протянул руку и положил ладонь на живот Марабель. На его лице появилась улыбка.

— Жуть. Там все плещется.

— Это не жуть, — сказала Марабель, явно оскорбившись. — Это красиво!

— Ты красивая, — сказал Фостер, и я не поверила своим ушам. Это мой кузен?

Фостер флиртует? По-настоящему флиртует?

Несколько секунд Марабель внимательно смотрела на него, а потом бросила книгу на пол и сказала:

— Я не буду заниматься с тобой сексом.

— Я и не хочу. — Фостер выглядел смущенным. — В смысле, я хочу... когда-нибудь... с кем-нибудь. И это можешь быть ты, если захочешь. Но не сейчас. Или даже, знаешь, не скоро.

Марабель улыбнулась:

— Я просто предупредила.

Молчание.

— Хочешь поиграть в игру? — наконец сказал Фостер.

— В какую игру?

— «Рот на замок». Ты сжимаешь губы. Первый, кто заговорит, проиграл.

— А что мы будем делать, сидя здесь и не разговаривая?

— Что хочешь.

Глаза Марабель засияли.

— Хорошо.

Фостер сделал вид, что застегивает губы на молнию. Марабель сделала то же самое. Мгновение они смотрели друг на друга. А потом поцеловались.

Я отошла от двери. Это был личный момент, но для меня он также стал потрясением. Я никогда не думала, что Фостер может быть... ну, сексуальным. Он говорил, что ему нравится Марабель, и еще была та подружка дома, про которую он рассказывал, что они «целовались и все прочее», но разговоры — это одно. Просто он казался таким маленьким. Я никогда не думала, что он хочет поцеловать кого-то или быть с кем-то.

— Просто уточню, — сказал Фостер, когда они отстранились друг от друга, — обычно в «рот на замок» играют не так.

— Я выиграла, — усмехнулась Марабель.

Вы могли бы подумать, что в тот вечер я чувствовала себя счастливой, потому что Линдси так и не пришла и Кэс на все время застрял с Грейси Хольтцер и ее свитой. Мне следовало быть счастливой, потому что вечеринка имела большой успех. Но вместо этого какая-то часть меня чувствовала себя как сдувшийся футбольный мяч на дне сетки в спортзале. Немного одинокой. Немного подавленной.

Может быть, дело в том, что Фостер на этой вечеринке целовался, тогда как я — старше него на три года и, как мне хотелось думать, более социально адаптированная — никогда ни с кем не целовалась. Никогда. Я даже на свидании не была с тех пор, как мы с Кайлом Моррисом ходили в кино в восьмом классе. И каким бы скандальным ни казалось в то время держание за руки во время фильма категории 12+, уверена, что это не считается за настоящее свидание, особенно если мама провожает тебя до ресторанного дворика.

Но вечеринка была последним барьером перед поездкой в Ридинг, и этого было достаточно, чтобы вытащить меня из небольшого временного уныния. Мы должны были встретиться в школе рано утром в четверг с уложенными сумками и готовыми загрузиться в девятиместный минивэн миссис Уэнтворт.

Я не думала, что мне придется сидеть впереди рядом с миссис Уэнтворт, ведущей машину. Но я оказалась сидящей впереди рядом с миссис Уэнтворт, ведущей машину. Полагаю, я все равно была единственной по-настоящему заинтересованной в Ридинге.

Разве что кроме Линдси. Она сидела прямо позади нас, между Эзрой и Кэсом, и постоянно просовывала голову между спинками сидений, сообщая крупными сведениями, например, цветков Южной Каролины или процент студентов Ридинга, поступивших в магистратуру.

Когда Линдси не вела себя как путеводитель по Ридингу, она разговаривала с Кэсом. Хотя это можно квалифицировать как мазохизм, я не могла удержаться, чтобы не наблюдать за ними краем глаза.

Эзра слушал музыку, но время от времени Линдси вытаскивала один наушник из его уха и вовлекала его в беседу. Он отвечал ей в довольно дружелюбной манере, но как только в разговор вступал Кэс, на его лице мелькал слабый проблеск чего-то отчетливо похожего на неприязнь.

Примерно на полпути мы остановились в «Макдональдсе» для позднего завтрака. Парни съели почти неприличное количество еды, и после почти все заснули, кроме меня и миссис Уэнтворт. Когда я непроизвольно взглянула на заднее сиденье, то увидела, что Линдси положила голову Эзре на плечо. Он тоже дремал и, кажется, не возражал быть живой подушкой для Линдси. Это меня удивило — не только из-за того, кого Линдси выбрала в подголовники, но и потому, что Эзра был последним из людей, которых можно было назвать мягкими.

Около одиннадцати мы въехали ворота Ридинга, и вот оно — перед нами наяву лежала моя открытка.

Тут был «Отдел по делам студентов», веранда, на которой на открытке сидели ребята. Были студенческий клуб и общежитие (построенное в 1920 году и недавно отреставрированное, в 2009, согласно тому, что сказала Линдси по дороге сюда), здание научных исследований, театр. В роце пряталась часовня.

Они определенно знали толк во внешней привлекательности. Но было нечто большее... Не только здания и благоустроенная территория. Дело было в людях. Группы студентов занимались в теничке или прогуливались вместе между зданиями, оживленно разговаривая. Эти люди «добивались своих целей». Они «начинали свое будущее».

И когда я увидела это, во мне неожиданно словно что-то открылось. Неожиданно мне тоже захотелось этого, захотелось такого же для себя.

Миссис Уэнтворт распланировала поездку почти до минуты. С одной стороны, это не оставило Кэсу и Линдс много времени для халявных каникул. Но с другой, получилось чертовски насыщено. Мы поели в столовой, осмотрели кампус и встретились с приемной комиссией.

Поездка принесла результат, который задумала для меня миссис Уэнтворт. Я влюбилась в Ридинг. Мне захотелось написать лучшие эссе. Мне захотелось получить больше баллов за АСТ. Я даже — хотя и ненадолго — задумалась о том, чтобы отвезти «Будущих революционеров американской науки» в музей, только чтобы заполнить свое резюме. Помощник по спортивной документалистике уже не казался мне таким плохим вариантом.

Под конец дня мы остановились в книжном магазинчике.

— О, Чемпион. — Джордан обнял меня за плечи, когда я внимательно рассматривала груды толстовок Ридинга. — В следующем году ты будешь отлично тут смотреться.

Просто услышав, как кто-то произносит это вслух, я испытала прилив восторга.

— Мне идет синий.

— А мне пойдет красный с черным. — Он понизил голос. — Не говори Уэнтворт, но у меня устное соглашение с университетом Джорджии.

— Не может быть!

— Если у меня получится затащить туда Эзру, будет идеально. Знаешь, защитник хорош только тогда, когда хороши парни, которых он защищает.

Я взглянула через весь магазин на Эзру, который хмуро рассматривал витрину с цепочками для ключей. Он ткнул пальцем в одну, в результате чего она упала с витрины. Он наклонился, чтобы поднять ее, но когда выпрямлялся, то задел стойку и уронил еще несколько.

Я не удержалась от улыбки.

— Почему ты с ним дружишь? — спросила я, наблюдая за тем, как Эзра собирает цепочки.

Он пожал плечами:

— Почему ты дружишь с Кэссиди?

Между тем Кэс ходил попятам за Линдси по всему магазину, беря в руки и кладя обратно каждую книгу, сувенирную кружку или карандаш, до которых она дотрагивалась.

— Почему мы дружим с теми, с кем дружим? — продолжал Джордан. — У них есть качества, которые нам нравятся... которые мы видим в себе. А может, которые хотим видеть в себе.

— И какие у Эзры... качества?

— Детка, а каких качеств у Эзры нет? Они у него все.

— Большинство считает его козлом.

Джордан кивнул.

— Я уже слышал, что люди говорят так, но они просто не понимают Эзру. Просто он такой... — Он задумчиво наморщился. — Он такой чертовски сосредоточенный. Как... как горький шоколад. Ты когда-нибудь пробовала горький шоколад, когда твоя мама печет печенье?

— Да. Выглядит как обычный, но на вкус противный.

Джордан рассмеялся:

— Ладно, может, Эзра и не похож на горький шоколад. Но понимаешь, о чем я? Его вкус раскрывается, только когда его приготовишь. Но сам по себе он слишком... насыщенный, чтобы понять. Эзра просто очень напористый чувак. Нужно понять его, чтобы по-настоящему... его понять.

— Значит, ты его понял?

Глаза Джордана загорелись.

— Чемпион, ты же видела его на поле. Никто не может устоять. Это как наблюдать за одним из мастеров, словно чертов... да Винчи рисует или вроде того.

— Витиевато, — сказала я, и он усмехнулся.

— Но ты понимаешь, о чем я.

— Да, но можно быть хорошим в чем-то, но все равно быть неважным человеком.

— Но дело не только в этом. То, как Эзра подходит к футболу, так же он подходит и ко всему остальному. Настолько чертовски... целеустремленно, и вдумчиво, и... не знаю. — Он усмехнулся. — Я не пытаюсь написать о нем книгу, я просто говорю, что с таким человеком хочется быть рядом, разве не так?

Я кивнула, потому что это так, а Джордан продолжил:

— Но хватит о нем. Когда мы поговорим о моих хороших качествах?

— Хочешь, чтобы я назвала их в алфавитном порядке?

— Да, начни с А — афигенный красавчик. Потом Б — безумно клевая заница. А потом В...

— Выносливый, — сказала я.

— Видишь, ты могла бы сказать «великолепный», но я рад, что ты этого не сделала. Я же не просто кусок мяса.

— О да, — сказала я и взяла его под руку. Мы пошли дальше по книжному магазину, пока миссис Уэнтворт не позвала нас на выход.

* * *

Ночью я лежала в спальном мешке на полу студенческой комнаты. Живущие тут студенты долго не ложились и рассказывали мне о жизни в Ридинге, и хотя сейчас они уже спали, я была слишком возбуждена, чтобы уснуть.

Я представляла себя живущей в Ридинге по-настоящему. У меня бы была комната, похожая на эту, с доской для объявлений, мини-холодильником и соседкой. По утрам я бы завтракала в столовой и шла на занятия с сумкой через плечо, и занималась бы в тени дубов, и была бы студенткой колледжа. У меня было бы мнение по текущим событиям! Я бы добивалась научных целей! У меня была бы цель и... путь к чему-то. Я еще не знала, к чему именно, но знала, что впереди определенно что-то было. «Плотный завтрак и просмотр программ для подростков по кабельному телевидению» был забыт. Внезапно мне захотелось... большего.

Загудел мини-холодильник. Ридингские девушки слегка заворочались. Постепенно я заснула.

* * *

На следующий день мы посетили семинар по финансовой помощи студентам и посидели на занятии по философии, и путешествие почти закончилось. Мы еще не видели пляж, но я услышала, как Джордан решил прозондировать почву, когда мы складывали свои сумки обратно в минивэн миссис Уэнтворт.

— Сегодня нету игры, так что нет необходимости торопиться. Может, нам достанется немного свободного времени? — сказал он. — И может, у нас получится взглянуть на пляж? В смысле, как один из аспектов жизни в Ридинге.

Глаза миссис Уэнтворт сияли тем самым светом Изобель, который я помнила с нашей первой встречи. Через мгновение она сказала:

— Даю вам час. Но потом мы должны отправляться.

Моя семья проводила отпуск на побережье Мексиканского залива, так что я не привыкла к Атлантическому океану. Угольно-серые волны набегали на коричневый песок. Я оказалась права: для купания было слишком холодно. Но каждый из нас воспользовался временем на полную катушку. Кэс, Джордан и Эзра кидали мяч. Мария, Лорен и Линдси лежали на песке и загорали на солнышке. А я сидела немного в стороне, на скамейке, с которой было видно пляж. Я достала свой блокнот, надеясь на вдохновение для лучшего эссе. Того, которое действительно приведет меня сюда.

Через некоторое время за спиной раздались шаги. Я подумала, что это, наверное, миссис Уэнтворт, но, обернувшись, увидела Эзру.

Я не заметила, что он покинул игру в мяч.

— Как дела?

Он пожал плечами.

— Хочешь... присесть?

— Ты над чем-то работаешь?

— Просто идеи для эссе. — Я немного сдвинулась, и Эзра сел рядом. — Для колледжа. Тебе, наверное, не придется возиться с этим, да?

— Не слишком.

— Должно быть, хорошо.

Я закрыла блокнот. Ночные откровения по поводу колледжа были все еще свежи у меня в памяти, но и реальность брала свое. Я никогда не буду носить ту сумку через плечо и заниматься под деревьями, если не поступлю в Ридинг. Насколько я знала, перед этим мне придется постараться, теперь я чувствовала еще большее ощущение срочности.

Эзра не заговорил, так что я продолжила, и чтобы заполнить тишину, и чтобы уменьшить чувство бессилия.

— Попытки коротко охарактеризовать себя на бумаге могут привести в отчаяние.

— Почему?

— Не знаю... нужно свести все, ну, к основным пунктам. И если у тебя нет замечательных, важных для колледжа пунктов, ты вроде как в пролете. Гораздо легче, когда есть что-то, в чем ты хорош и что можно просто показать им. Например, футбол, или танцы, или... — Я покачала головой. — Не хочу умалять все усилия, которые ты приложил ради этого. Просто хочу сказать, что жалею, что не посвящала больше времени бегу по пересеченной местности, или... вращению тарелок, или чему-то еще.

— Ты умеешь вращать тарелки?

— О, я просто бог вращающихся тарелок, — сказала я.

Губы Эзры дернулись.

— Почему ты никогда не улыбаешься по-настоящему? — спросила я.

— У меня зубы кривые.

— Не кривые.

— Кривые. — Он показал зубы, и точно, нижние передние стояли не очень ровно. — Все дети в начальной школе смеялись надо мной, — сказал он. — Никто не обслуживал меня в ресторанах. Мне приходилось надевать на голову бумажный пакет с двумя прорезами для глаз, а маленькие дети, завидев меня, с криками убегали.

— Заткнись.

— Это правда.

— Почему ты никогда не улыбаешься?

— Я улыбаюсь.

— Не когда выигрываешь. Ты никогда не улыбаешься во время игры. Когда Кэс на поле, видно, что он получает огромное удовольствие. Но ты никогда не выглядишь счастливым.

— Я не Кэс.

Я почувствовала, как вспыхнуло лицо. Иногда я сама не замечаю, как говорю о нем.

— Но разве ты это не любишь?

— Футбол?

— Нет, крутить тарелки.

Еще одно движение губ.

— Да, я люблю футбол. Не могу сказать, что испытываю какие-либо положительные или отрицательные эмоции к вращению тарелок.

— Тогда почему ты не выглядишь счастливым, когда играешь? Ты лучший. Тебя можно посчитать самым счастливым парнем в мире.

— Когда ты что-то любишь, ты не можешь быть счастлив все время, разве нет? Поэтому ты любишь это. Оно заставляет тебя испытывать разные чувства, не только счастье. Оно может принести боль, может выводить из себя, но... это заставляет тебя чувствовать, понимаешь?

Я сразу же вспомнила, как Кэс целовал Молли Макдауэлл в кабинете домоводства. Любил ли он когда-нибудь что-то вот так же? Я смотрела, как он перекидывает мяч Джордану, послеполуденное солнце освещало его спину, и неожиданно перенеслась в то время, когда у него были костлявые плечи и бледная кожа, и мы вместе ходили в бассейн в начальной школе. В те дни, когда мы были достаточно маленькими, чтобы плавать на досках и надевать дурацкие яркие очки для плавания, после которых вокруг глаз оставались красные круги. Это было до того, как я стала умолять маму купить мне бикини, до того, как время и тренировки дважды в день сделали плечи Кэса шире. Тогда были только он и я. Где-то обязательно должна существовать альтернативная вселенная, в которой это чувство никогда не исчезало. В которой никогда не случилось, что он там, а я здесь. В которой он никогда не уезжал туда, куда я не могу последовать.

Я поняла, что Эзра наблюдает за мной, но он сказал только:

— Думаю, мне пора возвращаться.

— Хорошо.

У меня не было желания уходить. Так что я просто повернулась обратно к воде. Удаляющиеся шаги Эзры затерялись в шуме набегающих на песок волн.

Этим же вечером я закинула сумку в дверь кухни и прокричала:

— Я дома!

Мои слова затихли в глубине дома. Он выглядел пустым. Свет не горел. Я была одна.

Или мне так показалось.

— Девон?

В дверном проеме появилась мама. Выражение ее лица было серьезным, и это заставило меня остановиться на полпути к холодильнику, куда я направилась в надежде отыскать что-нибудь перекусить с дороги.

— Что такое?

— Идем в папин кабинет. Нам надо поговорить.

Папин кабинет располагался на первом этаже. Там было большое панорамное окно, выходявшее на задний двор. Я пялилась в темноту, пока мама садилась, а папа, уже сидевший за столом, переключал какие-то бумаги.

— Что такое? — снова спросила я. У меня засосало под ложечкой. Я попыталась улыбнуться.

У нас уже был похожий разговор раньше, когда они впервые предложили, чтобы Фостер приехал пожить у нас. Только в тот раз мы сидели в гостиной и ели печенье, и родители вели себя совсем по-другому. Теперь мама смотрела в окно, сложив руки перед собой и сжав губы. Она выглядела... грустной.

— Ты знаешь, — заговорил папа, — что когда мы согласились взять Фостера, то предполагали, что это... временная ситуация. Мы опекуны Фостера, но его мама все еще имеет законное право решать, что лучше для него: остаться здесь или вернуться жить с ней.

Желудок сразу ухнул куда-то вниз, а в голову ударила кровь, поднявшись вверх по шее и залил щеки краской. Фостер не может вернуться туда. Он там сломается.

В одно мгновение, крохотное, как головка самой маленькой булавки, я была сосредоточена, как Эзра. Я была готова сражаться за Фостера.

А потом папа снова заговорил.

— Мы поддерживали связь с Элизабет и с социальным работником Фостера, и... — Он набрал воздуха в грудь. — Милая, Элизабет отказалась от своих родительских прав. Она разрешит нам его усыновить.

— Усыновить?

— Да. Усыновить.

Усыновить. Усыновить. Усыновить. Если повторять слово довольно долго, то со временем оно потеряет свое значение.

Я моргнула и спросила единственное, что пришло мне в голову:

— Он знает?

После того как папа сказал «да», я вроде как потеряла способность сосредоточиться. Мои мысли разбегались в разные стороны.

Я тихонько закрыла за собой дверь и поднялась по лестнице в свою комнату. Заверения родителей все еще звучали у меня в голове, и это «усыновить» до сих пор стучало в ушах. Сердце колотилось как сумасшедшее, и каждый удар повторял одно и то же.

Я испытывала облегчение. Невероятное облегчение, но в то же время была невероятно зла. Я ненавидела Элизабет и ненавидела весь мир. Если мне суждено иметь брата, то почему я не могу получить его обычным способом? Все было неправильно. Если у меня будет брат, я не хотела его только потому, что Элизабет оказалась чертовой трусихой.

Мне следует быть лучше. Но иногда все, что ты действительно можешь, — это думать о себе. Иногда это единственный способ справиться. Единственный способ осмыслить нечто настолько огромное и угрожающее, как целый мир, — это думать о себе. Я захлопнула дверь своей спальни и упала поперек кровати, думая, смогут ли родители помочь мне с колледжем теперь, когда будут нести ответственность и за Фостера.

А потом... потом я подумала про Фостера, и весь эгоизм смыло волной вины. Одно дело — отдать ребенка на усыновление сразу после рождения. Но кто живет с ребенком четырнадцать лет, а потом решает, что не хочет его? «Ой, извините, нет... Я, наверное, верну его». Что-то вроде вселенской ошибки обработки. Вернуть отправителю.

Я заставила себя встать с кровати. Мне нужно увидеть Фостера.

Я постучала в его дверь, и он ответил совершенно четким и спокойным:

— Войдите.

Я открыла дверь. Фостер лежал на кровати в своем ярко-красном футбольном шлеме.

Я постаралась, чтобы мой голос звучал как обычно. Что вообще говорят в таких ситуациях? С чего начать-то?

— Как дела?

Да уж. Удачное начало.

Фостер казался невозмутимым.

— Нормально.

— Что... ох... я хочу сказать...

— Все хорошо, Дев. — Фостер посмотрел на меня через решетку шлема. — Это не сюрприз. Она звонила и разговаривала со мной, так что все в порядке.

Я села на край кровати:

— Хочешь... посмотрим телек или еще что?

Он помотал головой.

— Можем позвать Эзру.

Он поднял лицо к потолку:

— Ладно, но тебе придется ему позвонить.

— Что мне ему сказать?

Фостер пожал плечами:

— Скажи ему правду.

Я взяла у Фостера номер Эзры и вышла в коридор позвонить. Раздался гудок, потом еще один, и между гудками меня накрыла паника: «Что я ему скажу?»

— Алло.

— О, привет. Алло. Это Эзра?

— Да.

— Это Девон. Девон Теннисон.

Пауза.

— Что случилось?

— Фостер. — «Ар-р-р!» — В смысле Фостер думал... и я подумала...

Вот бы у телефонов была кнопка «Покинуть корабль!», чтобы нажать при очень неловком разговоре. Хотя, думаю, кнопка «Завершить разговор» действует похожим образом.

— Дело в маме Фостера, — сказала я, перестроившись. — Фостер рассказывал тебе про свою маму?

— Да.

— Ну, она... мои родители, они... — «Сглотни, дыши». — Он остается с нами. Насовсем. Это, типа, официально, и мы только что узнали, и... и мы с Фостером подумали, что, может быть, ты захочешь прийти и... посидеть с нами. Ненадолго, потому что...

Почему? Потому что ты нам нужен? Я не могла это произнести, поэтому позволила своему «потому что» повиснуть в воздухе, и на другом конце линии воцарилось молчание, а потом:

— Я скоро буду.

И он был. Не прошло и десяти минут, как Эзра Линли подъехал к нашему дому на своем сверкающем пикапе.

Мы все сидели на кровати Фостера и смотрели «Невероятные приключения Билла и Теда»¹⁵. Фостер заставил меня сесть посередине.

Через некоторое время Фостер снял свой футбольный шлем, улегся на подушку и закрыл глаза. Я чуть-чуть подвинулась, остро осознавая каждый раз, когда мой рукав задевал рукав Эзры. Кровать была маловата для троих человек.

Я поняла, что Фостер заснул, и внезапно мне показалось, что мы с Эзрой остались одни, хотя это не так.

Что-то во мне щелкнуло, какое-то осознание, которое превратилось в необходимость завести разговор.

— Какие у тебя колледжи? — спросила я, не отводя глаз от экрана телевизора.

— Что, прости?

— Ты сказал, что сократил число колледжей до четырех. Это секретная информация или как?

Он отгарабил названия. Крупные университеты, все на расстоянии одного штата.

— Они близко, — сказала я.

— Там хорошие футбольные команды. Но да, они близко, это тоже. Просто я... моя мама...

Он не закончил. Его взгляд переместился на Фостера, как будто упоминание о мамах в присутствии Фостера было табу или вроде того.

Но дыхание Фостера оставалось глубоким. Никаких внутренних сигнализаций не сработало при звуке слова.

— Спасибо, что позвонила, — сказал Эзра после паузы.

— Это была идея Фостера, — сказала я, несмотря на то, что — если я правильно помню — идея принадлежала мне.

Эзра кивнул.

— Жаль, что это случилось с вами, ребята, — сказал он. — Если я могу чем-то помочь...

— Ты уже, — сказала я, прежде чем успела даже подумать об этом. — В смысле помогаешь. Ты уже помогаешь.

Эзра кивнул, и мы вернулись к телевизору, а вскоре я, должно быть, заснула. Когда я открыла глаза в следующий раз, на улице стемнело, фильм закончился, а в комнате не было ни Эзры, ни Фостера.

На следующий день состоялась игра против школы Индепенденса. Обычно на дневных играх весело — есть в них что-то более жизнерадостное и ненапряжное, чем в вечерних, — но сегодняшняя оказалась другой. На этой игре мистер Харпер впервые позволил мне держать фотокамеру, и вот почему.

Грязь. Много грязи. И сильный ливень в придачу.

Дождь шел с прошлого вечера. Проснувшись, я спустилась вниз и обнаружила Фостера смотрящим телевизор и лопающим попкорн с моими родителями. Эзра уехал, а на улице начался дождь.

К тому времени, как море зонтов заполнило трибуны и «Кавалеристы Темпл-Стерлинга» вышли на стадион, там было чертовски грязно. К концу первой части игры с трудом можно было разглядеть номера на форме игроков.

15 «Невероятные приключения Билла и Теда» — американская научно-фантастическая комедия 1989 года.

У Индепенденса была хорошая команда, до конца первой половины оставалось всего несколько минут, а Темпл-Стерлинг еще ни разу не забил. Мы медленно перемещались по полю, нападение разваливалось, мистер Харпер фотографировал, а я держала над нами обоими зонт и тащила на плече проклятую сумку.

Начался розыгрыш, и Маршалл отбросил мяч назад. Грязь разлетелась брызгами, и по полю побежал игрок, зажав мяч в руках. Он сделал резкий поворот, проскользнув мимо защитников, и со всех ног понесся к очковой зоне, не встречая препятствий. Я никогда не видела, чтобы Эзра так нес мяч, и только когда игрок пробежал мимо нас, я поняла, что это не Эзра, а Кэс.

В этот момент мистер Харпер подался вперед, чтобы сделать фото, и мимо него промчалась толпа защитников, обдав его лицо грязью. Он пихнул фотоаппарат мне, и получилось, что именно я запечатлела через линзы фотоаппарата победу Кэса в очковой зоне.

— Дай мне, — рявкнул мистер Харпер, немного очистив свои очки от грязи.

Трибуны радостно закричали, когда тренер выпустил Фостера. В мокрой, но еще чистой форме он присоединился к команде на поле.

Я немного беспокоилась за него. Сегодня утром с кухни не слышалось возни, а от психолога он вернулся подавленным.

На поле все шло как обычно: снэп¹⁶, установка мяча, удар. Мяч взмыл вверх, описал дугу...

И отскочил от левой стойки. Мимо.

Фостер вернулся на бровку. Пара ребят хлопнули его по спине, но это не было утешением.

Темпл-Стерлинг проиграл восемь очков. По дороге домой Фостер молчал.

— Погода ужасная, — сказал папа с переднего сиденья. — Наверное, трудно было разглядеть что-либо.

Фостер не ответил, так что я выдавила:

— Ага.

Дома мама попросила Фостера оставить щитки за дверью. Он швырнул их на пол, разбросав повсюду засохшую грязь, хлопнул задней дверью и протопал к себе в комнату.

Мама пошла было за ним, но я сказала:

— Дай я.

Она с сомнением посмотрела на меня:

— Ты хочешь с ним поговорить?

— Да. — Я знала, что она имеет полное право удивиться, но все равно возмутилась. — Он мне вроде как... — Я по-прежнему не могла произнести «брат». — Он как... — Я сдалась. — Я поговорю с ним.

Дверь в комнату Фостера была распахнута. Он лежал на кровати спиной к двери.

— Фостер.

— Уходи.

— Что не так?

— Что не так? — Он сел, сверкнув глазами. — Я подвел команду!

— Каждый время от времени может промахнуться. Посмотри на Маркуса. Он частенько не попадает.

Фостер промолчал.

— Слушай, ты сделал все возможное, понял? Вот что важно.

— Если бы я сделал все возможное, то попал бы!

16 Снэп — в американском футболе передача мяча от центра назад.

— Ладно, да, но в любом случае команда проиграла бы семь очков, так что это не имеет значения, так?

— Ты не понимаешь, о чем говоришь, Дев. Ты ничегошеньки ни о чем не знаешь!

Я заморгала.

— Ну, я уверена, что знаю что-то о чем-то.

Вышедший из себя Фостер. Не думала, что это возможно.

Он плюхнулся обратно на кровать. Разговор окончен.

21

Верьте или нет, но после игры состоялась вечеринка. Штормовой ветер и все такое. Вечеринки после проигрыша, хоть и стали редкими за последние два года, были более буйными, чем после победы. Больше поводов напиться, полагаю.

Сегодняшняя вечеринка проходила дома у Эмбер Макинтайр. Ее дом был огромным и располагался в нескольких милях от города — идеально для шумной вечеринки после поражения. И нельзя сказать, что это был совсем уж проигрыш: хотя Индепенденс и победил Темпл-Стерлинг, Кэс сделал свои первые два тачдауна в сезоне. С этой точки зрения игра была своеобразным триумфом — для всех членов команды, которым не нравился Эзра.

Мы с Фостером пробежались по дождю, лишь относительно промокнув к тому времени, как добрались до входной двери Эмбер. Перед тем как войти, я оглянулась на него. С полудня он не произнес почти ни слова.

— Ты уверен, что хочешь войти? Я хочу сказать, что мы можем просто пойти домой... посмотреть кино или еще что-нибудь.

Фостер замотал головой:

— Я хочу быть здесь.

Так что мы вошли и разделились в прихожей.

На вечеринке была толпа народа. Я встретила несколько девочек из класса математики, и они с готовностью показали мне, где находится официальная столовая (гигантская), игровая комната (экстравагантная) и зимний сад (в котором, кажется, не было необходимости, ну правда).

Расставшись с девочками с математики, я направилась в сторону кухни за газировкой. Я еще не видела Кэса и надеялась, что он висит неподалеку от напитков.

Его я не увидела. Однако увидела Линдси. Она стояла прямо перед столом с напитками.

Я решила, что пить мне больше не хочется.

— Девон!

Теперь разворачиваться поздно.

— Жалко, что так получилось с игрой, а? — сказала она, когда я подошла.

— Да.

Молчание.

— Вообще-то, я, эм, надеялась столкнуться с тобой.

— О?

— Да. Мы с Лорен и Марией думали как-нибудь в выходные поехать в Гейнсвилл покупать платья к балу выпускников. Хочешь с нами?

— Эм... конечно. Звучит весело.

— Чудесно! У нас будет день только для девочек. — Она замолчала и несколько секунд внимательно осматривала помещение, а когда заговорила, то слегка понизила

голос. — И еще про бал выпускников... — Она набрала воздуха в грудь. — Есть один человек, и я надеюсь, что он меня пригласит. Думаю, ты знаешь, о ком я.

Да ну? Но я не собиралась попадаться. Я никогда не поддамся на такое.

— Я тут подумала, что... может быть... если это не выставит меня неудачницей, возможно, ты могла бы упомянуть при нем, что у меня еще нет пары... и знаешь, чуть-чуть повыспрашивать у него? Я знаю, что вы, ребята, зависаете вместе и все такое.

— Почему ты просто не спросишь его?

— Не знаю... я бы спросила, просто... я хочу сначала проверить его интерес, понимаешь?

Я-то понимала. Вопрос в том, почему не понимала она? Кэс был влюблен в Линдси, это было видно, наверное, даже из космоса.

— Так ты сможешь мне?

— Думаю, да. Конечно.

— Это было бы здорово! Спасибо, Девон!

На лице Линдси засияла улыбка, и, черт ее побери, она была такой очаровательной, что я не могла не улыбнуться в ответ.

Она ушла со своим напитком и оставила меня с газировкой, которую я на самом деле больше не хотела.

— Вы дружите?

Я чуть не подпрыгнула — не заметила, как подошел Эзра.

— Нет. Да. Ну, в смысле, насколько на самом деле близки люди? — сказала я, хотя это и было абсолютно бессмысленное заявление.

— Она очень милая, — сказал Эзра, поглядывая в сторону Линдси.

— Да.

На самом деле я никогда не слышала, чтобы он говорил что-то приятное о других.

Повисла пауза.

— Тебе... весело? — сказал он, а потом его губы странно скривились, как будто он подумал, что это абсолютно бессмысленный вопрос.

— Не особенно. А тебе?

— Нет. Я собирался уходить. Люди ведут себя как засранцы, когда мы проигрываем.

— Ты расстроен? Из-за игры?

Он пожал плечами:

— Они были хороши.

Мне пришлось потесниться, когда в кухню вошли несколько лайнбекеров. Здесь становилось весьма многолюдно. Все-таки именно здесь был устроен бар, и большинство людей хотели находиться в помещении, где располагался алкоголь, по крайней мере достаточно близко, чтобы заполучить немного.

— Хочешь пойдём куда-нибудь в другое место? — спросил Эзра.

— Да, хорошо.

Мы вышли в коридор и прошли в сторону гостиной. Но там толпилось еще больше народа. В центре комнаты на журнальном столике стоял явно пьяный Стэнтон Перкинс. Одной мясистой рукой он обнимал за плечи Кэса.

— Тост! — крикнул Стэнтон. — За Кэса, который показал им, как надо играть!

Толпа разразилась радостными криками. Кэс поднял бутылку с чем-то, издал громкий возглас и сделал глоток. Толпа снова одобрительно зашумела.

Я взглянула на Эзру:

— Тебя это не беспокоит?

— Что?

— Никто не устраивает парад на Мэйн-стрит, когда ты делаешь тачдаун.
— Нет, они просто вешают мои портреты в общественных туалетах.
Я слегка улыбнулась.
Эзра махнул в сторону Кэса:
— Он вроде твой лучший друг, да?
— В последнее время не очень. Он всегда с Линдси.
На лице Эзры появилось странное выражение.
— Они не вместе, знаешь? Они просто... проводят время.
Я кивнула:
— Между ними нет соглашения.
— Необычная формулировка.
— Но это правда, верно? Один человек говорит, что ему нравится другой, а второй отвечает взаимностью, и тогда они заключают соглашение.
— О привязанности.
Я посмотрела на него. Именно так сказала бы Джейн.
— Точно. Именно так. — Пауза. — Я знаю, что она ему нравится. А она только что практически умоляла меня попросить его пригласить ее на бал выпускников. Так что... соглашение о взаимной симпатии неизбежно.
— Правда?
— Ага.
Какое-то время мы молчали. Потом я взглянула на Эзру, у него на лице было еще одно странное выражение. Он открыл рот, как будто собираясь что-то сказать, но тут к нам подошел Джордан.
— Привет, Чемпион. Можно позаимствовать у тебя Эзру ненадолго?
— Конечно.
Эзра посмотрел на меня:
— Ты... будешь в порядке?
Станный вопрос. Конечно, я буду в порядке. Но я знала, что он имел в виду. Что-то подсказывало мне, что до встречи с Джорданом Эзре было знакомо одиночество на вечеринках.
— Супер-пупер, — сказала я и поморщилась. — Да. Да.
Губы Эзры скривились в почти улыбке, а потом он ушел с Джорданом.

На следующей неделе в мои «рабочие часы» на английском произошло кое-что новенькое: настоящий ученик пришел на настоящим советом.

Я рисовала на полях тетради по истории, когда вошла она — миниатюрная девятиклассница с толстым слоем темной подводки для глаз и прямыми волосами, в балахоне с капюшоном, который был достаточно большим, чтобы проглотить ее целиком.

— Миссис Чемберс сказала, что ты помогаешь ученикам с работами, — сказала она вместо приветствия.

Я закрыла тетрадь.

— Помогаю, — сказала я, несмотря на то, что это была не совсем правда — я еще никому не помогла.

Девушка плюхнулась на парту рядом с моей и вручила мне несколько листов.

— Я провалила это. Она сказала, что если я перепишу, то смогу вернуть баллы.

Я пролиставала страницы. Это был анализ «Великого Гэтсби» — первого важного письменного задания в семестре.

— Знаешь, это не считается за четыре листа, если на двух последних ничего не написано.

Она скорчила рожицу:

— Я не умею писать, как она хочет. Это раздражает. Я просто... не думаю так.

— Как именно?

— Не знаю.

— Про переносное значение золотых платьев и прочего?

Она улыбнулась:

— Да. Кому это нужно?

— Дэзи.

— Не упоминай о ней, — сказала она.

Теперь улыбнулась и я.

Ее звали Алекс, и вместе мы шаг за шагом разобрали ее работу. Какова основная мысль. Что можно расширить. Что совсем не имело смысла. Я подумала, что, наверное, так же чувствовала себя Рэйчел Вудсон, глядя на мое резюме: я знала, что куда переставить и что можно исправить, но могла только направлять ее и дать исправить самой.

К тому времени как мы закончили, было уже поздно. У нее был основательный план для работы. Для начала достаточно.

— На следующей неделе ты тоже будешь тут? — спросила она.

— И через неделю, и еще через неделю.

— Хорошо, — кивнула Алекс.

* * *

На следующий день в коридоре меня отловила Рэйчел.

— Ты уже видела?

— Видела что?

— Газета вышла. Номер с нашей статьей.

— Нашей...

Она показала экземпляр «Геральд». Там, на самой первой странице, под словами «Рэйчел Вудсон» было написано «и Девон Теннисон».

— Ого, — сказала я. — Я действительно попала в газету.

— Ты действительно попала в газету, — сказала Рэйчел. — Думаю, получилось хорошо. Может, мы еще поработаем.

— Ух... конечно.

— Замечательно. Твой вклад в будущие статьи определенно будет ценен. — Она всучила мне газету. — Я буду на связи. — И убежала дальше.

Я опустила глаза на газету. Там была большая фотография Эзры, а под ней...

ДОСТОИН ЛИ ОН?

Эзру Линли провозгласили футбольным чемпионом Темпл-Стерлинга. Но что это: талант или просто холодный расчет?

Эзра Линли, 18 лет, высокий, широкоплечий и недоступно красивый, рассказал корреспонденту Девон Теннисон о своем времени в составе команды старшей школы Шонесси и переходе в команду Темпл-Стерлинга, отрицая любые «тайные планы» относительно статистики.

Я побледнела. Может, он это не увидит? Может, не станет читать?

Но «Геральд» была повсюду. У каждого был экземпляр. А фотография Эзры, зависшего в воздухе над очковой линией, зажав в руках мяч, была расклеена по всей школе.

А вот и он собственной персоной, на трибунах, перед тренировкой, а перед ним лежит «Геральд».

Вот облом.

Когда я подошла, Эзра поднял голову.

— Недоступно красивый?

— Мне очень жаль.

— Каждый человек имеет право на свое мнение.

— Да, но я так не думаю. В смысле, накручивание показателей и все такое... ну, это просто глупость.

— Правда?

Я вспомнила свое прошлое негодование в защиту Кэса и то, что сказала Эмиру на первой игре сезона: «Он неплох. Ничего особенного». Теперь я так не думала. Я видела Эзру с Фостером. Он был добр к нему. Он был терпеливым и верным, и забавным, если действительно присматриваться. У Эзры есть хорошие качества. Просто он их... не афиширует.

Я села рядом с ним.

— Твои достижения — это твои достижения, и ты не должен никому позволять... принижать их.

— Я и не собирался.

— Ох. Ну, хорошо.

Эзра взглянул на меня:

— Но спасибо.

— Да без проблем.

— По крайней мере ты заработала те основные пункты для колледжа, о которых говорила. Твое имя под критической журналистской статьей.

Я хмыкнула:

— Я бы предпочла, чтобы этого не было. У Рэйчел стиль прямиком из «Нэшнл Энквайр». Надеюсь, она не пишет свои эссе так же. — Я изменила голос. — Заслуживаю ли я этого? Выдающаяся ученица Рэйчел Вудсон добивается поступления в ваш университет.

Эзра слабо улыбнулся и несколько секунд молчал.

— Так, эм, это ты написала кусок про «недоступно красивый»?

— Нет, точно не я. — Я поняла, как это прозвучало, и почувствовала необходимость продолжить. Мои ботинки неожиданно стали невероятно интересными. — Но надо сказать... это правда.

— Ты считаешь, что я красивый?

Я попыталась говорить небрежно:

— Конечно, в смысле, а кто не считает? Те девахи в спортзале практически пускают слюни каждый раз, когда тыходишь.

— Девахи?

— Ну, девушки в спортзале. Они явно высоко оценивают... — Я неопределенно махнула на тело Эзры. — ...все это.

Он слабо улыбнулся, не размыкая губ, и на мгновение опустил взгляд на газету.

— А что насчет «недоступного»? Похоже на неудачно расположенный общественный туалет.

— Однако это правда. Кое-что весьма неплохо. Ты не слишком-то общительный.

— Я уже говорил тебе. Я не силен в разговорах.

— Сейчас ты разговариваешь.

Он пожал плечами:

— С тобой легко говорить.

Некоторое время мы молчали. У меня в животе что-то порхало. Одинокая бабочка, по какой-то причине волнующая меня.

Когда Эзра заговорил, его голос звучал необычно, на несколько тонов выше, чем всегда.

— Итак, приближается бал выпускников.

— Да.

— Может быть... ты захочешь пойти со мной?

Он смотрел в другую сторону, как будто приглашал стойки ворот.

— Ну... да. Конечно.

Он повернулся ко мне:

— Правда?

— Почему нет?

— Круто. Хорошо. Это круто. Я, эм, еще устраиваю эту штуку после... Вернее, Джордан пытается заставить меня устроить вечеринку... Может, ты и на нее придешь?

— Двойное приглашение. Смело.

— Если хочешь, ты не обязана...

— Я приду.

— Правда?

— Правда.

— А потом, — рассказывал Фостер в машине после тренировки, — мы разыгрываем обманную комбинацию. Я выхожу, чтобы другая команда решила, что мы собираемся заполучить три очка, понимаешь? Но мы этого не делаем! Вместо того, чтобы установить мяч для меня, они посылают его Эзре, тот бежит и — тацдаун!

Мы заехали в «МакАвто» и теперь стояли на парковке расположенных по соседству «Тако Белл» и «Пицца Хат». Остановка сделала бессмысленным вариант обслуживания через окошко, но мне захотелось мороженое в рожке, а их сложновато есть за рулем.

— И что ты должен делать во время всего этого? — спросила я и поймала одинокую каплю, стекающую вниз по моему рожку.

— Стараться, чтобы меня не сбили. Так сказал Эзра.

— Хороший совет.

Фостер окинул меня знающим взглядом:

— Он пригласил тебя. На бал выпускников.

— Пригласил.

— И ты согласилась.

— Согласилась. — Я слабо улыбнулась. — И?

— И... круто. Верно?

— Верно.

— У меня тоже есть пара, — сказал Фостер и сунул в рот горсть картошки-фри.

— О, да? И кто же?

Он прожевал и неразборчиво произнес:

— Гвин Хольтцер.
— Гвин Хольтцер? — повторила я. — Ты хотел сказать Грейси?
— Я хотел сказать Гвин. Старшая сестра Грейси.
— Старшая сестра? Сколько ей лет?
— Она в десятом классе.
— Боже, вот это серьезно. Перескочил на следующий класс Хольтцер. Ты, должно быть, пользуешься спросом.
Фостер промолчал. Когда я взглянула на него, он, нахмурившись, смотрел в окно.
— А как же Марабель? — спросила я после паузы.
— О, она не пойдет.
Он пытался говорить равнодушно, но из-за этого получилось еще более...
нервнодушно.
— Значит... Гвин.
— Гвин.

* * *

Определенно, бал выпускников занимал умы множества людей. На следующий день в столовой Кэс встал за мной в очередь, взял поднос и пакет молока и сказал:
— Итак, какого цвета твое платье?
— Я его еще не купила.
— Ну, дай мне знать, когда купишь. Мы же хотим сочетаться.
Мне потребовалось время, чтобы понять.
— Мы?
— Мы с тобой, кто же еще? — Кэс взял два салата и поставил на наши подносы.
— Двигайся, ты задерживаешь очередь.
Я подвинула свой поднос дальше к основным блюдам.
— Я... Я думала, что ты пригласишь Линдси.
— Почему это? Я всегда хожу с тобой.
— Я знаю, но... — Я сказала Линдси, что повыспрашиваю у него. Так что я устремилась вперед. — Я должна была... Она хочет пойти с тобой. Она сказала мне. И в любом случае, у меня вроде как...
— Вроде как что? — Его улыбка стала шире. — Только не говори, что у тебя уже есть пара.
«Пара». Он так это произнес. С намеком на недоверие. Как будто мысль о том, что у меня может быть пара, казалась абсурдной.
— Вообще-то, да. Есть.
— Кто?
— Эзра.
Улыбка пропала.
— Эзра?
Я дошла до кассира и вручила ей пять долларов, избегая встречаться с Кэсом глазами.
— Ага. Он меня пригласил.
Кэс вернул свою непринужденную улыбку, но я видела, что он обеспокоен такой возможностью.
— Так вы, ребята, теперь встречаетесь или что?
Я пожала плечами. На самом деле я не знала, означает ли совместный поход на бал выпускников возможность следующего свидания. Но что-то в выражении лица

Кэса — сомнение в сочетании с самодовольством — вызвало у меня желание наврать о нас с Эзрой.

Я направилась к столу, Кэс по пятам за мной.

— Когда он вообще начал тебе нравиться? Ты говорила, что он задница.

— Я узнала его лучше.

— Когда?

— Не знаю. — Я принялась за обед. — Может быть, пока ты проводил все время с Линдси?

— При чем тут Линдси?

— Она тебе нравится, верно?

Кэс выглядел нервным.

— Да, она мне нравится.

— Тогда зачем ты приглашаешь на бал выпускников меня? Если кто-то тебе действительно нравится, ты не приглашаешь на танцы кого-то другого.

— Мы всегда ходим вместе, Дев.

— Да, ну, это было до того, как у нас появились... перспективы.

— Перспективы? Что это вообще значит?

— Не знаю. — Я разорвала пакетик с заправкой и начала энергично поливать свой салат. Если бы дело было во времена Джейн, то Кэс был бы мистером Кинкейдом, и он понял бы, что я имею в виду. — Люди, которые нам нравятся. У нас обоих появились люди, которые нам нравятся.

— Значит, тебе нравится Эзра.

— Возможно.

Я даже не знала, правда ли это, но не собиралась рассказывать Кэсу.

— Здорово. — Пауза. — Ну... может быть, я приглашу Линдси.

— Наверное, тебе стоит.

— Ладно.

Секунду он смотрел на меня, как будто провоцируя изменить решение, а потом взял свой поднос и ушел.

24

Новым заданием по английскому в девятом классе стало сравнение литературного произведения и его экранизации. Это был тот потрясающий вид конкурсных заданий, по которым я очень скучала. Эссе в девятом классе были лучшими. Все, что осталось нам в выпускном классе, — это критический анализ, сноски и целые страницы со списком источников. Упаси Боже получать от этого удовольствие.

В мое «рабочее время» на следующей неделе ко мне пришла самая натуральная девица. Я знала ее по урокам физкультуры. Та, которая так нетерпеливо объявила Эзру своим напарником до того, как Фостеру выпал шанс.

— Миссис Чемберс сказала, что ты прочитаешь это, — сказала она, держа пачку листов у меня перед лицом.

— Конечно. Что ты сравнивала?

— «Эмму» и «Бестолковых»¹⁷.

Я моргнула и посмотрела на нее:

— Правда?

17 «Бестолковые» — американская комедия 1995 года, основанная на романе Джейн Остин «Эмма». Действие происходит в Беверли-Хиллз в обычной средней школе.

— Было сказано про экранизацию, — коротко ответила она. — Не уточнялось, какая именно экранизация.

Я взглянула на титульный лист, который поведал мне, что, во-первых, девушку зовут Аманда Джефферс, и во-вторых, Аманда Джефферс не валяет дурака. Заголовок был достоин самой Рэйчел Вудсон — «Эмма против Шер: превращения героини Остен в Америке двадцатого века».

Если бы у меня был ремень безопасности, мне пришлось бы пристегнуться. Аманда Джефферс устроила мне крутое литературное путешествие. Ее работа была хорошо продуманной, стройной, понятной, обстоятельной. Она также была объемом в семь с половиной листов, хотя в задании говорилось только о четырех.

Закончив читать, я подняла на нее глаза:

— Ничего себе. Тебе, должно быть, очень нравится писать.

Аманда пожала плечами.

— Это очень хорошая работа.

— Что я могу изменить?

— В смысле... — Я понятия не имела. Я не могла придраться даже к оформлению. Я бы ни за что не призналась вслух, но эта работа была выше моего уровня.

— Я хочу «отлично», — сказала Аманда, как будто я ее не слышала. — Так что я могу изменить?

— Я бы поставила тебе «отлично», — сказала я. — Я бы не стала ничего менять.

— Всегда можно что-нибудь изменить. Всегда можно сделать лучше.

Я посмотрела на страницы:

— Полагаю... можно немного сжать часть о рассуждениях Эммы.

Она коротко кивнула:

— И?

— И... сделать переходы несколько плавнее?

Учителя английского всегда мне это говорили.

— Здорово. — Она забрала свою работу и, надув губы, нацарапала заметки на верхней странице. — Спасибо.

Потом она взяла свой рюкзак и ушла.

* * *

В выходные мы с Линдси, Лорен и Марией поехали в Гейнсвилль. Очаровательная мисс Реншоу не входила в список людей, с которыми мне хотелось проводить время, но в то же время я понимала, что не имею права испытывать к ней неприязнь. Кэс пригласил меня, а не ее, и я ему отказала. Часть меня считала это справедливым, но другая часть чувствовала себя чрезвычайно виноватой, а еще одна часть испытывала то иррациональное томление, которое сопровождает любую влюбленность с третьего класса, это хроническое «а что, если?». Что, если бы мы пошли вместе и это была бы единственная исключительная ночь, когда он внезапно осознал бы, что любит меня, а я выкинула все это прочь только потому, что Эзра Линли пригласил меня первый?

Но на повестке дня стояли не неврастенические внутренние монологи, а платье для бала выпускников, так что за ними мы и отправились. Мы начали в обыкновенном универмаге с обычной распродажной стойки и после десяти минут поисков вошли в примерочные с охапкой платьев каждая.

Мое первое платье оказалось ужасным. Его выбрала для меня Лорен, и мне было неудобно сказать ей, что, по-моему, оно страшненькое, так что я все равно его

померяла. Как при любом походе в магазин, все сказали, что платье «совершенно очаровательное» и я в нем выгляжу «просто великолепно». Все, что требуется, — соединить парочку приятных прилагательных, и можно использовать их в отношении любого платья, без разницы. То, как платье выглядит в действительности, отходит на второй план во всем этом мероприятии.

Но Линдси действительно выглядела «просто великолепно» в каждом платье, которое меряла. Откровенной, блин, красавицей, тогда как я больше походила на клоуна.

Через некоторое время мы собрались перед примерочной Лорен, чтобы еще раз пересмотреть платья и выбрать те, что понравились больше всего.

— Мне нравится это, — сказала Мария, подняв платье из зеленой тафты. — И Марти тоже идет зеленый.

— Да, и к нему гораздо легче подобрать что-то, чем к этим, — сказала Лорен, показав на пару более ярких (чудовищно красных) платьев.

— Линдси, с кем ты идешь? — спросила Мария, откладывая зеленое платье в сторону.

Лицо Линдси порозовело.

— Вообще-то, у меня пока нет пары.

Это стало для меня новостью. Я думала, что после нашего разговора Кэс помчится к Линдси, чтобы пригласить ее, упав на одно колено.

— Так пригласи кого-нибудь, — сказала Лорен. — Почему нет?

Линдси пожала плечами.

— А ты идешь с Эзрой, да, Девон? — спросила Мария.

В старшей школе новости всегда разлетаются быстро. Я не привыкла быть предметом обсуждений, но, полагаю, заполучить руку капитана школьной футбольной команды — весомый повод для разговоров.

— Таков план, — сказала я.

— Что ты думаешь об этом? — Лорен подняла блестящее синее мини-платье. Мы с Марией соответствующим образом похвалили его, и Лорен выжидательно посмотрела на Линдси.

Но Линдси смотрела на меня. Я видела ее лицо в зеркале, пока держала в руках ужасную бело-розовую атласную вещицу, которую в действительности подумывала купить (со скидкой в сорок пять процентов!), и оно показалось мне каким-то странным.

Лорен позвенела вешалкой:

— Линдси?

— А?

— Что насчет этого?

— Оно милое, — сказала Линдси, и ее лицо автоматически расплылось в улыбке, стирая то странное выражение. Что бы это ни было, оно пропало.

* * *

Мы провели в торговом центре большую часть дня. В итоге я купила то атласное творение с сорокапятипроцентной скидкой. Лорен тоже заимела платье, но Линдси решила продолжать поиски, несмотря на то, что перемеряла множество платьев, которые были словно созданы для нее. Я уверена, что если вырезать в мусорном мешке две асимметричные дыры и надеть его на Линдси, то в следующем сезоне все будут носить мусорные мешки.

Наш день шоппинга завершился забегом в ресторанный дворик. После того как мы разделили жареную во фритюре еду и пустую болтовню, Линдси заявила, что ей

нужен десерт. Лорен и Мария отказались, но прежде чем я успела сделать то же самое, Линдси вскочила и сказала:

— Идем со мной, Девон! Давай посмотрим, что выбрать.

Она взяла меня под руку, пока мы обходили кафешки.

Это напомнило мне сцену из «Гордости и предубеждения» — Элизабет и Кэралайн «прогуливаются по комнате». За исключением того, что Линдси не была Кэралайн, коварной и вероломной. Линдси была просто... Линдси. Счастливый лучик света в стеклянном флаконе.

— Так что ты в итоге надумала про Ридинг? — спросила она, когда мы проходили мимо «Сбарро» в сторону «Молочной королевы».

— Он очень классный, — вынуждена была признать я.

— Мне тоже понравился. На самом деле я думала, что пойду в какой-нибудь большой университет, типа Алабамы или Флориды. Но когда я увидела Ридинг, то поняла: это мое место. Оно на идеальном расстоянии от дома, оно великолепно, аудитории выглядят потрясающе... Я должна подать документы туда, и если смогу получить стипендию, то определенно поеду туда. А ты?

Я кивнула. Интересно, Линдси тоже представляла себя с сумкой через плечо.

— Я тоже.

— О, Девон, это так здорово. — Она стиснула мою руку. — Мы можем жить в одной комнате. Ты понимаешь?

Жить в одной комнате с Линдси Рэншоу. Линдси, в полотенце и тапочках для душа. Линдси и ее неослабевающий поток очарования и радости. Смогу ли я это выдержать?

Более того, смогу ли я выдержать, что Линдси будет видеть меня в моих тапочках для душа? Я взглянула на нее.

С трудом веря, что слова срываются с моих собственных губ, я сказала:

— Я... да. В смысле да. Это было бы круто. Правда?

— О божечки, я так счастлива. — Линдси сжала мою руку. — Девон... ну, ладно, это немножко глупо, но я всегда хотела, чтобы мы лучше дружили. Я видела тебя с Кэсом, и ты просто казалась... Я просто всегда хотела, чтобы мы были ближе. Так что это будет потрясающе.

Кэс. Да. Линдси и Кэс, потенциально встречаются. Линдси и я, потенциальные соседки. Мне придется купить отсекающий звук шлемофон. Или построить бетонную стену вокруг своей половины комнаты. В любом случае, Линдси невозможно отказать. И она сейчас выглядит такой счастливой, и это странно заразно, так что я тоже была вроде как счастлива, несмотря ни на что.

— Потрясающе, — ответила я, и часть меня даже была искренна.

На физкультуре мы все так же занимались футболом — играли двухсторонку во флагбол¹⁸. Для девиц флажки представляли проблему, потому что пояса, к которым они крепились, закрывали полоску голого тела между поясом шорт и краем футболок. Но

18 Флагбол — разновидность американского футбола, его бесконтактная версия, блокировка и захваты запрещены. Цель игры, как и в американском футболе, — занести мяч в зачетную зону соперника. Основное отличие — исключение жестких контактов, спортсмены играют без защитной экипировки. Вместо шлемов и каркасов на поясе каждого игрока прикреплены два флажка. Для того, чтобы остановить игрока, владеющего мячом, достаточно сорвать с него флажок.

поскольку это был их главный козырь, то они компенсировали, подвязав футболки повыше.

Во вторник мы делились на команды, когда мистер Селлерс позвал к себе Эзу. Он стоял с мистером Макбрайдом, главным тренером школьной команды, чуть дальше от нас по полю.

— Интересно, что им надо, — пробормотал Фостер, пока мы оба смотрели, как Эзра идет к ним. Мистер Селлерс и мистер Макбрайд говорили слишком тихо, чтобы их можно было услышать с того места, где мы стояли, а когда Эзра подошел к ним, мистер Макбрайд положил руку ему на плечо.

— Я знаю, в чем дело, — пропел кто-то. Это оказалась слегка беспомощная девица, которая попала в меня мячом в тот день, когда у Фостера обнаружился талант кикера. — Мой папа полицейский. Я знаю, в чем дело.

Я не знала, какое отношение к этому имеет то, что ее папа полицейский, но почти все слушали, даже те, кто — как я — притворялись, что не слушают. Фостер пристально смотрел на нее, словно предупреждая, чтобы она не вздумала сказать что-нибудь плохое про Эзу.

— Какой-то парень попал в аварию. Какой-то парень из... Лейк-Фолс или типа того. Он напился, попал в аварию и умер.

— А при чем тут Эзра? — Мой голос звучал странно напряженно.

— Ну, он был футболистом, — сказала она, как будто это самая очевидная в мире вещь. — Вроде капитаном или типа того. А у нас с ними игра на этой неделе. — Ее глаза блеснули. — Может, Эзру говорят не давить на них, потому что у них горе?

Мгновение я смотрела на нее. Что за противная девчонка.

Потом перевела взгляд на Эзу. Рука мистера Макбрайда все еще лежала у него на плече.

Эзра не выглядел так, будто только что получил известие о смерти. Его лицо было таким же равнодушным, как всегда. Однако глаза — глаза блестели так, как я никогда раньше не видела, причем не в хорошем смысле. Со своего места я видела, что что-то не так.

Может, дело не в смерти? Может, это связано с Кубком? Его выгнали из Кубка? Дисквалифицировали и вычеркнули из списка лучших игроков Америки? Может, они узнали про дурацкую статью Рэйчел Вудсон и каким-то образом поверили в чушь про накручивание показателей?

— Уверен, что дело не в этом, — сказал Фостер, сердито глядя на девицу. — Уверен, что он просто понадобился им для интервью или чего-то такого. Уверен, дело совсем не в этом.

Девица пренебрежительно взглянула на Фостера и вернулась к своим друзьям.

Я подвинулась ближе к Фостеру.

— Наверное, ты прав, — сказала я, но не знала, сколько в этом правды.

После разговора с мистером Селлерсом и тренером Эзра не вернулся. Вместо этого он развернулся и направился к командной раздевалке. У них было собственное здание — маленькое одноэтажное бетонное строение рядом с полем.

Я посмотрела на Фостера. Мы оба отделились от класса и пошли в ту сторону, стараясь не попадаться на глаза мистеру Селлерсу.

Фостер сразу вошел в раздевалку. Я немного помедлила. Я не знала, когда именно дела Эзры стали нашими, но каким-то образом стали. Так что я последовала за Фостером.

— Эзра?

Раньше я никогда не бывала в командной раздевалке. Единственное отличие, которое я заметила, — это отсутствие шторок в душе, что было необычно. И, конечно, множество писсуаров — фу, гадость.

Эзра стоял перед открытым шкафчиком спиной к нам.

— Это правда? — спросил Фостер. — Была авария?

— Да. — Эзра повернулся. В руках он держал тренировочную толстовку. Его глаза были сухими. — Да, погиб капитан Лейк-Фолс.

— О нет, — озвучил Фостер то, что не могла я. У меня внутри все застыло. — Как?

— Автомобильная авария. Они думают, что он был пьян.

— Ты его знал? — спросил Фостер.

— Мы пару раз вместе ездили в лагерь.

— Вы дружили?

Пауза.

— Да.

— Блин, — сказала я.

— Хочешь поплакать? — спросил Фостер.

— Фостер. — Выговаривать Фостеру у меня получалось естественно почти в любой ситуации.

— Я просто сказал. Многие парни считают, что плакать типа социально неприемлемо. Но если хочется, можно поплакать. Потому что это тупость.

Эзра коротко взглянул на меня:

— Я в порядке.

— Если хочешь, можем пойти к нам, — продолжал Фостер. — У меня есть продолжение про Билла и Теда.

— Все хорошо. Я в порядке. — Эзра бросил толстовку на дно шкафчика. — Вы, ребята, идите. Я сейчас выйду.

Мы оба задержались. Голос Эзры звучал обычно, но что-то в его глазах противоречило словам.

— Я в порядке, — сказал он, в его голосе слышалась твердость. — Идите, ладно?

— Конечно. — Я вытолкала Фостера перед собой. — Ждем тебя снаружи.

Новость быстро распространилась по школе, и к концу дня почти все слышали о случившемся. Лейк-Фолс находился всего через один город от Темпл-Стерлинга. У многих там жили друзья, и некоторые, несомненно, знали погибшего мальчика. Его звали Сэм Уэллс, я узнала это на седьмом уроке — математике. Он учился в выпускном классе и три года играл в стартовом составе школьной команды, и у него уже была договоренность с Университетом штата Флорида.

— Ох, Девон.

После последнего урока я проходила мимо стоявших в коридоре Кэса и Линдси. Линдси бросилась меня обнимать.

— Просто ужас, да?

Я обняла ее в ответ — а что еще мне оставалось делать? — и сказала:

— Да. Ужас.

— Представить не могу. — Она отстранилась. — Я все время думаю о ребятах из той команды... Как бы мы себя чувствовали, если бы потеряли своего капитана...

Ее глаза наполнились слезами. Кэс крепко обнял ее. Я отвела взгляд.

* * *

— Мы должны пойти на церемонию прощания, — сказал Фостер, когда я забирала его после тренировки. — Отдать дань уважения. Так сказал тренер. Это в четверг днем. Ты меня отвезешь?

— Конечно.

— У меня нет костюма.

— Думаю, ты можешь надеть один из папиных, — пробормотала я, выезжая на дорогу. — Не знаю, подойдут ли они тебе, но можно попробовать.

— Я не хочу носить его одежду, — сказал Фостер.

— Почему нет?

Я взглянула на Фостера, но он отвернулся к окну.

Минуту он молчал, а потом сказал только:

— Потому что они не подойдут.

* * *

Для церемонии прощания Фостер выбрал рубашку с галстуком. Я не стала одеваться официально, но я и не собиралась заходить внутрь. У меня было мало общего с Сэмом Уэллсом, чтобы я считала правильным присутствовать там.

Стоянка была забита, и единственное место, которое мне удалось найти, находилось дальше по улице. Поставив машину на ручник, я посмотрела на Фостера. Он пялился на приборную доску.

— Ты в порядке? — спросила я.

Он кивнул и в следующее мгновение вышел из машины и пошел к похоронному бюро.

Я прождала совсем немного, когда по тротуару быстро прошел Эзра.

Дойдя до стоянки, он остановился, немного постоял, а потом быстро развернулся и пошел обратно по направлению ко мне. На одну бредовую секунду я подумала, что он идет к моей машине, идет увидеться со мной, но он даже не поднял головы, проходя мимо.

Он припарковался дальше по улице. В боковое зеркало я видела, как он подошел к своему пикапу. Однако он не сел внутрь. Он просто стоял, уперевшись ладонями в дверь и опустив голову. Я наклонилась ближе к зеркалу, чтобы получше видеть, кажется, он разговаривал сам с собой.

Не знаю, почему я сделала то, что сделала, но я вышла из машины и пошла вдоль дороги.

Не думаю, что он слышал меня, но по мере приближения я слышала его. Приглушенно, но тем не менее разборчиво, Эзра считал вслух:

— Пятьдесят семь, пятьдесят восемь, пятьдесят девять, шестьдесят, шестьдесят один...

— Эзра?

Он резко выпрямился, чуть не споткнувшись о бордюр за спиной. И когда он посмотрел на меня, то сделал это как раньше... как будто ему потребовалось время, чтобы узнать меня. Но в этот раз было по-другому, не как обычно. На этот раз он выглядел поглощенным своими мыслями, как будто не узнал бы любого, кто ему встретится.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

Я не знала, имеет он в виду здесь — на церемонии прощания или здесь — на тротуаре.

— Я привезла Фостера, — выдала я обобщенную формулировку.

— Почему ты не внутри?

— А ты?

— Я не хочу слушать про него. Он был долбаным идиотом.

— Эзра.

— Да. И ты это знаешь, и я это знаю, и все это знают, но мы просто должны стоять там и слушать, как люди говорят, какая это трагедия. Но это не трагедия. Трагических смертей нельзя избежать, а смерть Сэма можно было бы.

Я не знала, что сказать, и не была уверена, что сказала бы Джейн. Романтика определенно была характерна для ее работ, но в ее книгах присутствовала и жестокая правда: иногда все получается не так, как мы того хотим. Иногда случаются потери. Иногда твоя сестра выходит замуж за отвратительного человека. Так что, возможно, Джейн просто признала бы, что в словах Эзры был некий смысл.

— Извини. — Он посмотрел обратно на похоронное бюро. — Я, наверное, говорю как полная задница.

— Я не очень компетентна в говорящих задницах, — отозвалась я, не подумав. — Ограниченный личный опыт.

Уголок губ Эзры приподнялся, примерно на полсекунды.

— Что... что ты делал? — Я показала на машину, как будто она обозначала странное поведение Эзры. — Считал?

Он просто покачал головой и продолжил молчать.

— Я могу пойти с тобой, — сказала я. — Если ты хочешь увидеть его.

— Не хочу. Это плохо?

Я сглотнула:

— Нет. Нет, не думаю.

— Это слишком. — Он снова покачал головой. — Я не... Я не могу...

Эзра замолчал, и когда он посмотрел на меня, я подумала, что он может заплакать. Я ощутила мгновенную потребность не допустить этого. Я могла бы отпустить еще одну неудачную шутку, но в голове было пусто.

Я никогда не теряла друга. Бабушек и дедушек, когда была совсем ребенком. Дядю, которого едва знала. Но я не знала, каково это — потерять друга, даже не близкого. В моей жизни присутствовало много людей, с которыми я не была близка, но даже потерю одного из них — Рэйчел Вудсон или Марии Сильва — я не могла вообразить.

Я сошла с тротуара, приблизилась к Эзре и обняла его. Он не обнял меня в ответ, и несколько секунд я чувствовала себя идиоткой, но потом он сомкнул руки вокруг меня и прижал ближе. Он был выше меня, мое лицо как раз поместилось в сгиб его шеи.

— Ты в порядке? — наконец спросила я, не отпуская его.

— Угу.

Я ощущала, как его голос эхом отдается в грудной клетке.

— Уверен?

— Нет. — Пауза. — Может, постоим так еще немного?

— Хорошо.

Так мы и стояли. И это было не столько объятие, сколько моя попытка действием выразить то, что я не могла сказать словами. Мне хотелось, чтобы Эзра не выглядел таким несчастным. Мне хотелось, чтобы он чувствовал себя в безопасности так же, как мы с Фостером чувствовали себя в безопасности рядом с ним.

Эзра несколько раз глубоко вдохнул, а потом снова начал считать.

Я не останавливала его. Не задавала вопросов. Я не понимала, но в данный момент и не чувствовала необходимости понимать. Я просто хотела, чтобы Эзра был в порядке.

* * *

Мы уже вернулись с церемонии прощания домой, и через некоторое время я обнаружила Фостера под кухонным столом.

Обнаруживать Фостера в странных местах уже стало привычным, например, сидящим в пустой ванне, или корзине для белья, или в шкафу для одежды. Но лежащим под столом в кухне — это что-то новенькое. Так что я подошла и уселась на пол, обняв руками колени и опираясь спиной на посудомоечную машину. Она работала, и кухню заполняли громкие звуки полоскания.

— Дев, он выглядел, как будто спит, — сказал Фостер после долгого молчания. — Сэм Уэллс. Он выглядел, как будто просто спит. Там было столько людей, что они заполнили три огромных помещения.

— Полагаю, он был важен для многих людей.

— Если бы ты умерла, что бы ты хотела чтобы о тебе говорили?

Я поняла, что это один из тех вопросов Фостера, на которые не требуется ответа, поэтому позволила ему продолжать.

— В смысле, тебе бы хотелось, чтобы люди говорили о тебе всю эту вежливую фигню или чтобы они говорили правду?

— Правду?

— Настоящее. Иногда ты слишком громко разговариваешь. И бесишься без причины. И иногда ты слишком критична к людям, которые этого не заслуживают.

Я не рассердилась, отчасти потому, что Фостер размышлял о чем-то своем, отчасти потому, что это правда.

— И если ты вдруг умрешь, то это не будет значить, что эти черты не были частью тебя. Но люди не будут говорить о настоящем.

— Они хотят сосредоточиться на хорошем, — сказала я.

— Его убило не хорошее. — Он помолчал. — Он поступил очень глупо, Дев. Но люди не могут этого сказать. Такое не принято говорить.

Я не ответила.

— Если бы Эзра умер, ты бы продолжала называть его придурком?

— Не говори так.

— Вечно ты так говоришь. Ты всегда говоришь мне, чего не говорить, но я всего лишь говорю правду, и я не понимаю, что в этом плохого. Если бы Эзра умер, мне бы хотелось, чтобы ты продолжала звать его придурком, если действительно так считаешь. Если человек умер, это еще не значит, что его смерть должна изменить твоё отношение к нему или то, каким он был на самом деле. То, что его не стало, не значит, что он не был плохим человеком или никогда не терпел неудач.

До меня дошло. Как будто лампочка загорелась, или что-нибудь менее шаблонное.

— Фостер...

— Не говори про мою маму. Ни единого слова.

— Что, если я просто хочу сказать правду?

Настала его очередь молчать. Его губы сердито кривились, а глаза не отрывались от внутренней стороны столешницы.

— Если бы она умерла, мы бы не забыли, как она поступила с тобой. Никогда. Мы бы могли даже немного ненавидеть ее, даже если бы она умерла.

Фостер сглотнул, но не посмотрел на меня.

Молчание длилось довольно долго, а потом он сказал:

— Он мог бы ей помочь.

Посудомоечная машина выключилась, и тишина давила на нас.

— Что?

— Твой папа мог ей помочь. Прежде чем она зашла так далеко. То, что мой папа умер, не значит, что он не мог ей помочь.

— Не думаю, что они знали... В смысле, не думаю, что кто-либо знал, насколько далеко все зашло.

— Если бы ему было не все равно, он бы знал.

Я не могла говорить за своего папу. Но я знала, что тут замешано горе. Может, ему следовало чаще звонить. А может, к тому времени, как они поняли, что что-то не так, было уже поздно.

Но кто я такая, чтобы говорить Фостеру о горе? Что я о нем знаю?

Мне потребовалась минута, чтобы собрать достаточно слов для предложения.

— Не думаю, что ты должен винить его за все это. — Я сглотнула, горло внезапно сжалось. — Не думаю... Это поможет?

Голос Фостера был хриплым.

— Так легче. Чем винить ее.

Я кивнула, и мы продолжили сидеть в молчании.

Неприятная девица на уроке физкультуры оказалась права: игра с Лейк-Фолс была назначена на пятницу после церемонии прощания с Сэмом Уэллсом. Не думаю, что кто-либо на самом деле знал, как быть. Можно ли проводить ее как обычно? Могут ли группы поддержки поддерживать? Может ли толпа так же гудеть, есть хот-доги, так же кричать и сходить с ума?

Похоже, они могли, потому что так и делали. Перед игрой объявили минуту молчания в память о Сэме Уэллсе. Но когда она закончилась, все, кажется, вернулось к обычному состоянию.

Наша команда вышла на поле с обычным решительным видом, но что-то в сегодняшней игре пошло не так. Они играли халтурно.

И каким-то образом чем халтурнее играла команда, тем лучше играл Эзра, тем быстрее он обходил защитников, тем дальше гнал себя. Он играл поразительно, и к концу первой половины Темпл-Стерлинг опережал соперников на четыре тачдауна. Лейк-Фолс, несмотря на небрежную игру Темпл-Стерлинга, не подошел к нашей очковой зоне даже на двадцать ярдов.

На бровке мистер Харпер фотографировал и наших игроков, и чужих — уверена, что на этой неделе спортивный раздел будет организован немного по-другому. Дань уважения Сэму или что-нибудь такое. Стойкость команды, оставшейся без капитана.

Что в буквальном смысле случилось с Темпл-Стерлингом. Когда команда вернулась на вторую половину, Эзру на поле не выпустили.

— Выпустите меня.

Я стояла достаточно близко, чтобы слышать, как Эзра спорит с мистером Макбрайдом.

— Ты пока не играешь.

— Почему?

— Не нравится — можешь просидеть всю вторую половину, ясно?

— Вы издеваетесь?

Эзра бросил шлем на землю. Я никогда не видела его в такой ярости. На самом деле, я вообще никогда не видела, чтобы он был в ярости. По эмоциональной шкале от одного до десяти, где один — кататонический ступор, а десять — полномасштабная дневная мыльная опера, Эзра обычно находился где-то около трех.

— Слушай. — Мистер Макбрайд подошел к Эзре вплотную и угрожающе понизил голос. — Если не хочешь сотрудничать, можешь просидеть и следующую игру. Что бы ты там ни думал, тебя можно посадить на скамейку запасных, как любого другого.

— Дело не в этом. — Эзра с трудом контролировал голос.

— Можешь идти, Линли. — Мистер Макбрайд был непреклонен. — У нас тут игра.

— И я играл! — взорвался Эзра. — Я единственный, кто играл там! Вы что, не видите, что они делают?

Мистер Макбрайд поднял шлем Эзры и пихнул ему в грудь.

— Возьми себя в руки, — только и сказал он, после чего унесся советоваться с тренером защитников.

К Эзре подошел тренер нападающих, мистер Эванс. Я слышала, как он тихо говорил о том, как важно в таких ситуациях вести себя «благородно» и как он беспокоится, что это может выглядеть так, будто наша команда воспользовалась положением Лейк-Фолс, чтобы поднять показатели.

Как и говорила Рэйчел. Политика.

— Сбавь обороты, — сказал мистер Эванс. — Сегодня поиграют все, понятно? Это только честно.

Эзра не ответил. Он просто вцепился в свой шлем, отказываясь встречаться глазами с мистером Эвансом.

Пока Эзра дулся на боковой линии, Лейк-Фолс дважды забили в третьей четверти и еще дважды в четвертой. Реализация двух очков сделала счет 29:28 в пользу Лейк-Фолс. Когда Лейк-Фолс начали забивать, наши тренеры отозвали с поля зеленых игроков, но Эзра в игру так и не вернулся.

На часах оставались считанные секунды, и стало ясно, что единственной возможностью выиграть для Темпл-Стерлинга остался филд-гол. Расстояние было немаленьким, но Фостер забивал и с большего. Тренер хлопнул его по спине, и Фостер, бросив быстрый взгляд на Эзру, выбежал на поле.

Игра возобновилась. Игроки нападения рванули вперед и столкнулись с защитниками Лейк-Фолс. Розыгрыш, линия нападения снова рванула вперед и снова столкнулась с защитниками Лейк-Фолс. Фостер выбежал вперед и ударил по мячу. Удар выглядел хорошим, мяч, вращаясь вертикально, летел по дуге прямо к воротам.

Но не долетел.

Время истекло. Команды пожали друг другу руки. Все, кроме Эзры, который стоял, повернувшись спиной к полю.

Когда мы уходили с поля, я несла сумку Фостера. Он, как обычно, семенил рядом, но сегодня не слышалось его постоянных комментариев: «Эзра поймал тот пас, ты видела этот пас, ты видела его тачдаун?» Фостер молчал.

По крайней мере до тех пор, пока мы не дошли до машины, тогда он посмотрел на меня и сказал:

— Сэм был как любой из нас. Как Джордан, или Маркус, или Реджи, и тогда на их месте были бы мы.

Я кивнула, «да» застряло у меня в горле.

Наша машина стояла рядом с пикапом Эзры. Я не осознавала, что он идет следом, пока не услышала, как его сумка стукнула о днище кузова.

— Хорошая игра, — сказал Фостер.

— Мы проиграли.

— Они нас побили, — пожал плечами Фостер.

Эзра фыркнул.

— Что-то не так? — спросила я.

— Да. Он специально промахнулся. — Глаза Эзры сверкали. — Мы бы выиграла, но ты специально все запорол.

— Нет, — сказал Фостер.

— Да. Не гони мне. Специально.

Фостер просто стоял, глядя на Эзру, как на незнакомца.

— Фостер, садись в машину, — сказала я через мгновение, стараясь сохранять хладнокровие. — Давай.

Я бросила его сумку на заднее сиденье и стояла, пока Фостер не закрыл переднюю дверь. Потом я потянула Эзру за его пикап, чтобы Фостер нас не видел. Со стадиона выходили последние задержавшиеся зрители, но в общем и целом на стоянке было тихо.

— В чем, черт возьми, твоя проблема?

— Он слил игру.

— Да. Он неудачно ударил. Такое случается. Не каждый может быть лучшим игроком Америки, Эзра.

— Да при чем тут лучший игрок Америки?! — взорвался Эзра. Словно салют М-80 осветил ночное небо. — Он мог попасть, он сто раз это делал!

— Может, он нервничал.

— Он не нервничает!

— Что ж, может, это к лучшему, а?

— К лучшему? Когда это проигрыш был к лучшему?

— Когда другой команде нужна победа! Их капитан погиб, Эзра, но им пришлось выйти на поле и сыграть свою первую игру без него.

— О, так мы должны просто дать им выиграть? От этого им станет легче? Наша команда явно сильнее, но поскольку Сэм напился и въехал в дерево, мы подарим им эту игру. Это ты хочешь сказать?

— Я говорю не об этом...

— Никто не заслуживает победы только потому, что с ними случилось что-то плохое. Вы заслуживаете победу, потому что вы лучше, чем другая команда, а мы лучше них, мы могли бы спокойно их обыграть, я бы мог спокойно их обыграть!

— Я не говорю, что мы должны были сливать игру, — сказала я, с трудом сохраняя вежливость, как поступили бы лучшие героини Джейн.

— Ну так мы слили. Фостер слил этим своим ударом.

— Не смей говорить ни слова про Фостера. — Больше сдерживаться я не могла. — Он не сделал ничего плохого. Это ты вел себя как идиот! Ты все время говоришь, что дело не в выигрыше, дело не в показателях, но как только тебя посадили на скамью запасных, ты психанул. И ты любишь скромность и сдержанность, и тем не менее ты настолько тщеславен, что думаешь, будто можешь в одиночку сделать игру. Но это не так, и они проиграли, и ты проиграл, и тебе придется смириться с этим и оставить Фостера в покое, потому что он не сделал ничего, чтобы заслужить грубость от кого бы то ни было, а тем более от тебя.

Эзра не ответил. Несколько секунд он просто стоял, а потом сел в свой пикап, даже не взглянув в мою сторону. Хлопнул дверью, завел двигатель и уехал.

В некоторых из своих романов Джейн пишет о напряжении. Тогда это значило не совсем то же, что сейчас; сейчас вы думаете о теле: о предельных нагрузках на мышцы, о сильной умственной нагрузке. Физическое и умственное напряжение. Но у Джейн в «Чувстве и чувствительности» напряжение носило эмоциональный характер, когда Элинор узнает, что ее возлюбленный помолвлен с другой, она прикладывает огромные усилия в присутствии других людей, чтобы не выдать свои истинные чувства — свою истинную печаль. Ее напряжение означает, что она ведет себя, как будто все прекрасно, чтобы никто не заподозрил в ней тех страданий и сердечной боли, которые считались неподобающими по отношению к чужому нареченному.

Дорога домой этим вечером потребовала напряжения. Я не проронила ни одной слезы. И не произнесла ни одного слова.

Только на подъездной дорожке я посмотрела на Фостера.

— Я считаю, что ты играл очень хорошо, — сказала я идеально ровным голосом.

Он тряхнул головой:

— Я мог бы и лучше. Мы все могли бы лучше.

— А он придурок. Он просто...

— Он не должен был так разговаривать с тобой.

— Он не должен был так разговаривать *с тобой*, — сказала я и уставилась на гараж, надеясь, что Фостер не заметит, как блестят мои глаза. — Предполагалось, что вы, ребята, друзья. Друзья так не поступают.

— Может, если у них что-то случилось. Может быть, тогда поступают.

— Не защищай его. Я знаю, он для тебя вроде ролевой модели, но просто... не защищай.

— Не он. — Фостер завозился с ремнем безопасности. — Ты.

Я не знала, что сказать. Правильно было бы поблагодарить, но я подумала, что не смогу этого сделать, не разрыдавшись. Так что я просто кивнула и еще усерднее заморгала, глядя на гараж.

В кухне мы разошлись. Фостер пошел в гостиную поздороваться с моими родителями, а я поднялась наверх. Мне не хотелось разговаривать.

В своей комнате не было необходимости сдерживаться, и я расплакалась.

* * *

На следующее утро я проснулась рано с явной тяжестью в груди.

Я злилась на Эзру за то, что он вел себя так непонятно, но злилась и на себя тоже за собственное поведение. Мне казалось, что я поступила справедливо, но в то же время... справедливо ли? Было что-то совсем не похожее на Джейн в том, что я сказала и как я это сделала. Я могла бы остаться спокойной, собранной и логичной. Я могла бы... соблюдать приличия. Но вместо этого я обозвала Эзру Линли тщеславным и сильно нагрубила.

Это было странное сочетание смятения и ощущения, словно... словно я что-то разрушила. Как будто мы с Эзрой оба что-то разрушили, но я даже не была уверена, что именно. Я просто продолжала думать о том, как стояла с ним на улице во время церемонии прощания с Сэмом Уэллсом. О том, как долго мы стояли там вместе и как, несмотря на то, что это не были счастливые объятия, мы все-таки... подходили друг другу.

Через некоторое время раздумий об одном и том же я услышала, как открылась и закрылась входная дверь.

Я встала и пошла вниз.

Я стояла в гостиной и подглядывала в окно. Фостер сидел на верхней ступеньке крыльца. Сегодня никаких петляющих кругов по лужайке.

Я взглянула на часы — четырнадцать минут седьмого.

Верный своему расписанию, в начале улицы показался бегущий Эзра. При виде него у меня в животе что-то сжалось. Остановится он ради Фостера? Более того, присоединится ли к нему Фостер?

Эзра не пробежал мимо нашего дома — я была почти уверена, что он это сделает. Вместо этого он замедлился и прошел по дорожке, остановившись перед Фостером.

Я не слышала, что он говорил, но Фостер подвинулся, и Эзра сел рядом с ним.

Некоторое время они сидели спиной к окну. А потом встали и побежали по улице бок о бок.

Я сходила в душ. Я сделала тосты. Все это время притворяясь, что не прислушиваюсь, ожидая Фостера.

— Что он сказал? — не удержалась я, когда он вошел в дверь.

— Любопытная, — ответил Фостер. Его волосы были мокрыми от пота, а лицо красным. — Он извинился.

— И ты его извинил? Вот так просто?

Фостер пожал плечами, качнулся вперед-назад и сказал:

— Я сказал, что ему надо бы зайти и поговорить с тобой.

Я засмеялась:

— Не нужно мне одолжений.

— Он не захотел.

— Не сомневаюсь.

— Но не потому, что он не жалеет... Просто это труднее, понимаешь? Потому что ты девочка.

— И что?

— То, что с девочкой это труднее. Когда замешаны... чувства и все такое.

— Чувства и все такое? — повторила я.

Он опять пожал плечами.

— Забудь. Я не хочу с ним разговаривать, — сказала я, хотя это, возможно, и не было правдой.

Фостер просто смотрел на меня, как будто знал, что это не так, а потом развернулся и пошел наверх.

* * *

Я ненавидела физкультуру на этой неделе. Футбол закончился, и мы начали баскетбол. В баскетболе одновременно происходит слишком много: ты должен бежать и вести большой круглый мяч, потом передавать его и бросать в малюсенькое кольцо на высоте десяти футов. Не мой спорт. Но плохо мне было не только из-за баскетбола. Плохо было от того, что приходилось видеть Эзру.

Я знала, о чем говорил Фостер: как бы я ни отказывалась это признавать, чувства были. Я не знала наверняка, что это за чувства, но точно знала, что если бы их совсем не было, то было бы гораздо легче просто подойти и поговорить с ним. Но вместо этого я испытывала потребность смотреть в противоположную сторону всякий раз, когда Эзра приближался ко мне в спортзале.

Во время отработки передачи одна из девиц бросила мяч Эзре, и он проскакал мимо него в непосредственной близости от меня. Вместо того, чтобы поступить как всякий нормальный человек — поднять мяч и вернуть его им, — я резко развернулась, собираясь пойти в противоположном направлении. И тут же получила другим баскетбольным мячом прямо по лицу.

Я не представляла, что будет так больно, но думаю, примерно так ощущалась бы пощечина. На мгновение я крепко зажмурилась, прижав к лицу ладонь, и в течение одной ужасной секунды была уверена, что разревусь. Рефлекторный плач, как делает ребенок, когда слышит громкий звук.

Но я сумела сдержаться, а когда снова открыла глаза, передо мной появились Грейси Хольтцер и еще несколько девиц. Грейси обняла меня одной рукой.

— Ты как? Больно? Маделин, иди стукни Джеймса.

Я смотрела, как долговязая девица подошла к коренастому защитнику, которого я знала только как Кеньона, и ударила его по руке.

— Это тебе за то, что ударил Девон, — крикнула Грейси.

— Да блин, — сказал Кеньон. — Я нечаянно.

— Извини, и что теперь? — сказала Грейси с убийственным выражением лица.

— Извини, — буркнул Кеньон.

— Так-то лучше. — Грейси повернулась ко мне. — Дай-ка посмотрю. — Она отвела мою руку от лица. — О, все не так плохо. Просто чуть-чуть розовое. Дать тебе тональник? Или лед? Сначала лед, потом тональник?

Это волновало меня меньше всего, потому что в этот момент я поняла, что прямо позади нас стоит Эзра. Меня охватило немедленное желание убраться оттуда.

— Все хорошо, все хорошо, — сказала я Грейси. — Спасибо, я просто пойду...

И я смылась в безопасность женской раздевалки. Никаких летающих баскетбольных мячей. Никаких неловких столкновений.

Я осматривала свое лицо в зеркале. Оно действительно немного порозовело вокруг глаза. Я дотронулась до кожи и поморщилась. Только этого мне не хватало. Сувенир из спортзала.

— Ты в порядке?

Я вздрогнула и резко развернулась.

— Боже, ты меня напугал.

Я не заметила в зеркале, как подошел Эзра. Слишком отвлеклась на собственное отражение.

— Извини. Просто... хотел убедиться, что ты в порядке.

— Все хорошо. Тебе нельзя здесь находиться.

— Ты же заходила в мужскую раздевалку, — сказал Эзра. — Если помнишь.

Я помнила. Но не имела никакого понятия, что на это ответить. Так что между нами повисло молчание, хотя Эзра не сдвинулся, чтобы уйти.

— Нам не обязательно говорить об игре, — наконец сказала я. — Фостер сказал, что ты не хотел.

— Я... я не это сказал.

— А что ты сказал?

Эзра не ответил. Он, нахмурившись, смотрел на блестящую розовую спортивную сумку от Victoria's Secret на скамейке справа от меня.

У меня в груди что-то полыхнуло: раздражение, или разочарование, или и то, и другое. Он явно способен выражать свои мысли. На стоянке после игры он сделал это громко и четко. Так почему он молчит сейчас, почему говорить должна я? Это нечестно.

— Давай просто притворимся, что ничего не было, — коротко сказала я. — Нажмем «сброс» или типа того.

— Сброс?

— Да. Сотрем все с доски. Отмотаем назад. Что угодно.

— На сколько?

— Что?

— На сколько отмотаем назад?

— Не знаю, Эзра, может, достаточно далеко, чтобы при встрече ты мог опять делать вид, будто не знаешь, кто я такая, так тебе станет лучше?

На его лице мелькнуло удивление.

— Я не... это не... — Но он не закончил. Он просто посмотрел на спортивную сумку, а спортивная сумка вызывающе сверкнула на него. — А как же бал выпускников? — наконец произнес он. — Ты все еще...

О да. Целый вечер гробовой тишины с Эзрой — то, что доктор прописал.

— Нет, — сказала я, и возможно, получилось грубо, возможно, я поступила ужасно, но я разозлилась и... была смущена, и не могла вынести мысли о том, что весь вечер будет проникнут этой неловкостью.

Эзра просто кивнул. Без возражений. Он, наверное, испытал облегчение.

Я прошла к своему шкафчику, открыла дверцу, достала спортивную сумку и начала копаться в ней, давая понять, что разговор окончен. Прогоняя Эзру. Он постоял еще мгновение и, возможно, сказал бы что-нибудь, если бы я повернулась к нему. Но я не повернулась, и он не сказал. Он просто ушел.

Я опустилась на ближайшую лавку. Лицо до сих пор болело, но теперь появилась и другая боль — ужасное ощущение того, что я разрушила что-то между нами.

Ненавижу физкультуру. Я накручивала себя весь обед.

— И тогда Дженна сказала «углерод», а я сказал «магний», и мы все... Эй, ты даже не слушаешь. — Кэс смотрел на меня с другой стороны стола, между нами стояли два красных подноса, полных жирной пищи. — Ты в порядке?

— Что?

Он помахал у меня перед лицом куриным наггетсом.

— Ты какая-то рассеянная.

— Я в порядке.

После инцидента, связанного с балом выпускников, мы мало разговаривали. Когда в прошлом между нами возникали разногласия, алгоритм состоял в том, чтобы вести себя так, будто никакого конфликта не было и все хорошо, и тогда все станет хорошо. Обычно это срабатывало, но сегодня было по-другому.

— Слушай, Дев, насчет бала выпускников... если ты хочешь идти с Эзрой, то я не против.

Это последнее, чего я хотела услышать в ту минуту, поскольку только что успешно разрушила идею нашего с Эзрой совместного похода. Все, что я могла, это резко ответить:

— Я так счастлива получить твое разрешение.

— Я просто говорю, что не против.

— Меня не волнует, против ты или нет.

— Ты чего такая странная? — нахмурился Кэс.

— Не знаю. — Я бросила свой сэндвич. — Не знаю. Просто... Мне плевать на бал выпускников. — Я отодвинулась от стола. — Извини.

Я схватила свой поднос, выбросила его содержимое в мусорку и ушла.

Вечером я пошла в магазин купить кое-что для мамы и для себя. Смущающие вещи, такие, как ежедневные прокладки и шампунь от перхоти, которые покупаешь, только когда одна.

Ряд с «предметами женской гигиены» всегда приводил меня в замешательство, потому что магазины постоянно располагали прокладки и тампоны рядом с подгузниками, детским питанием и презервативами. Как будто все, что имеет отношение к матке, должно находиться в одном ряду.

Когда я подошла, проход пустовал. Я схватила смущающе большую упаковку прокладок и начала уходить, как вдруг услышала:

— Чемпион?

Я застыла прямо посреди прохода.

Быстро схватив с полки первое, что попало под руку, чтобы спрятать прокладки, я развернулась и увидела Джордана, пряча корзину за спину. Она ударилась о мои бедра сзади, пока я сделала несколько шагов, чтобы отойти от ярких упаковок. Я знала, что это глупо. Поскольку, полагаю, Джордан вряд ли пребывал в неведении относительно существования менструаций. Но если я не хотела покупать прокладки в магазине вместе с мамой, то уж точно не хотела делать это в присутствии Джордана Хантера.

Но Джордан только легко улыбнулся мне.

— Привет, Чемпион.

Его совершенно не беспокоило, что мы встретились здесь.

— Привет, — пискнула я и прочистила горло. — Как дела?

— Неплохо. Просто заехал купить кое-что для фермы. — Он показал на бумажку, приклеенную к ручке тележки, явно список покупок. Я быстренько взглянула на содержимое тележки: несколько пачек кукурузных хлопьев, упаковка молока, дюжина яиц. Стандартный набор, кроме небольшой черной прямоугольной коробочки, лежавшей на пачке спагетти. Я знала, что это, и поняла, почему он оказался в этом ряду.

Джордан заметил, на что я смотрю, и, закрыв рот ладонью, громко прошептал:

— Это не для фермы.

— Добавляешь неучтенные предметы?

— Я птица вольная, — улыбнулся Джордан.

Гордясь тем, как успешно продвигается разговор, я опустила взгляд на собственную корзину и поняла, что именно схватила, чтобы прикрыть прокладки. Я чуть не подавилась. Подгузники для взрослых.

Я попыталась по возможности еще больше спрятать корзину. Джордан, кажется, не заметил.

— Итак, — сказал он, толкая тележку по проходу. Я пошла рядом. — Тебя не было на вечеринке на прошлой неделе.

— Да... да, я была занята.

Я торопливо сунула подгузники для взрослых на пустое место на полке, которую мы проходили, и вместо них схватила большую бутылку шампуня. Мы повернули в ряд с чистящими средствами, и Джордан притормозил перед кондиционерами для белья.

— Как Фостер?

Спрашивает о моей семье. У Джордана был класс, который оценила бы Джейн.

— У него все хорошо.

— Надеюсь, он не слишком расстроился из-за игры.

Джордан выбрал кондиционер и бросил его в тележку.

— Ну... Думаю, он считает, что мог бы сыграть лучше, но, наверное, так всегда думаешь, когда проигрываешь.

— Да, обычно так и есть.

Мы повернули в отдел замороженных продуктов. Джордан молча выбирал полуфабрикаты для микроволновки.

— Джордан?

— Да.

Я не смогла удержаться от вопроса. Игра с Лейк-Фолс — и окружающая ее драма — не выходила у меня из головы.

— Как ты считаешь, Лейк-Фолс заслужили победу?

Джордан ответил не сразу.

— Зависит от того, что ты имеешь в виду. Считаю ли я, что они заслужили победу из-за того, что с ними произошло? Или считаю ли я, что они заслужили победу, потому что более сильная команда?

— Не знаю. И то, и другое.

Он посмотрел на меня:

— Нет на первый вопрос. Да — на второй.

— У них не слишком хорошая статистика. Ты не... Ты не считаешь, что команда Темпл-Стерлинга сильнее?

— Конечно считаю. Но неважно, что я считаю, важно, что происходит на поле. А в тот вечер мы проиграли. Значит, тем вечером сильнее были они.

— Но если бы Эзру выпустили, вы могли бы выиграть.

— Это было бы грубо. Эзру посадили после первой половины, потому что все выглядело плохо... В подобных ситуациях должно быть некое почтение, понимаешь? И если бы Лейк-Фолс забил шесть, а мы пятьдесят шесть, мы бы выглядели кучкой мудаков. Но попробуй сказать Эзру в любой ситуации — а уж тем более в такой — не забивать, и он пошлет тебя, прошу прощения за мой французский.

— Но почему его не выпустили снова, когда Лейк-Фолс начали забивать?

Джордан криво улыбнулся:

— Из-за истерики, которую он закатил. Если бы кто-нибудь из нас устроил такое, нас бы точно удалили с поля. К нам всем относятся одинаково, даже к ведущему игроку.

Вопрос, который мне действительно хотелось задать:

— Почему он так повел себя?

— Я не стану его оправдывать, — после паузы сказал Джордан. — Не знаю, где была его голова. Ну, может, и знаю, немного, но не мое дело извиняться перед тобой.

Я уставилась на холодильник с продуктами. Мое отражение уставилось на меня, а за ним я разглядела несколько видов замороженной пиццы.

— Извиняться за что?

— Да ладно. Я знаю, что произошло после игры.

Попала.

— Тебе Эзра рассказал?

— После того вечера Эзра вообще почти ни с кем не разговаривает. Но твой кузен на тренировке заливался соловьем.

Я засмеялась. Почему-то меня это не удивило.

— Он решил, что Фостер специально промахнулся, — сказала я. — Я знаю, что Фостер никогда бы так не поступил.

— Уверен, Эзра тоже это знает.

Я не ответила.

— Знаешь что?

— Что?

— Как-нибудь мы с тобой посидим и заведем приятный разговор, не имеющий никакого отношения к Эзре. Будем говорить о кино или о политике, или о еще каком-нибудь дерьме, и позволь сказать тебе, Чемпион, это будет восхитительно.

Я улыбнулась.

— Давай, идем на кассу.

Он обнял меня одной рукой, и мы пошли к кассе.

29

Неделя бала выпускников в Темпл-Стерлинге проходит именно так, как вы могли бы представить: чуток одноэтажной Америки (игра в день бала), приправленной большой порцией двадцать первого века (намек на хип-хоп музыку с рейтингом 16+ и танцевальные движения с рейтингом 18+ в школьном спортзале).

В день бала всегда проходил матч. Обычно мы играли с давними соперниками — старшей школой Прайори. В этом году, как и в прошлом, наша команда уже побеждала Прайори, и это задало приподнятое настроение всему вечеру. Я знала, что Фостер очень нервничал по поводу всего. Я не испытывала особенного восторга от того, что буду его шофером, но похоже, именно таким и суждено было стать моему балу выпускников.

Вечером я достала из шкафа платье и разложила его на кровати. Я даже достала из коробки балетки (купленные с шестидесятипроцентной скидкой!) и поставила их на пол рядом с кроватью.

— Ты все-таки пойдешь?

Я обернулась. В дверном проеме стоял Фостер.

— Я отвезу вас с Гвин. Но нет... мне не хочется идти.

— Ты наденешь платье, чтобы отвезти нас с Гвин?

— Нет. — Я сгребла платье в охапку, запихнула его обратно в шкаф и захлопнула дверь. — Не надену.

— Да ладно. — Фостер шагнул в комнату, сел на край моей кровати и поднял балетки. — Будет весело. И это твой последний бал выпускников. Ты же не хочешь пропустить свой последний бал выпускников?

Я не хотела. Не могу сказать, что испытывала какие-то особенные чувства к балу выпускников в предыдущие годы. Как правило, туфли был неудобными, а музыка слишком громкой, но мне выпадала возможность потанцевать медленный танец с Кэсом и посмеяться над понятиями других о торжественной одежде.

Неожиданно меня затопило желание быть там. С чего это я должна лишиться танца только потому, что у меня нет спутника? С чего это я не должна идти только потому, что мы с Эзрой не вместе? Я и одна могу отлично провести время.

Фостер пошел переодеваться, я надела платье, и мы вместе поехали за Гвин.

* * *

Спортзал был оформлен в обычном для бала выпускников антураже: мигающие фонарики, складные стулья и большой кусок плетеного полипропилена, которым накрыли деревянный пол, чтобы не поцарапать. Полотно неизбежно сомнется под

чересчур рьяной цепочкой танцующих, и более чем несколько человек споткнутся об него.

Зал был набит битком. Фостер с Гвин ушли к компании своих одноклассников, а я осталась высматривать в толпе знакомые лица.

Словно ниоткуда появилась Рэйчел Вудсон — безукоризненно одетая, из прически не выбивалось ни волоска — с огромным фотоаппаратом в руках и сунула его мне в лицо.

— Фото для альбома?

— Ух...

«Лучше не надо».

— Давай. — Она приготовилась фотографировать. — Улыбочку.

Я выдавила улыбку. Вспышка осветила все вокруг и оставила у меня в глазах звездочки.

— Спасибо, ты лучшая!

И Рэйчел Вудсон исчезла.

Клянусь, мое зрение восстановилось только через две попсовые, похожие одна на другую баллады, когда я села на один из складных стульев вдоль стены и смогла проморгаться и насладиться полным обзором на спортзал.

Я просидела совсем немного, когда толпа слегка расступилась и я увидела их.

На Линдси Реншоу было кремовое платье из тонкой, словно струящейся ткани, которая мягкими складками ложилась вокруг ее ног. Не знаю, откуда оно было, но определенно не с распродажной вешалки в торговом центре. Она стояла совершенно неподвижно в туфлях на высоких каблуках, волосы блестящими локонами струились вниз по спине. Она была красива, и все это знали. Я это знала. Симпатичных людей много, но в жизни встречаешь так мало по-настоящему красивых. От нее словно исходило какое-то сияние, которого не было у остальных, какая-то искра, которую не купишь и не подделаешь.

Они не танцевали, но она стояла близко к своему спутнику, чтобы он мог слышать ее сквозь музыку. Он был в черном костюме с расстегнутым пиджаком, в накрахмаленной белой рубашке с тонким черным галстуком. Он склонил голову, ее губы находились прямо возле ее уха. У меня скрутило живот.

Эзра Линли.

Он был... великолепен. Они великолепно смотрелись вместе.

Машинально я встала, пошла в туалет и закрылась в угловой кабинке. Я достала телефон и подумала о том, чтобы позвонить кому-нибудь, но кому? И что я скажу? Это был тот вид неприятных сюрпризов, которыми просто необходимо с кем-нибудь поделиться, но у меня не было никого, с кем я могла бы поделиться.

Через некоторое время я покинула туалет и вышла на улицу. В сумочке у меня лежала книга, так что я села на ступеньки, ведущие к спортзалу, открыла книгу и уставилась на слова, совершенно не воспринимая их.

Это был паршивый сюрприз, и я была слишком гордой, чтобы признать, что он причинил мне боль. Я предполагала, что Эзра не пойдет на бал выпускников, питая глупую, но утешительную надежду, что он не захочет показаться ни с кем, кроме меня.

Но вот она, Линдси. Тут как тут. Снова вошла в мои перспективы.

Но был ли Эзра вообще перспективой? Джейн заметила бы, что между нами никогда не было соглашения. Он никогда не говорил вслух, что я ему нравлюсь. Но временами было в его глазах что-то, что, я могла бы поклясться, говорило намного больше. Более глубокий вид заботы.

— Дев?

Где бы я ни была, Фостер обладал способностью найти меня.

Я закрыла книгу, когда он сел на ступеньку рядом со мной.

— Громко там, да? — сказал он. — И жарко.

— Это обычно.

Я взглянула на Фостера. Он выглядел другим человеком. Не столько из-за одежды, или прически, или новой физической формы, а из-за лица. Фостер, которого я встретила в начале лета, казался... опустошенным. Этот Фостер был полон внутри.

— Гвин вроде милая, — добавила я через минуту.

— Гвин нужно добавить гребаную «е» в свое имя.

Я посмотрела вдаль через стоянку.

— Не говори, как они.

— Кто?

— Парни из футбольной команды.

— Хочешь, чтобы я говорил, как «Будущие революционеры науки»? — Он изменил голос. — Гвин безусловно полное тайных смыслов имя, неадекватно противоречащее традициям своим необычным выбором гласной.

Я по-настоящему рассмеялась.

— Просто говори, как Фостер.

Он пожал плечами:

— Мне не хватает Марабель.

— Почему ты не пригласил ее?

— Она бы не пошла. Она бы сказала, что не сможет быть моей спутницей без малыша, а малыш недостаточно взрослый, чтобы ходить на школьные танцы.

— Откуда тебе знать, что она сказала бы именно так?

— Потому что именно так она и сказала, — робко улыбнулся Фостер.

— Извини.

Он еще раз безразлично пожал плечами:

— По крайней мере со мной Гвин. Она... милая.

Я улыбнулась. Фостер такой прямой.

— На самом деле она... она очень хочет пойти на вечеринку к Эзру. После танцев.

Я и забыла. Опять моя жалкая эгоистичная часть думала, что он больше не захочет устраивать вечеринку.

— И?

— И... Думаю, я должен отвезти ее.

— Ты хочешь сказать, что думаешь, что я должна отвезти вас обоих.

— Ты тоже можешь пойти на вечеринку. Мы можем пойти все вместе.

— С чего мне хотеть пойти на вечеринку к придурку?

На этот раз Фостер не стал спорить. На его лице было противоречивое выражение, ему не надо было ничего говорить, я и так поняла.

Я тяжело вздохнула.

— Ничего страшного, если ты хочешь пойти на вечеринку к придурку.

— Дев...

Я встала:

— Я иду обратно. Ты тоже должен вернуться. Уверена, все девчонки в спортзале потребуют у тебя танец.

И они потребовали. В последующие часы я не спускала глаз с Фостера. Он едва ли присел хоть раз. Также я высматривала Линдси и Эзру, чтобы по возможности избежать встречи с ними. Но я не увидела их снова.

Зато увидела Кэса. Синий костюм, начищенные ботинки и широкая улыбка, нацеленная точно на меня. Не было никакой возможности его избежать.

— Дев! Ого, ты отлично выглядишь! — сказал он, направляясь ко мне.

До этой секунды мне даже в голову не приходило задуматься: если Эзра был с Линдси, то...

— С кем ты пришел?

Девушка повернулась. Розовое серийное изделие в блестках.

Грейси Хольтцер.

Кэс обвил рукой ее талию и просиял.

— Привет, Девон! — зафонтанировала Грейси. — Боже мой, ты такая милашка!

— Спасибо. — Я оцепенела. — Ты тоже.

— Где ты купила это платье?

Я промямлила название магазина, но ее внимание уже переключилось. Она смотрела куда-то в толпу, а потом резко оторвалась от Кэса и побежала к другой девице, наверное, трещать о том, как мило они обе выглядят.

Я посмотрела обратно на Кэса. Он продолжал улыбаться.

Я вытащила его в коридор, прежде чем нашла слова, чтобы выразить свое недоверие, и даже тогда сумела произнести лишь:

— Грейси Хольтцер?

— Ага. Она милая, правда?

— Грейси Хольтцер?

— Да. Может, вернемся? Хорошая песня.

— Ты понимаешь, что пришел с младшей сестрой девушки, с которой пришел Фостер?

Кэс просто уставился на меня.

— Это, блин, незаконно, Кэс. Ей всего четырнадцать!

— Остынь. Мы просто веселимся.

Мне захотелось плакать. Вместо этого я ударила его по руке.

— Почему ты ведешь себя так по-идиотски? Почему ты не мог просто пойти с Линдси?

— Я думал, ты не хочешь, чтобы я пошел с Линдси.

— Я никогда этого не говорила! На самом деле, я сказала тебе пойти с ней! И даже если бы я не сказала, с чего бы тебя остановило то, что я думаю?

— Не знаю... это было так не похоже на тебя... а потом Грейси пригласила меня, и я просто подумал, что так все будут счастливы.

— Кроме Линдси!

— Но тебе не нравится Линдси.

— И когда это останавливало тебя от свиданий с кем-то?

Кэс выглядел нервным.

— С ней все по-другому.

— Как?

— Она мне нравится. Очень.

— Да, и что?

— Не знаю.

Глаза Кэса забегали по шкафчикам рядом с нами, пока он теребил гвоздику, прицепленную к его пиджаку.

И внезапно я поняла, что он действительно испытывает те чувства, что я разглядела на вечеринке у Фрэнка Ферриса. Это должно было произойти. Я знала, что однажды он влюбится. Знала, что кто-то другой станет вытирать его машину.

Кэс посмотрел на меня:

— Может, просто скажешь это?

— Скажу что?

— Скажешь, что я нравлюсь тебе больше, чем просто друг.

Меня словно в живот ударили, сильно и неожиданно.

— С чего мне это говорить?

— Потому что это правда?

— Это нечестно, — сказала я.

— Почему? Я тебе нравлюсь, разве нет?

— Откуда ты знаешь?

— Да это все знают. — Он посмотрел на меня, как будто все было очевидно. — Мы друзья, — сказал он. — Всегда были друзьями. И я хочу... Не знаю. Поберечь, блин... твои чувства, или что там. Потому что я знаю, что они у тебя есть. Знаю. И все остальные знают, так что просто... Почему бы тебе просто не сказать это?

Моя душа как будто покинула тело, и я вдруг увидела, как занимаю столы для нас в столовой. Беру лишнюю порцию чего-то, что, знаю, он любит, пока продвигаюсь в очереди. Звоню ему перед сном — ведь это я всегда звонила ему? — записываю плейлисты на диски на День святого Валентина и притворяюсь, что меня совершенно не волнует, что он никогда не дарит мне ничего в ответ. Все разы, что я сидела на трибунах во время тренировки: полная веры, надежды и иллюзий. Кэс многое значил для меня, и, возможно, я тоже многое значила для Кэса, но он меня не любил. Внезапно я осознала правду, которую в восьмом классе пыталась донести до меня мама, держа в руках шоколадное молоко. Я не могу измениться, чтобы заставить Кэса полюбить меня. И не могу изменить Кэса. И даже если бы я могла, захотела бы я этого? Хотела бы я кого-то, кого заставила полюбить меня?

И все это время Кэс стоял передо мной, и между нами повисло его «Все это знают», и я видела на его лице отвратительную уверенность. И я поняла, что он знает, что он все время знал и жалел меня. Бедняжка Девон и ее чувства.

Я почувствовала, как вспыхнули щеки, глаза защипали раскаленные слезы неловкости. Если я моргну, они прольются. Поэтому я не моргала.

— Это неправда, — сказала я. — Все ошибаются.

— Дев. Да ладно.

— Кэс, — сказала я. — Господи. Обычно ты несешь чушь, но сегодня порешь просто особенную ахинею.

— Почему ты так ведешь себя? — спросил он.

Мне захотелось орать. Долго и громко орать на Кэса, но я была так же зла на себя. Так что я расслабила руки. Вдохнула. Потрепала его по щеке и сказала:

— Уверена, Грейси по тебе соскучилась.

А потом я повернулась и пошла в спортзал.

Едва войдя, я столкнулась с Джорданом. Кэс шел следом за мной. Последнее, чего мне хотелось, — находиться в присутствии Кэса, но Джордан поймал нас обоих, дав пять Кэсу и обняв меня второй рукой.

— Следующий танец мой, лады? — сказал он мне на ухо. — Клевый костюм, Кинкейд, — крикнул он Кэсу, перекрикивая музыку из колонок. Кэс кивнул ему, избегая моего взгляда, и исчез в толпе, полагая, в поисках своей малолетней подружки.

Когда в колонках зазвучала следующая поп-баллада, пришел Джордан и вывел меня на танцпол.

— Ты в порядке? — спросил он, когда мы начали двигаться под музыку.

— Угу. — Я осматривала толпу поверх плеча Джордана в поисках Эзры и Линдси, отчаянно надеясь не увидеть их, но тем не менее высматривая.

— Я говорил ему не идти с ней.

— Я даже не знала, что они нравятся друг другу.

— Если вы идете вместе на танцы — это еще не значит, что вы нравитесь друг другу.

Разве? Эзра пригласил меня. Это что-то значило, или я так думала. По крайней мере надеялась.

— Она все равно слишком маленькая, — продолжал Джордан.

— Линдси?

Джордан удивленно посмотрел на меня:

— Грейси.

После некоторой паузы он сказал:

— Ты говорила про нашего друга Эзру.

И снова приступ боли.

— Нет, не про него.

— Давай не будем врать. Ты же говоришь со своим приятелем Джорданом.

— Мой приятель Джордан, — пробормотала я. — Чемпион моего сердца.

— Нет, это ты чемпион моего сердца.

— Можем мы быть чемпионами друг друга?

— Да, — улыбнулся он. — Мне нравится.

Я постаралась улыбнуться в ответ как можно искреннее, но потом мое внимание снова переключилось поверх его плеча. Мне показалось, что в толпе промелькнула ткань кремового цвета.

— Знаешь, я говорил ему поговорить с тобой, — сказал он, помолчав. — Говорил миллион раз. Но я даю советы многим людям, и они не всегда следуют моим советам. Не знаю почему. Я очень мудрый.

Я слабо улыбнулась.

— Ты мудрый. — Я сглотнула. — Но Линдси... Линдси красавица.

В этом все дело. Она красавица. И они смотрятся идеально... как на картинке, словно идеальное представление о школьном бале. Их изображения можно печатать и продавать. Я бы сама, наверное, купила.

— Красавица, — сказал Джордан. — И ты тоже.

Я только хмыкнула.

— Да ладно. Не принижай себя.

— Если я такая классная, почему же ты со мной не встречаешься? — Я поверить не могла своим словам, но чувствовала себя достаточно близкой к Джордану, чтобы сказать их.

— О, я б встречался. Но я предназначен кому-то другому. И у меня есть ощущение, что ты тоже.

Джейн понравился бы Джордан. Я любила Джордана. Интересно, кто его счастливица? Они, наверное, будут изумительной парой.

Я уткнулась лбом ему в плечо. Мы танцевали ближе, чем позволяли приличия, но Джордан был моим другом, и мне нужно было чье-то плечо. Мы плавно качались под музыку.

Как и на всех школьных танцах, в конце концов диджей объявил последний танец, а потом включил свет, обозначив конец песни. Я села в машину вместе с Фостером и благоухающей парфюмом Гвин и с тяжелым сердцем повезла их к Эзре.

Фостер показывал дорогу, и я остановилась перед нужным местом. Обе стороны улицы уже были заняты припаркованными машинами, так что я не глушила двигатель,

пока Гвен подбирала многочисленные слои своей тюлевой юбки и искала на заднем сиденье сумочку.

— Она блестящая и в форме кекса, — сказала она. — Она была у меня в спортзале, да же, Фостер? Ты видел, как я выходила с ней?

Я не услышала ответа Фостера, потому что была занята разглядыванием дома Эзры. Вернее, просторной пышной лужайкой, ведущей к дому Эзры. Высокие дубы, кирпичная дорожка и громадный дом.

Он был великолепен и заслуживал впечатляющих эпитетов, но мне ничего не приходило на ум. Я думала только о том, что и не знала, что человек может быть таким богатым, но при этом умудряться не вести себя так.

— Мама с папой сказали до двенадцати, — напомнила я Фостеру, когда Гвин наконец-то нашла расшитый пайетками кекс и вылезла с заднего сиденья. — Будьте здесь без пятнадцати, потому что мне не хочется парковаться.

— Без проблем! — сказал Фостер и, махнув мне рукой, повел Гвин по кирпичным ступенькам.

Я не поехала домой. Мне не хотелось пробыть там час, а потом возвращаться, так что я отправилась в кафешку, взяла молочный коктейль и принялась читать Джейн. Меня мог бы нарисовать Эвард Хоппер¹⁹. «Яркая жизнь Девон Теннисон».

В назначенное время я вернулась к дому Эзры и припарковалась вторым рядом перед входом в ожидании Фостера. Без десяти двенадцать. Без пяти. Я дважды позвонила ему, но связь была плохая.

Я вздохнула. И поехала по улице, высматривая свободное местечко, чтобы припарковаться. Я не знала, что еще делать. Фостер, определенно, отдыхал на полную катушку, а влетит мне, если мы явимся домой позже, чем уже есть.

Опустив голову, я подошла к дому и обогнула его. Это, наверное, худшее, что можно было придумать.

На самом деле никто не смотрел на меня дважды. Никто не пялился, не показывал пальцем и ничего не говорил, но мне не становилось легче от этого. Я готовилась с головой нырнуть в море неловкости самого худшего качества: я собиралась испортить вечеринку. Но ведь не считается настоящим обломом, если ты просто забираешь кого-то, верно? И, строго говоря, я тоже приглашена. Но теоретически, приглашение, вероятно, умерло в раздевалке, когда я убила идею о том, что мы с Эзрой пойдем вместе.

«Оставайся незаметной», — думала я. Никто на меня не смотрел. Никто со мной не заговаривал. Я просто найду Фостера и уйду, и больше никогда не заговорю об этой ночи. А для пущей верности сожгу это ужасное платье.

— Девон!

Проклятье.

Марти Энгельсон, естественный выбор для лайнбекера, пробился сквозь толпу, подбежал ко мне и, крепко обняв, поднял с земли. Когда он поставил меня на ноги, на его лице красовалась широкая улыбка. Он был счастливо пьян.

— Девон! — снова крикнул он, и я поморщилась. — Детка! Где ты была?

— Я просто забираю Фостера.

Он схватил меня за руку:

— Идем к ребятам. Все скучали без тебя.

— Мне правда нужно домой.

— Ты едешь по вечеринкам? Слышал, в «Холидей инн» отличная. Мы собираемся туда после этой. Пришлось заехать к Эзре — хорошая вечеринка, только

¹⁹ Эдвард Хоппер — популярный американский художник, видный представитель американской жанровой живописи, один из крупнейших урбанистов XX в.

было бы гораздо круче, если бы он разрешил нам заходить в дом. Эзра всегда следует правилам, знаешь? И никакого пива. Никакого спиртного. С ума сойти. — Он наклонился ко мне и громко прошептал: — Многие просто напились перед приездом. Но тебе надо найти Джордана. Он возьмет твои ключи.

Я постаралась быстренько вывернуться из рук Марти.

— Хорошо, да. Спасибо.

Я втянула голову в плечи и пошла дальше сквозь толпу, крепко зажав телефон в руке. Я снова попробовала дозвониться до Фостера, но сигнала так и не было.

Бродя в поисках Фостера, я осматривалась вокруг. Крыльцо было украшено фонариками, а в центре двора находился огромный бассейн. Подводные огни были включены, и от поверхности воды поднимались тонкие струйки пара. Тут было по меньшей мере сто человек, и куда ни посмотри стояли кулеры с газировкой и море пластиковых стаканчиков. Множество ярких бальных платьев, не слишком громкая музыка (я достаточно ясно мыслила, чтобы оценить это) и повсюду счастливые бурные звуки трезвой (по большей части) вечеринки.

Тонкая пелена пара на поверхности бассейна разошлась, когда кто-то пронесся по воздуху и рухнул в воду, следом нырнули еще несколько человек. Толпа разразилась криками. Сложно было опознать двигавшиеся в воде силуэты, но один был несомненно Эзра.

Я удивилась. Он был последним человеком на земле, которого можно представить ни с того ни с сего прыгающим в бассейн. Я постаралась выкинуть его из головы и еще раз оглядела толпу в поисках Фостера.

Только когда раздался чей-то крик, я снова посмотрела на бассейн. Еще больше человек — в основном, ребята из команды — попрыгало в воду, и все пытались окунуть друг друга. Девушки на бортиках пищали, когда вода попадала им на ноги. Все парни ликующе вопили и громко смеялись. Кто-то снова крикнул.

Я моргнула. Стэнтон Перкинс, квадратноголовый защитник, крепко схватил Эзру и с силой опустил его голову под воду. Я бы не определила источник звука, если бы не видела губы Эзры: придушенный крик среди всеобщего хаоса.

Стэнтон держал Эзру под водой, потом дернул его вверх за перед рубашки, только чтобы снова окунуть. Эзра молотил руками по воде, но не сопротивлялся.

Остальные парни в бассейне дурачились. Присутствующие смеялись, пили, танцевали, громко разговаривали и ничего не замечали.

Почему они ничего не делают? Стэнтон снова толкнул Эзру под воду. Что не так с этими людьми? Это не правильно.

Стэнтон опять вытащил Эзру, и я увидела его лицо. Он был в ужасе.

Все мысли о Фостере оставили меня. Все мысли о толпе испарились. Я бросила телефон, скинула туфли и прыгнула в бассейн.

Вода была приятно теплой, но я не обратила внимания и поплыла к Стэнтону. Я никогда до этого не плавала в одежде — более того, в вечернем платье — и не была готова к тому, как ткань будет тянуть меня ко дну. Все эти рекламы свадебных салонов, где невеста с женихом счастливо прыгают в фонтан, — полная фигня. Никто не захочет добровольно это делать.

Я не знала, что стану делать, когда доплыву до Стэнтона и Эзры, но знала, что любая попытка уговорить парня, который скорее всего настолько же пьян, насколько глуп, бесполезна. Я нырнула под воду (вокруг замельтешила радуга уродливых носков) и сократила расстояние между нами.

Я доплыла до них, когда Стэнтон в очередной раз собирался окунуть Эзру. Он секунду тупо пялился на меня, когда я вынырнула, и я воспользовалась возможностью

изо всех сил ударить его ногой. Я не целилась в какое-то конкретное место, но сумела попасть весьма эффективно.

Стэнтон сразу же отпустил Эзру, и я схватила его за рубашку. Не знаю, чего я ожидала от Эзры... Я думала, что он оскорбленно вырвется и заявит, что не нуждался в моей помощи. Может быть, обвинит меня в том, что я испортила его вечеринку, и велит вооруженным охранникам вывести меня за ворота, просто на всякий случай.

Но его короткий взгляд не говорил ничего подобного. Он просто обнял меня за шею обеими руками и не отпускал.

Я не могла поддерживать нас обоих. Моя голова ушла под воду, и я яростно замолотила руками и ногами, чтобы удержать нас на плаву.

— Давай же, — закашлялась я, лихорадочно работая ногами. — Давай, плыви.

Но Эзра не плыл, он только крепче вцепился в меня, утягивая нас обоих под воду.

Стэнтон закричал от боли, достаточно громко, чтобы привлечь внимание к нам. Пара ребят подплыли и помогли нам с Эзрой доплыть до бортика. Пара других поддерживали Стэнтон на плаву, пока он ругался достаточно громко, чтобы привлечь внимание по крайней мере первого ряда зрителей, стоявших вокруг бассейна.

— Ты гребаная сука! — орал он, пока Марти Энгельсон помогал нам выбраться из воды на бетонный бортик. Эзра лежал на спине, жадно глотая воздух, а я сидела в луже мокрой ткани, не в состоянии подняться. Я поняла, что меня трясет. — Что на тебя нашло?

Я не могла говорить. Я успешно спасла Эзру от Стэнтон, но кто спасет меня?

Не успела я подумать об этом, как мимо пролетело что-то, попав прямо в голову Стэнтон. Мне потребовалась секунда, чтобы осознать, что от головы Стэнтон отскочил и приземлился рядом кожаный ботинок.

Я посмотрела на пару ног, стоящих около меня — одна обутая, вторая нет, — и подняла глаза на Фостера. На его лице отражался непреклонный вызов.

— Не смей говорить так про мою сестру.

Стэнтон поднялся и принялся протискиваться через толпу к нашей стороне бассейна. Фостер загородил собой нас с Эзрой, а вперед него шагнул Эмир Зуривич.

Стэнтон резко остановился.

Я не видела Эмира весь вечер. Его волосы были зачесаны назад, и он был во всем черном. Он стоял совершенно расслабленно, слегка улыбаясь, держа руки в карманах.

— Что-то не так? — спросил он.

Стэнтон ощерился, но остановился в нескольких футах от нас. Эмир не был таким крупным или агрессивным, как Стэнтон, но с ним шутки плохи.

— Да. Мы просто веселились, а потом эта сука пришла и пнула меня ни за что.

— Прости? — улыбка Эмира стала опасной.

Стэнтон на мгновение смешался.

— Скажи своим тупым дружкам оставить меня в покое, — рявкнул он и пошел прочь сквозь толпу, за ним последовали две или трое парней, бросая на Эмира злобные взгляды.

Эмир повернулся к Эзре, который все еще хватал ртом воздух, и с легкостью поднял его на ноги.

— Готово, — сказал он, несколько раз сильно хлопнув его по спине. — Никто не пострадал. — Он повернулся к ошарашенно шепчущейся толпе и крикнул: — Время веселиться!

Это сломало лед, и разговоры постепенно возобновились.

— Что может быть лучше вечернего купания, — сказал Эмир, поднимая меня на ноги на удивление сильными руками.

— Спасибо. Спасибо тебе, — еле слышно сказала я.

— Не за что, — ответил он и, приложив два пальца ко лбу, растворился в толпе. Я повернулась к Эзре, но место, где он стоял, уже опустело.

31

Мы нашли Эзру на лужайке перед домом. Его рвало. Я не знала, что делать, а Фостер просто подошел к нему, наклонился и положил руку на спину, тихо приговаривая:

— Все хорошо.

Эзра рыгнул еще пару раз, сплюнул, но не выпрямился, словно ожидая следующего приступа рвоты.

Когда он наконец выпрямился и посмотрел на меня, игра, танцы и испорченная вечеринка — все показалось таким далеким.

— Ты в порядке? — спросил он. На его рубашке осталось пятно, а черный галстук висел мокрой тряпкой.

— Да, — напряженно ответила я. — А ты?

Эзра кивнул, но ничего не сказал.

Повисло молчание, которое нарушил только Фостер, когда я особенно сильно вздрогнула.

— Может, дашь Дев полотенце или что-то?

— Да. Блин, да, извини.

Эзра резко развернулся и поднялся по ступенькам в дом. После минутного колебания мы с Фостером последовали за ним.

Внутри дом Эзры был таким же впечатляющим, как и снаружи, но каким-то образом все равно казался... доступным. Не таким шикарным или дорогим на вид, что боишься дотронуться до чего-нибудь. Не было ощущения, что попал в музей.

К тому времени как мы вошли, Эзра уже исчез, так что мы с Фостером топтались у входа. Он разглядывал комнаты, которые шли по коридору, начинающемуся за лестницей, а я подобрала подол платья, чтобы с него не стекало на пол. Хотя это не очень-то помогло.

Через минуту вернулся Эзра с большим пушистым полотенцем. Он протянул его мне и сказал:

— Я могу принести тебе сухую одежду, если хочешь.

Во времена Джейн приличия обязывали вас отказаться от подобного предложения. Тогда собеседник должен был настаивать, а вы снова отказываться. А потом, когда он настоял бы во второй раз, полагаю, вы бы поняли, что предложение искреннее, или он бы понял, что вы выказали подходящее количество сдержанности, самоотверженности и чего там еще. Но во времена Джейн люди не носили колючих выпускных платьев, купленных с сорокапятипроцентной скидкой в универмаге, и уж точно не промокали в них.

— Спасибо, — сказала я.

Фостер остался в фойе, а я последовала за Эзрой наверх. Он зашел в свою комнату, а я ждала его в коридоре.

Вся стена в коридоре была увешана множеством фотографий. Быстрый осмотр показал, что на фотографиях изображены одни и те же люди: симпатичная темноволосая женщина и начинающий лысеть мужчина средних лет, они вместе

снимались на пляжах и на палубах круизных лайнеров. Был там и Эзра, разного возраста, насуспенный — на фото из младшей школы, в футбольной форме на поле.

Я остановилась перед фото Эзры-ученика средней школы. Он стоял на берегу речки и гордо демонстрировал рыбу. Позади него стоял долговязый подросток с натянутой улыбкой и удочкой на плече. Меня поразило, что никогда до этого я не видела Эзру таким счастливым. Веселым, довольным или застенчивым — да, но не таким, не таким откровенно счастливым. Или это проходит с возрастом?

— Милый, да? — спросил кто-то. Я резко обернулась.

Я не заметила, как открылась дверь, но теперь коридор заливал свет, и в его сиянии стояла Марабель. В пушистом халате и тапочках с Губкой Бобом.

— Что... что ты здесь делаешь? — спросила я, хотя это был глупый вопрос. Всего в нескольких футах от меня зловеще улыбался один из ее детских портретов королевы красоты.

— Я здесь живу. Во всяком случае, часть времени. В основном я живу с мамой, но папа купил этот дом, чтобы мы все могли жить вместе, и у меня тут красивая комната. — Она показала на фото. — Мило, правда? Его папа возил их на рыбалку.

— Папа Эзры?

— Ага.

— Я думала, у него нет папы.

— Они больше не общаются.

Вот это новость. Но я не успела ничего сказать, как Марабель оглядела меня, словно впервые увидев.

— Почему ты мокрая? — И, совсем как Фостер, не дожидаясь моего ответа, продолжила: — Почему ты в доме? Эзра тут? — Ее глаза стали размером с блюдца. — Ты занималась сексом с Эзрой?

Я смогла высказать только одну мысль:

— Тогда почему мое платье промокло?

— Может, вы были в душе.

— В платье?

— Кто я такая, чтобы судить вкусы другого человека? — сказала она, и тут дверь в комнату Эзры открылась, и он вышел со свертком тренировочной формы команды Темпл-Стерлинга.

— У тебя все хорошо? — спросил он Марабель.

— Лучше, чем у Девон. Она залила весь пол.

— Держи. — Эзра вручил мне вещи. — Ванная там, в конце коридора.

— Спасибо.

Я зашла в ванную и с трудом стянула с себя платье, позволив ткани тяжело шлепнуться на пол у моих ног. Конечно же, лифчик и трусики тоже промокли, и я молча размышляла, что же с ними делать, одновременно восхищаясь ванной комнатой размером с мою спальню.

Я решила выжать лифчик и трусы над раковиной и снова надеть их, надеясь, что они не оставят мокрых пятен на одежде Эзры. Я надела футболку, натянула тренировочные штаны и завершила образ толстовкой «Кавалеристов».

Во всем доме было тихо. Потом я услышала топот ног вверх по лестнице и тихий вскрик.

— Вот ты где!

Я на девяносто восемь процентов была уверена, что мне следует остаться на месте. Но оставшиеся глупые, назойливые два процента заставили меня положить руку на дверную ручку и чуть приоткрыть дверь, чтобы подсмотреть.

Линдси обнимала Эзру обеими руками. Ей обязательно так часто обнимать людей? Они стояли так, что я видела ее лицо, уткнувшееся в его шею. Она крепко зажмурилась и прижалась к нему, кажется, совсем не возражая, что его волосы до сих пор мокрые. Эзра переделался в такую же одежду, что дал мне, — спортивные штаны и футболку, — но Линдси, наверное, не волновало бы, даже если бы он все еще был в мокром насквозь костюме.

— Ты в порядке? Я только что услышала, что случилось.

— Да, я в порядке, — тихо сказал Эзра. — Спасибо.

— Где Девон? С ней все хорошо?

— Думаю, да.

Почему она стоит так близко? Почему он не отошел? Я пожалела, что не вижу его лица, но в то же время мне хотелось захлопнуть дверь и никогда не выходить. Я могла бы жить в этой ванной. Тут есть почти все, что мне нужно. Даже телевизор.

Я не могла отвести от них глаз и не могла подавить отчаяние, охватившее меня при виде ладони Линдси на лице Эзры. Сначала я не понимала, откуда взялось это чувство, но внезапно до меня дошла правда: я хотела, чтобы это была моя ладонь. Хотела иметь право стоять так близко к нему, убирать волосы с его лица.

И вдруг все стало до ужаса понятно. Не знаю, как Эзра, но чувства Линдси были кристально ясны. Она попросила меня намекнуть Кэсу про бал выпускников. Но никогда не называла его имени напрямую... Только говорила, что знает, что мы вместе проводим время. И что хотела проверить его интерес, но что там проверять? Кэс явно был влюблен в нее. А вот чтобы расшифровать чувства Эзры, нужен гребаный Розеттский камень²⁰.

Взгляд, которым она посмотрела на меня, когда мы покупали платье в торговом центре и Мария спросила про нас с Эзрой... Как она прижималась к нему в минивэне во время поездки в Ридинг.

Но ведь она влюблена в Кэса, верно? Неужели я настолько плохо разбираюсь в чувствах? Или мне только виделось между ними нечто большее, чем есть на самом деле, потому что я ревновала? Потому что мне хотелось, чтобы Кэс точно так же таскался за мной?

И также неожиданно мои собственные чувства приобрели четкость и ясность. Мысли о паре Кэс и Линдси раздражали, но были терпимы. Однако мысли о Линдси и Эзре...

Я позволила двери закрыться

Не знаю, сколько я там простояла, но через некоторое время стук в дверь вырвал меня из задумчивости.

— Дев, ты в порядке?

Фостер. Когда я попыталась ответить, слова застряли у меня в горле. Я откашлялась и попробовала снова.

— Ага. Да, я в порядке.

Я скомкала платье и сунула его под мышку.

Как только я вышла из ванной, Линдси бросилась ко мне с объятьями. Я неуклюже обняла ее в ответ.

Она отстранилась, продолжая держать меня за плечи.

— Девон, ты просто... — У нее был такой вид, будто она вот-вот расплачется. — Ты просто лучшая. Ты понимаешь, что сегодня спасла Эзру жизнь? Ты знаешь, что он совсем не умеет плавать? Он никогда не учился... Ты должен был брать уроки плавания, Эзра, вот поэтому они и нужны.

20 Розеттский камень — каменная плита, давшая ключ к дешифровке египетской письменности.

Да уж. Вот это поворот. Это нужно использовать для рекламы уроков плавания в общественных центрах по всей стране. Я так и вижу брошюру: Эзра в спортивных штанах, насквозь мокрая я, а на переднем плане — Линдси Реншоу, вся такая добрая и сияющая, а над ней облачко с текстом: «Вот поэтому людям и нужны уроки плавания».

Она все еще не отпускала меня.

— Стэнтон Перкинс полнейший придурок, извините за выражение, какого я когда-либо встречала. А ты, Девон, замечательная, ты совершила замечательный и храбрый поступок...

Я больше не могла это выносить. Это было слишком.

— Да. Нет. — Я вырвалась и отступила к Фостеру, который держал мои телефон и туфли. — Пустяки. — Не глядя на Эзру, я сказала: — Спасибо за одежду, я верну ее тебе...

— Девон, — сказал Эзра.

— Нам пора. Мы должны были вернуться домой еще час назад.

Я надела туфли и подтолкнула Фостера к лестнице, но Эзра последовал за нами.

— Дев. Подожди.

— Нам правда пора.

Я одним махом пробежала две лестницы, вырвалась наружу и вылетела на главную дорожку, отчаянно желая оставить как можно больше пространства между собой и Эзрой Линли.

Фостер следовал за мной по пятам. По крайней мере я думала, что это Фостер. Я подошла к концу дорожки, но Эзра в несколько больших шагов догнал меня, обогнул и заставил остановиться. Если уж подавляющее большинство защитников в штате не были быстрее Эзры, не знаю, с чего я решила, что у меня получится.

— Подожди, — сказал он и протянул ко мне руку, слегка коснувшись кончиками пальцев рукава толстовки, мягко пригвоздив меня к месту. Я хотела стряхнуть его руку, но в то же время мне хотелось прижаться к нему и спрятать лицо на его плече. Мне хотелось выразить свое сочувствие по поводу того, что только что произошло, и убедиться, что с ним все хорошо, и обсудить, какой псих этот Стэнтон. Но я ничего не сделала. Я просто стояла, сгорая от легкого давления руки Эзры Линли, и старалась не расплакаться.

— Ты... — Эзра вглядывался в меня. — Ты уверена, что в порядке?

Я сконцентрировалась на том, чтобы выглядеть нормально.

— Я в порядке, — сказала я, хотя существовала шестидесятишестипроцентная вероятность, что от усилия, которое потребовалось для того, чтобы удержаться от рыданий, мое горло взорвется. Возможно, это не точная статистика, но тем не менее. — Просто устала. Я хочу домой.

— Я тебя отвезу, — сказал он.

— Нет. — Это прозвучала резче, чем я хотела. — Нет, все хорошо.

— Пожалуйста.

Поверх плеча Эзры я видела задержавшихся на крыльце Линдси и Фостера. Когда я посмотрела в их сторону, Фостер резко развернулся к дому, подавшись вперед, будто наружная дверь была чем-то очень интересным. Я почти улыбнулась. Но потом увидела Линдси. Она сжала руки перед собой и прикусила губу — идеальный образ дружеского беспокойства.

Эзра проследил за моим взглядом. Заметив это, Линдси расцвела в улыбке — улыбке, полной надежды, как будто их вечер еще может быть спасен после того, как я уйду.

Я отвела глаза.

— Все в порядке. Правда.

Я шагнула в сторону, и на мгновение рука Эзры зависла в воздухе.

Эзра опустил руку, и я осмелилась взглянуть на него. На его лице читалось беспокойство. Между бровей залегла маленькая морщинка, которая так и напрашивалась на поцелуй.

Мне нужно убираться отсюда.

— Что ж. Ладно, — громко сказала я безжизненным тоном, который ужаснул бы Джейн, ведь она создавала героинь, намного лучше владевших собой в напряженных ситуациях. — Хорошая вечеринка.

Это была ужасная вечеринка. Я могла бы назвать как минимум пятнадцать вечеринок, на которых бывала и которые были лучше, чем эта. И это включая вечеринку в шестом классе, когда прямо посреди праздника меня поразило кишечное расстройство и несколько раз вырвало в ванной Эшли Прайс, пока мои родители не приехали и не забрали меня.

На этом гребаном идиотском высказывании я и отчалила.

Кто-то бежал за мной, и я уже приготовилась к очередному столкновению с Эзрой. Но это оказался Фостер.

— Прости меня. Мне жаль, что я не вышел вовремя. Просто Гвин продолжала болтать, и она мертвой хваткой вцепилась в мою руку, а потом вообще не захотела ехать с нами. Она ушла с Тейлором, Джессикой и...

— Все нормально, — сказала я, пока мы шли по тротуару.

— Нет, не нормально. Мне жаль.

Я дернула дверцу машины.

— Ты злишься на меня? — спросил Фостер.

— Нет. — Когда я села в машину, напряжение начало меня отпускать. — Нет, я не злюсь на тебя.

За один вечер я потеряла Кэса и Эзру. Дала отпор Стэнтону Перкинсу, боялась за свою жизнь, испортила вечернее платье. Вдруг я почувствовала себя слишком усталой, чтобы плакать. Поэтому просто прижалась лбом к рулю и зажмурилась.

Фостер прикоснулся головой к моему плечу в странном подобии объятия. И это меня утешило, в какой-то мере.

После такого вечера требовался только сон — тяжелый, всепоглощающий сон, который притупил бы остроту произошедшего. Но он оказался не настолько освежающим, как я надеялась, а когда наутро я увидела лицо Фостера, на нем ясно читалось, что его сон был таким же беспокойным.

Большую часть дня мы просидели на диване, играя в видеоигры и смотря дерьмовые сериалы по телеку. В какой-то момент я посмотрела на Фостера и подумала, с кем бы провела такой день раньше, до его приезда. Наверное, с Кэсом. Но даже Кэс не смог бы высидеть так долго. Фостер был согласен оставаться со мной сколько потребуется. Забавно: теперь я высоко ценила черту, которая так раздражала меня в нем поначалу.

Игры и бесконечные сериалы были вполне подходящим отвлечением, но я не могла навечно выкинуть прошлый вечер из головы, и в конце концов мысли о нем начали меня наступать. Сначала мне вспомнился Кэс. При мысли о выражении его лица, когда мы стояли перед спортзалом, во мне поднялась свежая волна негодования. Но при этом я чувствовала смущение и отчасти боль. Невозможно порвать с кем-то, если вы никогда не встречались, но в каком-то смысле это походило именно на

расставание. Может быть, не настолько окончательное, как разрыв, но что-то между нами основательно изменилось. Мне не хотелось сильно задумываться на эту тему, не хотелось разбираться, потому что от этого становилось грустно.

Но затолкав Кэса на задворки сознания, я добилась только того, что на передний план вышел Эзра. Эзра, с необъяснимым выражением беспокойства на лице. Эзра, который был терпелив с Фостером, который не задавал вопросов, когда мы нуждались в нем. Между тем, я сразу же вычеркнула его, когда он, возможно, нуждался в нас.

Как он сказал тогда на трибуне? «С тобой легко говорить». Примерно то же самое сказала мне Рэйчел: «Ты умеешь говорить с людьми». По-моему, это явная ложь. Если бы я была так хороша в общении с людьми, я бы просто поговорила с Эзрой после игры с Лейк-Фолс. Я бы поговорила с Линдси про бал выпускников.

Линдси. Вчера она вся светилась в своем великолепном платье. Я поняла, что в тот день в торговом центре она предложила мне быть соседками по комнате, даже зная, что я собираюсь на свидание с парнем, который ей нравится. Она относилась ко мне лучше, чем я к ней, никогда не таила на меня зла, никогда не относилась ко мне с пренебрежением.

С каждым открытием мне все больше хотелось утонуть в диванных подушках. В конечном счете я бы впиталась прямо в набивку этой лужицей сожаления.

Всего этого можно было избежать. Этих диванных страданий, этой... потери... Я могла бы избежать большей части случившегося, просто сделав чуть больше. Я могла бы постараться, как сказала Рэйчел. Приложить усилия.

Но что можно было сделать? Что я могла сделать теперь, кроме как играть в «Супер Марио Карт» с Фостером?

Наверное, я была хуже всех.

Мы с Фостером переместились с дивана только ради ужина, и как раз тогда мама с папой сообщили нам новость, за ужином с самыми любимыми блюдами Фостера.

Они собирались в Калифорнию «завершить процесс» — окончательно оформить усыновление. Как сказала мама, оно должно произойти в штате настоящего местожительства Фостера. Юридическая фигня.

— Мы уезжаем в четверг утром и вернемся в пятницу поздно ночью. Как по-вашему, справитесь или нам попросить миссис Паттерсон переночевать с вами?

— Нет!

Миссис Паттерсон была нашей престарелой соседкой и моей нянькой с самого детства. Не то чтобы я возражала провести с ней вечер время о времени в прошлом, но теперь я уже слишком взрослая для того, чтобы за мной «приглядывали», как выражалась миссис Паттерсон.

— С нами все будет в порядке, — сказала я, понизив голос. — Мы способны присмотреть за собой одну ночь. — Я многозначительно посмотрела на Фостера. — Так ведь?

Он не поднимал глаз от тарелки.

— Конечно.

Минуту все молчали.

— Фостер, понимаю, все происходит очень быстро, — сказала мама. — Мы не обсуждали это с Элизабет, но подумали, может быть, ты захочешь поехать с нами и увидеться с ней?

Фостер не раздумывал ни секунды.

— Не хочу пропустить игру.

— Но...

— Он не хочет пропускать игру, Кэт. — Папа накрутил пасту на вилку и посмотрел на Фостера. — Эта важная, да, приятель?

Фостер кивнул:

— Окружная.

— Окружная, — повторил папа, а затем послал маме такой же многозначительный взгляд, каким я только что смотрела на Фостера.

После ужина мы вернулись на диван, только на этот раз Фостер разложил на журнальном столике поле для «Монополии». Я смотрела, как он раскладывает яркие купюры. Он всегда был банкиром.

— Как так получилось, что ты не хочешь видеть свою маму? — Я не смогла придумать достойное вступление, поэтому просто пропустила его.

— Она не хочет меня видеть, — просто ответил Фостер.

— Ты этого не знаешь.

— Не знаю? — Выражение его лица не изменилось, но он прижал карточки «Общественной казны» немного сильнее, чем необходимо.

— Может быть, это было бы хорошо для... завершения. Или вроде того.

Фостер только покачал головой, но когда поднял глаза, они подозрительно блестели.

— Это что-то вроде тайной шутки, Дев. Тебе не понять, потому что с тобой такого не случалось. Ты никогда не поймешь.

После некоторой паузы я прочистила горло.

— Ну... я бы хотела понять.

— Нет, ты не поймешь.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

Секунду он смотрел на меня, а затем кивнул:

— Да. Спасибо.

33

Мне не особенно хотелось в школу, но понедельник наступил и прошел без лишнего шума. Я ждала, что Стэнтон Перкинс попытается напасть или на Фостера, или на меня, но даже не видела его.

Я также не видела ни Кэса, ни Линдси, ни Эзру. После таких бурных выходных школа показалась немного скучной. Ну и слава Богу. Я не хотела никаких разборок. Я просто хотела делать домашку по математике и писать эссе про Чинуа Ачебе²¹. Спрятаться в пещере знаний. Я теперь готовлюсь к колледжу, помните? Я поступлю в Ридинг и однажды, когда я буду заниматься под теми дубами, все это покажется мне далеким прошлым.

Как по волшебству, во вторник отменили физкультуру, и у нас появилось окно в расписании. Я работала над эссе в библиотеке и посылала искренние благодарности тому, кто наградил ребенка мистера Селлера конъюнктивитом.

И только в среду днем я увидела Линдси. Она остановила меня в коридоре, когда я шла на свое «рабочее место». По крайней мере попыталась остановить.

— Девон! — Она стояла возле своего шкафчика и махала мне рукой. — Мы можем поговорить?

Подойдя ближе, я немного замедлилась. Я хотела поговорить. Правда хотела. Но... не смогла.

— Ой, извини, — сказала я. — Мне нужно идти преподавать.

— Всего на секунду?

21 Чину́а Аче́бе — нигерийский прозаик, поэт и литературный критик.

— Жутко опаздываю! — сказала я, указывая на запястье, где не было часов.

И рванула к кабинету английского языка. Я как раз добралась до двери, когда от группы стоявших рядом девятиклассников отделилась Алекс, ученица с эссе про Гэтсби, и подбежала ко мне. Превосходно. Отвлечет меня от собственной явной трусости.

— Привет. Есть вопросы?

— Не сегодня. Смотри! — Она перевернула титульный лист своего эссе. В верхней части первой страницы большими красными цифрами было выведено 87%.

— Это не «отлично», — невозмутимо произнесла я.

— Ты издеваешься?

— Ага. Это здорово. Поздравляю.

— Дай пять за метафорические платя.

Я хлопнула по ее ладони, и она пошла дальше по коридору догонять своих друзей.

Я смотрела, как она уходит, и, даже зная, что на самом деле не имею отношения к ее оценке, что я не сделала ничего примечательного, все же испытывала странное удовлетворение, как будто сама достигла чего-то. Так чувствуют себя учителя? Поэтому они учат людей? Я никогда не задумывалась о том, каково быть учителем. Если бы раньше мне нужно было кратко сформулировать, то я бы сказала, что это, скорее всего, отстойно. Может, ваши ученики не хотят быть тут, или слушать вас, или делать домашнюю работу. Но несмотря на это, вы можете научить их чему-то. Может, это будет труднее, но зато будет приятнее, когда вы действительно достигнете цели.

Я уже была готова зайти в класс, как меня окликнули. Сквозь толпу пробирався Джордан, а следом за ним Эзра.

— Чемпион, — сказал Джордан, — я тебя искал.

— В чем дело?

— Я, э-э, хотел спросить, есть ли у тебя записи к сегодняшнему немецкому.

— Я учу испанский.

— А-а, — кивнул Джордан. — Ну, тогда все. Увидимся.

И он ушел, оставив нас с Эзрой стоять.

Я взглянула на Эзру. Тот прожигал взглядом удаляющуюся спину Джордана.

— Э, — сказал он через минуту. — Так.

— Мне вроде как нужно преподавать, — произнесла я, хотя кабинет английского был абсолютно пуст.

— Я просто хотел... Ну, о бале выпускников...

— Да, нет, ну и вечер. Дорогие сердцу воспоминания о выпускном классе. Обязательно занесу в альбом.

— Дев, послушай...

Ничего хорошего не начинается со слов «послушай». Нет чтобы сказать: «Послушай, ты только что выиграла двадцать пять тысяч долларов» или «Послушай, ты мне безумно нравишься». Думаю, главный смысл заключается в том, что приходится говорить людям «послушай», потому что ты хочешь сказать им то, чего они не хотят услышать. И я точно не хотела слышать продолжения «послушай» от Эзры, потому что это было бы что-то в духе «надеюсь, мы можем остаться друзьями».

Хотела ли я остаться его другом? Чего я на самом деле хотела, так это зацеловать его. И ударить по руке. А потом снова зацеловать. Не самая идеальная дружба, верно? Такая односторонняя любовь. Я этого не хотела. Но и потерять его я тоже не хотела. Может, я смогу сосредоточиться на ударах в руку, и со временем желание зацеловать его пройдет? Может быть. Но не сегодня.

Я прочистила горло:

— Тебе лучше поторопиться, а то опоздаешь на тренировку. Ты же должен подавать пример, верно? Боевой дух команды... и... все такое.

Я попыталась улыбнуться и ретировалась в кабинет английского.

* * *

На следующий день я стояла в очереди на обед, внимательно оглядывая столовую в поисках Кэса. Мы умудрялись избегать друг друга всю неделю, не знаю, намеренно или нет. И осматриваясь, я даже не могла сказать, надеялась ли увидеть его или наоборот.

Когда поиски окончились ничем, я вздохнула. Девушка впереди меня оглянулась и посмотрела на меня с недоумением.

— Снова Нью-Йорк дели, — сказала я, в качестве объяснения указывая на меню. — В этом месяце они серьезно налегли на пастроу.

— Истинно так, — ответила она и отвернулась, но через мгновение опять развернулась. — Знаешь, у нас общий урок физкультуры.

За весь мраморный хлеб в мире я бы не сказала, что эта девочка занималась на физкультуре вместе со мной. Я попыталась представить ее в спортивной форме, может быть, с завязанной под грудью футболкой, но ничего не вышло.

— Ага, — сказала я и попыталась притвориться, что знаю ее. — Привет. Извини. Как дела?

— Хорошо.

В попытках реабилитироваться за то, что не узнала ее, я показала на еще одну стоящую впереди расфуфыренную девицу, будущую лучшую выпускницу, которая тоже ходила снами на физкультуру, — Аманду Джефферс. Она и еще одна девочка в очереди делали селфи. Я так и видела: хэштег обеденное время, хэштег очаровашки.

— Сегодня тут как будто встреча класса физкультуры, а? — сказала я.

Девушка проследила за моим взглядом.

— Похоже на то.

— Забавно, — сказала я, наблюдая, как Аманда возится с телефоном, вне сомнений выбирая лучший фильтр для того, чтобы запечатлеть яркие краски столовой. — Она ведь очень умная.

— Я знаю. У нас с ней общая биология. У нее всегда самые высокие оценки.

Я покачала головой:

— Безумно, да?

— Почему?

— Я не знаю. Потому что... Ну, ты посмотри на нее.

— Любовь к прическам и макияжу не делает тебя тупой, — сказала она так, будто это была самая очевидная в мире вещь.

И я уже начала говорить «Я знаю», но проглотила ответ, потому что... знала ли я?

Мы передвинули подносы по стойке, и я взглянула на девушку. Я никак не могла отделаться от мысли, что она меня осуждает, и мне это не нравилось, что, наверное, было лицемерно с моей стороны.

— Эм-м... напомни, как тебя зовут? — спросила я, дотягиваясь до картошки фри.

— Софи, — сказала она.

— Я Девон.

— Я знаю. Мы все знаем. — Она опять не имела в виду ничего плохого, просто указывала явно очевидное. Похоже, это одно из особых умений Софи.

— Извини, я не... извини. — Я покачала головой. — Просто иногда находишься словно в пузыре.

— Пузырь выпускника?

— Может быть. Или как... личный пузырь.

Может быть, мыльный пузырь на двоих. Мы с Кэсом против всего мира. Мы всегда были друг у друга. И с ним я не заморачивалась о других друзьях. И я никогда серьезно не задумывалась об этом, но так было легче равнять всех людей под одну гребенку. Как Аманду Джефферс и остальных девиц — свалить их в однообразную блестящую кучу и задвинуть в угол. Слепить Софи со всеми остальными Софи в моей жизни, неразличимыми и незначительными. Так я привыкла поступать. Но это было совсем не справедливо, верно?

Мы приближались к концу очереди, я еще раз осмотрела столовую и наконец заметила его. Кэс в одиночестве сидел за угловым столиком с огромной горой сырных палочек. Мы были последними выпускниками во всем гребаном мире, которые ели столовскую еду, потому что она была жирной и, что еще важнее, дешевой. Но самая главная причина, наверное, заключалась в том, что это было удобно. Нет ничего проще, чем паршивая еда в столовой Темпл-Стерлинга. А мы с Кэсом были хороши в том, что проще.

Мне захотелось пойти к нему. Но в то же время... Не знаю. Это дурацкое клише, но, может быть, проще уже не значило лучше.

Я посмотрела на Софи:

— Хочешь пообедать вместе?

Она подняла брови:

— Лопаете мыльный пузырь?

— Я не знаю, сможем ли мы быть друзьями, если ты постоянно будешь меня дразнить, Софи.

Она усмехнулась:

— Не могу обещать. Дерзость так и прет.

В пятницу после уроков ко мне подошла лучезарно улыбающаяся Рэйчел Вудсон.

— Я ищу тебя весь день, — сказала она.

— Я как раз собираюсь домой...

— Нет. Идем со мной.

Рэйчел была бесцеремонна и немного пугала, но из-за этого все, что она говорила, казалось хорошей идеей. Поэтому я пошла с ней в редакцию.

— Я нашла это сегодня утром. — Она положила передо мной листы бумаги. — Стопки перепутались, материалы для «Герольд» оказались под материалами для выпускного альбома, поэтому я не видела его, я даже не знаю, когда он это принес, но...

— О чем ты говоришь?

— Читай. Быстрее.

Я посмотрела на начало страницы.

«Редактору «Геральд»

Это письмо — ответ на вашу статью в выпуске за прошлый месяц о махинациях в школьном футболе. Я был упомянут в той статье, и мне бы хотелось затронуть пару моментов. Возможно, это прозвучит несколько эгоистично, и,

наверное, так и есть, но недавно мне сказали, что некоторые подробности не помешали бы. Так что вот вам подробности.

Во-первых, спасибо за красивого.

Во-вторых, я хотел бы поговорить о той части статьи, где обсуждались стратегии, которые используют некоторые игроки старшей школы для улучшения своих показателей, помимо тренировок, тяжелого труда и т.д. Меня использовали в качестве примера. Как и было отмечено, первые два года я играл за старшую школу Шонесси, которая является командой класса 6. Вы предположили, что в одиннадцатом классе я перешел из команды Шонесси в команду Темпл-Стерлинга для того, чтобы больше времени проводить на поле и тем самым получить возможность улучшить свою общую статистику.

В школьном футболе показатели очень важны — это правда, однако не могу согласиться с тем, что сам совершил такой продуманный ход. Дело в том, что я переехал в Темпл-Стерлинг, потому что летом перед одиннадцатым классом моя мама второй раз вышла замуж. Дочь моего отчима уже живет в Темпл-Стерлинге со своей мамой, и он хотел быть ближе к ней.

Обычно я не распространяюсь на эту тему, потому что считаю, что это никого не касается. К тому же иногда мне трудно говорить о личной жизни, особенно если речь заходит о моей семье. Но недавно я понял, что это может стать помехой и что иногда то, что я расцениваю как сдержанность, люди принимают за недоверие.

И раз уж я пишу это, то хотел бы сказать об игре с Лейк-Фолс. Любой, кто присутствовал на игре, мог заметить мое довольно неспортивное поведение. Мне стыдно за то, как я повел себя в тот вечер, и я бы хотел извиниться. То, что я собираюсь сказать, не является оправданием, но по крайней мере хоть каким-то объяснением.

На самом деле смерть Сэма Уэллса сильно повлияла на меня, и не только потому, что я знал его. Все, кто знал Сэма, ощущают потерю прекрасного игрока и преданного товарища. Но я чувствую личную связь с этой утратой, потому что не первый раз теряю кого-то таким образом. Когда я учился в седьмом классе, мой брат погиб в автомобильной аварии по вине пьяного водителя. За рулем был мой папа.

Может показаться странным, что я придавал такое значение победе над Лейк-Фолс, но для меня это была бы своего рода победа над людьми, которые действуют, не подумав. Эгоистично думать так об игре. Я это не отрицаю. Во время игры я стараюсь не давать волю чувствам, но на игре с Лейк-Фолс позволил им взять верх. Я искренне сожалею об этом и о том, как вел себя на поле и вне его.

В школе мы часто слышим «неважно, что думают о вас другие», и во многих случаях это правда. Но мне не все равно, что думают обо мне конкретные люди. Надеюсь, что, если мои действия заставили этих людей потерять веру в меня, я смогу вернуть эту веру или они хотя бы позволят мне попытаться.

На этом все, так держать, редактор. Мне нравятся ваши авторские колонки и когда вы печатаете меню столовой.

Эзра Линли»

В горле у меня застрял здоровенный ком, который я с трудом сглотнула.

— Ты собираешься опубликовать это?

— Да, черт побери, — сказала Рэйчел. — Это интересно.

Почему он не рассказал мне? Это была моя первая ясная мысль. Я была зла. Я была зла на Эзру не за то, что на игре он повел себя как придурок, и не за то, что он пришел на бал выпускников с Линдси. Это вообще не относилось к школьной ерунде. Я была зла, потому что он не рассказал мне. Я чувствовала себя так же, как в тот раз,

когда вошла в раздевалку команды, после того как он узнал про Сэма, когда подумала, что не знаю, когда дела Эзры стали нашими делами. Но они стали. Я должна была знать. Тогда бы я поняла.

— Я перелопатила кучу информации о нем для этой статьи и не нашла ничего об этом, — продолжала Рэйчел. — Ни про отчима, ни про брата, ничего. Как думаешь, почему он заговорил об этом сейчас? — Она покачала головой. — Может, его поведение на игре... Может, там были скауты. Может, ему пришлось попытаться оправдать свое удаление, чтобы не потерять лицо перед другими школами...

Это было слишком. Мне слишком многое нужно было обдумать, вместо того чтобы иметь дело с Рэйчел и ее лицемерием.

— Не все вертится вокруг колледжа, — оборвала я ее. — Не все думают о резюме, статистике или как выставить себя в лучшем свете.

— Ну, он пытался выставить себя в лучшем свете перед кем-то. Публичное извинение? По-моему, это чересчур. Игроки школьных команд постоянно ведут себя как полные придурки, и что-то я не видела, чтобы они ударялись в лирику по этому поводу.

Я не ответила. Когда я наконец-то взглянула на Рейчел, она смотрела на меня со скепсисом.

— Ты ведь должна была пойти на выпускной вместе с Эзрой.

— Да, и что?

— То, что он написал это для тебя.

— Что?

— Вы поссорились после игры с Лейк-Фолс, да?

Черт подери маленькие городишки с их маленькими школами и немногочисленными учениками.

— Откуда ты узнала?

— Да ладно. В следующий раз выбирайте для ссоры менее публичное место. — На ее лице появилось странное выражение, которое у другого человека можно было бы принять за улыбку. — Эзра написал это письмо для тебя. Чтобы сохранить лицо в твоих глазах.

— Нет, не для меня, — сказала я, хотя у меня появилось такое подозрение, пока я пялилась на страницы у себя в руках. Конкретные люди. Конкретные люди — это я?

Но как же Линдси? Опять же, возможно, тут два совершенно разных вопроса. То, что Эзра хотел устранить недоразумения между нами, еще не значило, что он хотел со мной встречаться.

— Поздравляю, — сказала Рэйчел и забрала у меня письмо. — Ваши бурные отношения обеспечили нам крупную сенсацию. Признание звезды футбола: переполох и слезы на игре с Лейк-Фолс.

— Ты очень дерьмовый журналист, Рейчел, — сказала я и повесила сумку на плечо, — но однажды ты будешь править миром.

— Расскажи мне то, чего я не знаю, — сказала она, и я вышла из комнаты.

В тот же день, выйдя из редакции, я стала разыскивать Эзру, но нигде его не нашла. Мне не хотелось писать ему сообщение или звонить: такие разговоры ведутся лицом к лицу.

Когда я наконец обнаружила Фостера, он сказал, что Эзра повез Марабель на осмотр и вернется только к вечерней игре. Так что я поехала домой и попыталась

учиться, попыталась сосредоточиться на домашней работе. Но в памяти продолжали всплывать отрывки из письма и звенело уверенное утверждение Рэйчел: «Он написал это для тебя».

Как только часы показали половину седьмого, я отвезла Фостера обратно на поле.

Но когда мы прибыли, команда уже разминалась. Это была первая окружная игра в году, со школой Стилвиля, и все воспринимали ее очень серьезно.

Я встала на боковую линию поля, как обычно, верная вешалка мистера Харпера. Он начал изредка улыбаться на некоторые мои тупые комментарии. Кажется, я постепенно брала его измором. К концу плэй-офф он, возможно, доверит мне даже крышку от объектива.

Но сегодня мои мысли были далеки от фотокамеры. Я просто хотела поговорить с Эзрой.

Игра была отличная, по крайней мере, команда Стилвиля оказалась достойным соперником для нашей. К третьей четверти мы проигрывали шесть очков. Фостер забил два филд-гола, и, судя по обстановке на поле, команда готовилась к еще одному. Как и ожидалось, тренер отправил туда Фостера. Центр подал мяч, но никто не установил его перед Фостером.

Это была обманная комбинация. Та, про которую он рассказал мне на стоянке возле «Тако Белл» и «Пицца Хат». Казалось, с того дня прошла целая вечность.

Я даже не видела пас, настолько быстро все произошло. Стилвиль быстро раскусил хитрость, но все-таки недостаточно быстро, чтобы перехватить Эзру. Он рванул вдоль бровки, оставляя позади столкнувшихся тэклов, в то время как наши нападающие уничтожали защиту Стилвиля.

Эзра пересек белую линию очковой зоны. Тачдаун был хорош. Стадион взорвался ликующими криками.

Я поискала глазами Фостера, но его не было видно. Все игроки отходили назад. Фостера нигде не было.

И тут я заметила игроков, наших игроков, столпившихся в одном месте на поле.

— Нужна помощь, — крикнул кто-то из них.

Я сразу поняла. Это было словно дурное предчувствие. Я просто знала. И я не думала. Просто бросила сумку для камеры и побежала.

Обогнав тренеров и растолкав парней, я ворвалась в центр круга, где лежал Фостер.

Я думала, что, может, он потянул мышцу или что-то вроде. Сломал руку. Но он просто лежал, невредимый, как будто заснул посреди поля.

«Дев, он выглядел, как будто спит».

Сквозь толпу протолкались мистер Макбрайд и мистер Эванс, и меня оттеснили в сторону. Трибуны гудели. Эзра тоже протиснулся в круг, все еще сжимая в руках мяч.

— Отойдите, дайте нам место, ну же, — сказал мистер Эванс, а мистер Макбрайд встал на колени рядом с Фостером.

— Сынок? — Он слегка похлопал Фостера по щекам и крикнул мистеру Эвансу: — Скорую!

Я оцепенела. Беспомощная, я смотрела, как мистер Макбрайд осторожно снял с Фостера шлем.

— Ну же, сынок.

Эзра упал на колени возле Фостера и положил руку ему на грудь:

— Фостер. Эй. Фостер.

Веки Фостера дрогнули.

— Сколько пальцев? — спросил мистер Макбрайд.

- Два, — прохрипел Фостер.
— Сынок, какой сегодня день?
— Пятница.
— А кто побеждает?
— Не знаю. Мы потеряли мяч?
— Молодец, парень. Нет, не потеряли. Не садись. «Скорая» уже едет.
— Я в порядке, — сказал Фостер, хотя не выглядел так.

Мистер Макбрайд проигнорировал его слабые заверения, встал и велел остальным игрокам разойтись. Я не ушла, Эзра тоже остался стоять на коленях рядом с Фостером.

— Все хорошо. Все будет хорошо, — сказал Эзра. Он говорил это нам обоим, Фостеру и мне, но смотрел при этом на меня, и его голос был таким спокойным и уверенным, что я поверила ему.

Мне показалось, что прошла вечность, прежде чем на поле появились медики с носилками.

Они задавали Фостеру вопросы, осматривали его, светили фонариком в глаза и выполняли прочие действия, которые обычно показывают в сериалах про врачей.

— Фостер, твои родители здесь? — спросил один из них.

Впервые за все это время я обрела голос:

— Нет, но я... я его сестра.

— Хотите поехать с ним в больницу?

Я кивнула.

— Вероятно, у него сотрясение, — сказал ближайший ко мне медик. — Потеря сознания — нехороший симптом при травмах головы, так что нам нужно его забрать и проверить. Но все должно быть в порядке.

Мы наблюдали, как Фостера подняли на каталку. Он был практически серым.

— Ты едешь, Дев? — спросил он, когда медики повезли его к машине.

— Конечно.

В «Скорой» Фостера вырвало. Как только мы приехали в окружную больницу, его сразу же забрали на томографию. Я осталась ждать в коридоре и позвонила родителям. Они только что выехали из аэропорта, и им требовался еще час или два, чтобы добраться до дома. Я была в такой панике, что мне казалось, будто они все еще за тысячи километров от дома, но я старалась, чтобы мой голос не дрожал, когда сказала им, что Фостер поправится.

Мне не хотелось вешать трубку, и когда я это сделала, то осталась наедине с отдаленным гулом аппаратов да скрипом обуви по линолеуму. Мне захотелось опять позвонить маме. Телефон казался бесполезной жестянкой с обрезанным проводом, бросившей меня в одиночестве. Я крепко зажмурилась и уперлась затылком в стену.

Когда Фостер вернулся с компьютерной томографии, врачи сошлись во мнении, что с ним все будет хорошо. Они сказали мне, что хотят понаблюдать за ним еще одну ночь. К тому же все равно его могли отпустить только со взрослым.

Нас отвели в крошечную палату, где места хватало только для кровати, пластикового стула и всякого оборудования, которое обычно показывают по телевизору. Фостера подключили к аппарату, который отслеживал его жизненные показатели, после чего мы остались одни.

— Мама и папа уже едут, — сказала я, когда медсестра вышла. — Они скоро будут здесь.

Фостер кивнул, и мы оба замолчали. Когда я снова посмотрела на него, его лицо все еще оставалось серым. Но не таким, как на поле, когда он только что получил сотрясение мозга. Джейн сказала бы, что он выглядел осунувшимся.

— Ты в порядке?

Он ответил не сразу.

— Мой папа умер в больнице.

Я этого не ожидала. Я просто... тупо сидела.

— Да?

— Ага. И потом я еще раз попал в больницу. Я потерял сознание в школе, и меня забрали в больницу. Они пытались дозвониться до моей мамы, но никак не могли, а когда наконец дозвонились, она так и не приехала за мной. Так я и получил социального работника.

Это был один из его особенных моментов. Как в кухне после похорон Сэма Уэллса. Фостер переживал что-то свое.

— Я слышал, как они звали, — продолжил он. — На поле. Я слышал, как они говорили «сын, сын», но не понимал, к кому они обращались, потому что я ничей не сын. Пока Эзра не сказал мое имя... тогда я понял, что они говорят обо мне.

Глаза Фостера блестели, а его голос стал тише, когда он снова заговорил.

— Она так и не приехала забрать меня из больницы.

Я кивнула.

— Я знаю, никто этого не говорит, но она и отсюда не собиралась меня забирать. Я знаю, что это никогда не входило в план.

Я посмотрела на аппарат, отмечающий сердцебиение Фостера.

— Мне жаль, — сказала я после долгой паузы, и я действительно сожалела, но я также чувствовала себя не в своей тарелке и не знала, что сказать, чтобы ему стало легче. Так что я снова промолчала, пока Фостер не произнес:

— Ты как-то сказала, что это нормально — ненавидеть ее.

— Это так.

— Ну, я ее ненавижу.

Молчание.

— Хотя я думаю, что она любит меня. Думаю, она бы не отослала меня, если бы не любила. — Он посмотрел на меня с серьезным выражением. — Так ведь?

Я отчаянно желала, чтобы мама с папой были тут. Они бы знали, что сказать, чтобы ему полегчало. Мама обняла бы его, а папа сказал бы что-нибудь правильное. Но я просто позволила упасть нескольким эгоистичным слезинкам, не состоянии даже представить, что он испытывал, потому что знала, что мои родители всегда приедут за мной.

— Так, — сказала я и впервые действительно поняла, каково ему жить с нами. Я всегда предполагала, что он вообще не скучает по ней. Что здесь он счастливее. А как же иначе? У нас есть еда и одежда, и мои родители милые, обычные родители, которые спрашивают, как прошел твой день, и говорят тебе делать домашку. Разве это не лучше той, кого мало волнует твое существование, а свое — и того меньше?

Но она была его мамой, и это была его жизнь. Это все, что он когда-либо знал.

Я посмотрела на Фостера. До этого я не понимала, что люблю его, но я любила. И его боль была моей болью, и она ранила меня, но в каком-то странном смысле это было даже хорошо — знать, что мы можем ее разделить.

Я обняла его, и он заплакал. Прошло много времени, прежде чем я поняла, что в дверях стоит Эзра.

— Привет, — хрипло сказал Фостер, отодвигаясь от меня.

— Мне прийти попозже? — спросил Эзра.

— Нет. — Фостер вытер нос тыльной стороной руки. — Все хорошо. Заходи.

Эзра шагнул в палату.

— Мы выиграли? — спросил Фостер.

— Не знаю, — ответил Эзра. — Я ушел сразу после того, как тебя увезли. Но мне не разрешили тебя навестить. Пришлось тайно проникнуть сюда, как ниндзя. — Он запнулся. — Ты как, нормально?

— Нет. — Губы Фостера дрогнули, а глаза снова наполнились слезами.

Эзра поразмыслил над этим минуту и сказал:

— Знаешь, что нужно делать?

— Что?

— Зажмурься, очень крепко, и считай до трехсот. Это все, что нужно. Просто считаешь до трехсот, а когда откроешь глаза, пройдет пять минут. Даже если тебе больно, или дела идут дерьмово, или ты не знаешь, что делать, ты только что прожил целых пять минут. И когда тебе кажется, что ты больше не можешь, просто закрой глаза и снова считай. Это все, что нужно. По пять минут за раз.

Глаза Фостера были красными. Он слабо кивнул:

— Хорошо.

— Давайте сделаем это. — Эзра сел на край койки и посмотрел на меня. — Мы все закроем глаза.

Я закрыла глаза, и мы начали считать:

— Один... два... три...

На «сорок четыре, сорок пять, сорок шесть» дыхание Фостера стало ровным. На «сто семьдесят восемь, сто семьдесят девять» я услышала, как он откинулся обратно на подушки. На «двести пятнадцать, двести шестнадцать, двести семнадцать» я протянула руку поверх одеяла, нашла пальцы Эзры и крепко сжала.

Мы досчитали до трехсот.

Я открыла глаза.

Фостер испустил долгий вздох, посмотрел на меня и слабо кивнул.

Я кивнула в ответ. Он крепко зажмурился.

И начал считать заново.

36

Эзра оставался с нами, пока не приехали мои родители. Мама была сама не своя.

— Поверить не могу, что нас не было рядом, — продолжала повторять она. За первые десять минут она взбила подушки Фостера раз двенадцать.

— Я в порядке, — продолжал отвечать Фостер, и это хорошо, потому что, кажется, маме требовалось множество заверений. Клянусь, она готова была заставить его произнести алфавит задом наперед и по порядку, чтобы убедиться, что из его головы не выбили пару букв.

Пока мои родители занимались Фостером, Эзра переместился ближе к двери.

— Спасибо, — сказала я, заметив это. — За... ты знаешь.

— Без проблем.

Эзра достал из кармана телефон, и я впервые подумала о том, что уже поздно.

— Ты, наверное, хочешь домой.

Он помотал головой:

— Нет, я просто... не хотел мешать.

— Ты не мешаешь.

Он слабо улыбнулся, а потом показал мне телефон.

— Джордан пишет мне без конца из приемного покоя.

— Он здесь?

— Ага. Я сказал ему, что с Фостером все нормально, но думаю, мне все же придется выйти.

Мои родители были заняты Фостером, а Фостер, в свою очередь, был занят ими. Так что я пошла с Эзрой в приемный покой.

Линдси, Кэс и Джордан — все сидели здесь. Когда мы вошли, они замерли.

— Чемпион. — Джордан вскочил на ноги и заключил меня в объятия. — Как он?

— Он поправится.

— Хорошо. Отлично. — Он отстранился. — Как ты?

— Я в норме.

— Ты выглядишь уставшей, — сказала Линдси, но потом округлила глаза. — Это не значит, что ты выглядишь плохо, я имею ввиду, ты всегда хорошо выглядишь, просто...

— Все нормально, — сказала я. — Я устала.

— Я могу подвезти тебя до дома, если хочешь немного отдохнуть.

— Нет, я в порядке. Спасибо. Хотя я думала сходить в кафетерий... я что-то проголодалась.

— Ой, мы заехали ко мне домой. После игры. Я привезла сэндвичи и еще всякое. Ребята, может, вы поищите торговый автомат и купите попить?

— Да не вопрос, — кивнул Джордан и вместе с Кэсом и Эзрой отправился дальше по коридору.

— Я знаю, каково это — ждать в больнице, — сказала мне Линдси. — Иногда забываешь поесть.

Я взглянула на нее, когда она начала распаковывать большой ланчбокс. Я не знала, считались ли мы достаточно близкими подругами, чтобы спрашивать, почему она ждала в больнице. Я решила, что нет. Но когда она протянула мне сэндвич, я подумала о том, что она всегда была добра ко мне, и решила, что мы все-таки достаточно близки.

— Почему ты была в больнице? — спросила я, взяв сэндвич.

— Из-за дедушки. Он тяжело заболел в прошлом году.

— Мне жаль.

Она кивнула:

— Мы очень скучаем по нему.

Стало тихо. Когда я посмотрела на Линдси, у нее на лице было странное выражение. Я не успела и слова вставить, как она выпалила:

— Девон, прости меня, пожалуйста. Понимаю, сейчас у тебя голова забита другим и это не самое удачное время для тебя... для всех... но я знаю, что только все усложнила.

— О чем ты?

— Мне не следовало просить Эзру идти со мной на бал выпускников.

Этого я не ожидала, и мне не хотелось, чтобы разговор принимал это направление.

— Ты не обязана... Я хочу сказать, что ты имела полное право просить кого хочешь.

Мои большие пальцы вдруг стали очень интересными. Все такие отстоящие и тому подобное.

— Нет, послушай, я узнала, что... я услышала, что вы с ним больше не собирались идти вместе, и просто подумала... — Она поморщилась, едва не плача. — Это так отвратительно, ужасно, я просто хотела заставить вас с Кэсом ревновать. Мне так жаль.

Я моргнула:

- Тебе не нравится Эзра?
- Не так.
- Но ты должна... нравиться Эзре?
- Почему?

— Потому что ты — это ты. И... он согласился пойти с тобой, и...

И это было логично. Он был хорошим, и она была хорошей; они просто подходили друг другу.

— Нет, он даже не хотел идти. Мне пришлось его уламывать. — Глаза Линдси были широко открыты. — И это было ужасно, Девон. В буквальном смысле. Мы вошли в спортзал, пробыли там минут двадцать, а все остальное время провели у него дома, готовясь к вечеринке. Я развешивала гирлянды, а он... молча пялился на формочки для льда.

Я слабо улыбнулась.

— Я так злилась из-за того, что Кэс пришел с этой... этой малолеткой, Грейси Хольтцер.

Это была самая презрительная реплика, которую я от нее когда-либо слышала. Я не могла не улыбнуться.

— Вообще-то, Грейси крутая. Она приказала ударить парня из-за меня в спортзале. Я как будто стала свидетелем мафиозной разборки.

Линдси все еще была расстроена.

— Уверена, она классная. Я просто... Мне было так плохо, и еще хуже от того, что я знала, что поступила с тобой некрасиво.

— Ты не... — покачала я головой.

— Я должна была поговорить с тобой. Соседки ведь должны общаться, правда же? — с надеждой улыбнулась она.

— Правда, — ответила я и замялась. — Линдси... я думаю... я знаю... что ты очень нравишься Кэсу. Просто иногда он серьезно тупит.

— Как Эзра, когда тот согласился пойти со мной, хотя очевидно же, что он влюблен в тебя?

Я подавилась, закашляла, брызгая слюной, и сказала:

— Вроде того. Может быть. Если это действительно так.

— Девон, так и есть.

Я пробурчала какое-то возражение и завозилась с целлофановой упаковкой от сэндвича. На секунду я задумалась о том, чтобы еще поуготоваривать ее дать Кэсу шанс, но в конечном итоге ничего не сказала. Я не знала, заслуживал ли он ее вообще, и решила предоставить все остальное судьбе.

Линдси, Кэс и Джордан пробыли в больнице столько, сколько позволял комендантский час Линдси. Когда они собрались уезжать, мы все вышли на стоянку.

Естественно, Линдси прижала меня к себе.

— Спасибо, — сказала я. — Спасибо, что пришла.

Она отстранилась:

— Девон, ты лучшая.

Еще одна очевидная неправда. Но Линдси была достаточно великодушной, чтобы верить в это.

— Насчет того, о чем мы говорили...

Линдси посмотрела туда, где Эзра разговаривал с Джорданом, потом обратно на меня, потом опять на Эзру и, на случай если до меня не дошло, многозначительно округлила глаза.

— О чем это?

— Я правда считаю, что ты должна, ну, знаешь, дать этому... супу... второй шанс.

— Супу?

— Ну, тому супу, про который мы говорили. Думаю, ты должна попробовать. Это очень... хороший рецепт. Исключительно надежный. И определенно вкусный. — Она широко распахнула глаза. — Не то чтобы я знала. Я вообще его не пробовала.

— Не самая идеальная метафора.

Линдси усмехнулась:

— Я просто говорю, что ты точно нравишься этому супу; и если он тебе тоже нравится, ты должна...

— Только не говори «съесть этот суп».

— Это не... ты права. Мои метафоры полный отстой. Но ты понимаешь, о чем я. Ты заслуживаешь хороший суп.

— Ты тоже. — Я скользнула взглядом по Эзре с Джорданом и топтавшемуся позади них Кэсу. — Но знаешь, дело не только в супе. Есть еще... — Я показала рукой на нее и на себя. — Жареный сыр и прочие штуки.

— Ага. — Она качнула головой. — Да. — Молчание. — Мы жареный сыр?

— Жареный сыр — это наша дружба.

Она улыбнулась:

— Хорошо.

Я снова обняла ее. Наверное, это она на меня так влияет.

— Спокойной ночи, Линдси.

— Спокойной ночи, Девон.

Линдси пошла попрощаться с Джорданом и Эзрой и, едва взглянув на Кэса, направилась к своей машине. Кэс глядел на нее секунду, а потом повернулся ко мне.

— У тебя все хорошо, да? Все... нормально?

Я не была уверена, спрашивает ли он о том, что произошло этим вечером, или за этим скрывается более общий вопрос.

— Конечно. Вроде.

— Отлично. — Он промолчал. — Может, позвонишь мне завтра?

Может, позвоню. Хотя уже не как раньше. Свернувшись под одеялом, желая, чтобы он был последним человеком, с которым я поговорю перед сном. Ожидая, что финал изменится. Этому не бывать, и теперь я это знала.

— Ага, может быть, — сказала я.

Он кивнул и посмотрел на Джордана.

— Увидимся в школе, чувак.

И побежал в сторону Линдси.

Я могла бы наблюдать за ними издали. Как наблюдала во время поездки в Ридинг, я могла бы вызвать муку безответной любви, ту боль, которую ты готов терпеть, поскольку она хотя бы как-то соединяет тебя с другим человеком. Но я не стала. Я больше не хотела этого.

После ухода Кэса Джордан пожал Эзру руку, поцеловал меня в щеку и ушел.

Мы с Эзрой остались одни.

— Назад в больницу? — спросил он через минуту.

— Ты не хочешь домой?

Он пожал плечами:

— Мне и здесь хорошо.

Я подняла глаза на Эзру, который, согласно бредовой статье Рэйчел Вудсон, был одним из лучших раннибеков среди старшекласников в стране. Он также был лучшим другом Фостера. Он лидировал в великодушии, преданности и чести. По крайней мере с моей точки зрения.

Я сглотнула и уже собиралась заговорить, когда заметила кое-что. Вернее кое-кого, ошивающегося возле большой бетонной урны, которая торчала из земли через пару фонарей от нас.

— Иди внутрь, — сказала я Эзре. — Я подойду через секунду. — Он удивленно поднял бровь. — Мне просто нужна минута покоя.

Эзра кивнул и зашел обратно.

— Эмир?

Оранжевый кончик его сигареты вспыхнул, как только я ступила в круг света от фонаря. Он выдохнул; сигаретный дым вился позади.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я.

— Я был на игре. Последовал за караваном.

— Ты поставил на то, что Фостер в порядке?

— Если бы я это сделал, был бы я счастлив?

— Да, был бы.

— Рад слышать.

Он достал еще одну сигарету. Я глядела на него и затем подошла на шаг ближе. Было кое-что, что я должна была ему сказать.

— На вечеринке, со Стэнтоном, ты приглядывал за нами. Спасибо тебе за это.

Он пожал плечами:

— Да, ну. Ты мне нравишься.

Я открыла рот, но ничего не вышло.

— Не в том смысле. Не переживай. Я знаю, ты предпочитаешь сильных, молчаливых парней.

— Откуда ты знаешь?

— Все это знают.

То же самое сказал Кэс на выпускном. Похоже, я не таинственный сфинкс.

— Твоя семья приняла твоего кузена, — сказал Эмир минуту спустя, — и я всегда вижу тебя с ним. — Пауза. — Наши родственники помогли маме, сестрам и мне, когда мы впервые приехали сюда. Приятно, когда люди помогают в трудную минуту.

— Это нетрудно.

— Но и не легко.

— Почему вы оставили свой дом? — спросила я.

— Это сложно объяснить.

Я кивнула. Я не ожидала, что он продолжит разговор, но после длительной паузы он откинул голову назад и, глядя на небо, сказал:

— У нас за домом росло большое старое дерево. Из тех, что с качелями. Старше, чем сам дом. Старше, чем мои родители.

Когда он замолк, я подтолкнула его:

— Да?

— Да. Его сожгли дотла.

Он еще раз затянулся и выдохнул:

— И мы поняли, что там оставаться небезопасно. Это было как... поворотный момент или похожее дерьмо. Нам пришлось уехать. — Он слегка улыбнулся, глядя на звезды. — Забавно, это горящее дерево было красиво, в каком-то извращенном смысле.

На секунду он встретился со мной взглядом, и я увидела. Всего на миг я увидела выражение, которое искала в его лице раньше, — признак трагедии в прошлом. Теперь

я его узнала, и в тот момент я была рада оказаться скучной Девон Теннисон, выдающейся своей ничем не выдающейся жизнью.

Мы молча стояли, пока Эмир не докурил сигарету. Он раздавил окурки о мусорку, кивнул мне и исчез в темноте.

38

После того как Джордан, Кэс и Линдси ушли, после разговора с Эмиром, после того как мои родители в пятнадцатый раз сказали мне идти домой и поспать, мы с Эзрой спустились вниз якобы для того, чтобы он подбросил меня до дома.

Но мне не хотелось уходить, и Эзра это знал, так что мы просто болтались у его машины. Он теребил в руках ключи, я несла какую-то чепуху о погоде, на что он очень любезно ответил такой же бессмыслицей.

И только после обмена однотипными репликами, он наконец посмотрел меня и сказал:

— Я рад, что с Фостером все в порядке.

— Я тоже.

Пауза.

— Я... извини, — сказал он. — Я обещал тебе присматривать за ним, и мне следовало... это не должно было случиться. Он не должен был пострадать.

— Эзра, как ты мог это остановить? Стать Фостеру живым щитом?

— Я обещал тебе присматривать за ним.

Как присматривал бы брат.

— Вот... насчет письма...

— Ты... ты прочла его?

— Ага. Тебе было не обязательно это делать.

— Нет, обязательно.

— Но не таким способом. Теперь Рэйчел Вудсон попытается купить у тебя права, чтобы написать сценарий к Фильму Всей Жизни.

— «Вот придурок: История Эзры Линли»?

— Ты не придурок, — ответила я. — Но ты мог бы просто поговорить со мной. Я бы... — Я покачала головой. — Ты мог поговорить со мной.

— Знаю. Я испугался.

— Почему?

— Потому что... — Он остановился. — Потому что мне стыдно.

— За что?

Поначалу он не отвечал. Просто перебрасывал ключи из одной руки в другую, но наконец произнес:

— Это как с мамой Фостера. Он не рассказывает о ней каждому встречному, и, мне кажется, это по сходной причине. Они — часть того, что мы из себя представляем. Мы как бы их отражения. То, что они совершили... распространилось и на нас.

— Но ведь... но ведь твой папа сделал это не нарочно, верно?

Эзра замотал головой.

— Он не должен был садиться в машину. Если бы он не сел, Ник был бы жив.

Трагических смертей нельзя избежать. Так сказал Эзра в день прощания с Сэмом, и хотя я, как выразился Фостер, ничегошеньки ни о чем не знаю, в этот миг я

почувствовала, что Эзра ошибался. Очень часто трагедия состоит именно в том, что случившегося можно было бы избежать.

— Я видела фотографию, — сказала я. — В коридоре, у тебя дома. Вы рыбачили. Он выглядел... выглядел хорошим братом.

У меня не было никакого разумного основания для подобного вывода. Я лишь смутно припоминала, как выглядел брат Эзры на том фото: его образ был затуманен юным улыбающимся лицом Эзры. Но мне казалось, это нужно было сказать, некое подтверждение, некое... признание того, что было утеряно.

— Он и был, — кивнул Эзра. — Хорошим.

Несколько секунд мы молчали, а потом Эзра сказал:

— Странно. Иногда мне кажется, что мы все еще такие же, как на фотографии, а все, что случилось после, случилось с другими людьми. А иногда мы совсем другие, а в рамках незнакомцы.

Я кивнула, хотя на самом деле не поняла. Это как Фостер сказал: мне никогда не понять. Я никогда не пойму. Но я могу проявить сочувствие. Хотя бы это я могу.

— Так это и был секрет... ваш с Фостером? Он сказал, что у вас есть секрет. Это потому что вы оба... понимаете?

— Нет. — Внезапно Эзра скривился и торопливо заговорил: — Дев, было очень большой глупостью пойти на бал выпускников с Линдси. То есть, это было просто... тупо.

Я не ожидала такой резкой смены темы и вдруг не могла смотреть ему в глаза. Я была слишком смущена.

— Не знаю. Если бы она пригласила меня, я бы, наверное, согласилась.

Эзра фыркнул от смеха, но когда снова заговорил, его тон был серьезным.

— Я, типа, запаниковал. Подумал, что ты придешь с Кэсом. Из того, что говорила Линдси, я решил, что вы с ним... — Он замолчал.

— Да, — сказала я, стараясь звучать жизнерадостнее. — Я... Я была убеждена, что вы с ней вроде как по уши влюблены друг в друга.

— Нет. Ни за что. То есть, мы друзья, и она реально крута, но она не...

Не в его вкусе? Я вспомнила, как в спортзале Фостер говорил о своих вкусах. Чьему вкусу может не соответствовать Линдси Рэншоу?

— Так тебе нравятся девушки с изъязмом? — не удержалась я. — Деревянные зубы, руки задом наперед и все такое?

— Руки задом наперед?

Я покраснела.

— Ну, знаешь, когда ладонь там, где должна быть тыльная сторона и... наоборот...

— Ага, я знаю кучу девчонок с руками задом наперед. С этими надо быть осторожнее.

— Заткнись.

Он улыбнулся, и я почувствовала, как внутри у меня замкнулся контур, по которому устремился какой-то ток.

— Дев, ты уже должна была понять... секретом была ты.

— Что?

— Хочешь знать, почему я выбрал Фостера в тот первый раз на физре? Потому что я знал, что он твой брат. Работать в паре с тобой оказалось катастрофой, поэтому я подумал, что следующая лучшая вещь — это показать тебе, что я хотя бы могу быть добрым к нему. Конечно, потом я понял, какой Фостер клевый и что у нас есть общее, но изначально это было просто... Я просто хотел тебе понравиться.

Она так просто это сказала, как первоклашки в записочках: «Я тебе нравлюсь? Отметь да или нет». Я только и могла, что таращиться на него.

— Я нравилась тебе с того первого урока физры?

Он кивнул:

— С того момента, как я сказал: «Сходи за мячом», а ты ответила: «Сам сходи».

— Это тогда я начала тебе нравиться?

— Первоначальная симпатия, да.

— Ты выбрал странный способ это показать.

— Да, ну, у меня склонность к паршивым первым впечатлениям. И вторым, и третьим, и четвертым, и пятым. — Настала тишина. Эзра качнулся туда-обратно на мгновение. — Так я... все испортил?

— Что испортил?

Он пожал плечами:

— Шанс на... привязанность.

Не успев даже подумать, я ударила его в плечо.

— Это же из Джейн Остин. Ты читал Джейн Остин!

Он кивнул:

— Я пошел и купил ту книгу, которую ты забыла на поле.

— «Чувство и чувствительность»? Зачем?

— Чтобы у меня было о чем с тобой поговорить. Не знаю, заметила ли ты, но я не очень-то силен в разговорах.

— И как ты собирался это вернуть?

— Не знаю. Может, если бы мы зависали вместе и разговор зашел в тупик, я бы такой: «Блин, этот Уиллоби полный урод, да?»

— Вообще-то, он не урод. Вернее, урод, но не настолько. Мистер Уикхем, вот кто настоящая сволочь у Джейн.

— Да, Уикхем. Терпеть не могу этого парня.

— Ты и «Гордость и предубеждение» читал?

— Я думал, это что-то вроде сиквела.

— Никто никогда не читал ради меня книгу, а тем более две. Мой бойфренд в восьмом классе, Кайл Моррис, пригласил меня на свидание по СМС.

— Я не умею вести разговор, как они, — продолжил Эзра минутой позже. — Но... я испытываю к тебе те же чувства, что и они в тех книгах. То же, что эти парни чувствуют к девушкам, которых не всегда заслуживают.

На мгновение наши взгляды встретились. Это все, что я сумела, разрываясь между смущением и бурной радостью.

— Некоторые очень даже заслуживают, — сказала я. — Некоторые из них замечательные. И вовсе не сволочи.

Он широко улыбнулся, показав неровные нижние зубы.

— Во все не сволочь. Это прекрасно. Надо включить в свое резюме.

Я коротко засмеялась, а затем наступила тишина.

И в одно мгновение между нами было место, и я остро это осознавала, а потом вдруг места стало значительно меньше. Не знаю, Эзра сделал первый шаг или я, — это не имеет значения, потому что вот он, Эзра Линли, смотрит на меня сверху вниз, обнимая меня за талию. Я положила ладони ему на плечи, как будто мы собирались танцевать в средней школе, но между нами не осталось места для Святого Духа, или для нервозности, или неловкости, все казалось таким правильным. Очень правильным, очень великолепным, а потом он посмотрел на меня, и словно ожил самый чудесный момент в книгах Джейн. Та часть, где герои вместе.

Оставшееся между нами расстояние исчезло. Мы с Эзрой поцеловались.

На задворках сознания промелькнула мысль: так вот каково это — целоваться, но потом все, на чем я могла сосредоточиться, — это Эзра, его губы, волосы, руки, крепко обнимавшие меня.

Когда ты знаешь, что нравишься человеку, который нравится тебе, — это такое чувство, что можно зарядить тысячу электрических авто. Невероятное чувство. Как будто случилось невозможное. Это одно из самых счастливых совпадений, которые вообще существуют.

И тем не менее, когда мы с Эзрой поцеловались, ночное небо не осветилось фейерверками, не заиграл оркестр, не случилось ни одного из затасканных клише, которые существуют в представлениях подростков о первом поцелуе. Мы не ускакали верхом на лошади навстречу его обширному поместью и десяти тысячам футов годового дохода. Мы просто целовались, и это было... необыкновенно потрясающе... а потом я прислонилась к нему, и мы стояли так некоторое время, обнимая друг друга. На этот раз Эзра не считал до трехсот. Его дыхание было ровным и спокойным, и это было чистое, незамутненное, высококонцентрированное счастье. Горький шоколад для души.

Через некоторое время мы снова поцеловались и пожелали друг другу спокойной ночи, а потом еще целовались, а потом наконец — после еще одного долгого поцелуя, трех коротких и еще немножко крохотных — Эзра сел в свой пикап и уехал. Я смотрела, как его стоп-сигналы исчезли вдаль, а затем вернулась в больницу. Казалось, что внутри у меня расплавленный мед, а губы покраснели от нового приятного чувства.

— Ты какая-то странная, — сказал Фостер, как только я зашла обратно в его палату. Родители оглянулись, но если и заметили что-то, то были достаточно добродушны, чтобы не говорить об этом.

— Сам ты странный, — ответила я.

— Девон, — сказала мама, но она улыбалась.

Фостера отпустили рано утром. Ему предписали отдых и отстранение от игр до конца сезона. На это Фостер заартачился, но папа заметил, что его ждут еще три года игр, а слишком быстрое возвращение может этому воспрепятствовать. После этого Фостер вроде бы упокоился.

Родители довели нас до стадиона, чтобы я забрала свою машину. К моему удивлению, Фостер захотел ехать остаток пути до дома со мной. И к моему еще большему удивлению, родители согласились. Я не думала, что они так быстро выпустят Фостера из поля зрения, но, когда мы выезжали со стоянки, я видела в зеркало заднего вида, что они едут следом.

В машине было тихо, но несомненно нам обоим было что вспомнить. Вечер в больнице оказался, мягко говоря, насыщен событиями, и, думаю, я никогда не чувствовала себя такой счастливой. У меня были друзья, которые приехали, и ждали, и принесли сэндвичи, и волновались. И у меня был Эзра и его улыбка, и я целовала эту улыбку, и это было офигенски потрясающе. У меня был Фостер, и он был здоров.

Столько всего, за что нужно быть благодарной, но в то же время мне было больно знать, что в некотором смысле Фостер не здоров, что он страдает, что он горюет по прежней жизни.

Остановившись перед знаком «Стоп», я взглянула на него.

— Как твоя голова?

— Немного болит.

— Тебе нужен отдых. — Я помолчала. — Но все хорошо?

Он пожал плечами.

— Марабель порвала со мной.

Фостер не выглядел расстроенным. По крайней мере судя по тому, что я видела боковым зрением.

— Жалко, — сказала я. — Когда?

Надо быть бессердечной, чтобы бросить человека, когда он находится в больнице. Но Марабель даже не было там вчера вечером.

— Позавчера. На тренировке.

— Почему ты мне не сказал?

— Ну, мы и не были парой на самом-то деле. Но она просто сказала... ну, что не может быть моей девушкой.

— Ей сейчас приходится о многом думать.

Он кивнул и замолчал.

— Мне хотелось бы... — Он покачал головой. — Иногда мне хочется, чтобы все было по-другому. Это ужасно?

— Нет, — сказала я. — Нет, не думаю.

Некоторое время было тихо.

— Вы с Эзрой поговорили?

— Да.

И он прислал мне сообщение: «Доброе утро».

«Доброе, — ответила я. — Хорошо спал?»

Он ответил тремя сообщениями, одно за другим.

«Нет».

«Но в хорошем смысле».

«Я был слишком счастлив».

Я уставилась на слова на экране, вшедшие из-под пальцев Эзры прямоком мне в ладонь. Не думаю, что можно быть слишком счастливым, но я знала, что он имел в виду, я тоже это чувствовала — то счастье, которое заставляет тебя светиться изнутри, кажется слишком большим, чтобы его можно было удержать в себе.

— Значит, вы теперь вместе? — спросил Фостер.

— Что-то типа того, — сказала я.

— Ну, вы всегда были чем-то типа того.

Я улыбнулась. Это Фостер. Фостер-рот-на-замок. Утренние смузи и тому подобное, огромная-преогромная заноза в моей заднице, брат, которого я, сама того не зная, всегда хотела. Страница в истории моей жизни, которую я никогда не предвидела.

Я начала думать о тех страницах. Ридинг, и Кэс, и поездки на машине с Фостером, и влюбленность в Эзру — все это были отдельные страницы. И внезапно меня наполнило чувство — похожее на решительность, которую я ощутила, когда мы ездили в Ридинг, это сумасшедшее желание стараться больше, быть лучше — меня наполнило чувство, что нет на свете ничего, чего мы не могли бы преодолеть, сосчитав до трехсот за раз, триста слов на страницу.

Я свернула на подъездную дорожку и посмотрела на Фостера, и не могла не подумать о том, что сказал Эзра: что иногда ему казалось, будто все, что случилось с его семьей, случилось с кем-то другим. Что будет чувствовать Фостер, глядя на свои старые фотографии? Что все произошло с другим человеком или что он теперь незнакомец? Может быть, понемногу того и другого. Мы с ним были другими людьми, до того как появились друг у друга. Но теперь я ни за что не поменялась бы местами с той девушкой.

— Ну... — сказала я наконец. — Мы дома.

Он поднял глаза на дом, наш дом. И через мгновение сказал:

— Спасибо, что подвезла, Дев.

— Без проблем.

Фостер кивнул и вышел из машины. Я открыла свою дверь и последовала за ним.